

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-L

Комплексные проблемы
современной политики

Complex problems
of a modern policy

POLITICAL VECTOR-L

научный журнал

1-2 2016

ISSN 2307-5473

Учредители:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национально исследовательский университет)

Челябинское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки

Редакционная коллегия журнала:

Хвощев В.Е.
(главный редактор);

Балакин В.С., д. и. н., проф., ЮУрГУ;
Бурмейстер А.Н., заслуженный проф. Гренобльского ун-та;
Малышев М.А., проф.-исследователь, УАЕМ;
Придворова Ю.В., дизайнер, ЮУрГУ;
Сибиряков И.В., д. и. н., проф., ЮУрГУ;
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса, проф.-исследователь, УАЕМ;
Мария Луиза Бакарлетт, проф.-исследователь, УАЕМ.

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,

email: vek@susu.ac.ru

Формат 70x108 1/16

Усл. п. л. 18,55

Тираж - 500 экз.

Номер заказа 535/1

Цена свободная

Периодичность выхода:

2 раза в год

© Издательский центр ЮУрГУ, 2016

© Издательство НОЦ «КПСР», 2016

Балакин В.С.	– 99 , 111, 120 –	Balakin V.S.
Беседин М.Д.	– 196 –	Besedin M.D.
Боженева А.С.	– 154 –	Bozheneva A.S.
Горопашный В.В.	– 120 –	Goropashny V.V.
Гусева Н. С.	– 171 –	Guseva N.V.
Демин П.В.	– 128 –	Demin P.V.
Докучаева С. В.	– 171 –	Dokuchaeva S.V.
Колчинская В.Ю.	– 128 , 136 –	Kolchinskaya V.U.
Лаврова А.Г.	– 163 –	Lavrova A.G.
Мануэль Теофило Андрате Лобако	– 65 –	Manuel Teófilo Andrade Lobaco
Мирошниченко М.И.	– 92 –	Miroshnichenko M.I.
Мельва Лопес Назарио	– 78 –	Melva López Nazario
Рашевских В.О.	– 163 –	Rashevskih V.O.
Рожкова О.Е.	– 145 –	Rozhkova O.E.
Роландо Миранда Кабальеро	– 23 –	Rolando Miranda Caballero
Росс Е.С.	– 188 –	Ross E.S.
Русских Л.В.	– 145 –	Russkikh L.V.
Сидоренко Д.С.	– 196 –	Sidorenko D.S.
Смакова Т.К.	– 92 –	Smakova T.K.
Трошкин Е.И.	– 154 –	Troshkin E.I.
Фидель Веласко Гордильо	– 52 –	Fidel Velasco Gordillo
Франсиско Масиас Арриага	– 7 –	Francisco Macias Arriaga
Хвощев В.Е.	– 188 –	Khvoshchev V.E.
Хуан Хесус Монрой Мендоса	– 39 –	Juan Jesús Monroy Mendoza
Шаронов И.А.	– 99 –	Sharonov I. A.
Янцеви́ч Е.С.	– 111 –	Yantsevich E.S.
Ярема Н.А.	– 136 –	Yarema N.A.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	6
Франсиско Масиас Арриага «Дискурс по проблеме возможности: экспрессия человека»	7
Роландо Миранда Кабальеро «Сократ или отголоски философа, лишенного собственного дискурса»	23
Хуан Хесус Монрой Мендоса Приближение к Витгенштейну и его фигуративной теории значения	39
Фидель Веласко Гордильо Мишель Фуко: дискурс по поводу «заботы о себе».....	52
Мануэль Теофило Андраде Лобако Сноведение и религия: антропологический анализ.....	65
Мельва Лопес Назарио Антропологический подход к анализу стратегии выживания в аграрной зоне. Гуанахуато, Мексика	78
Смакова Т.К., Мирошниченко М.И. «Творческая деятельность в области литературы и искусства должна быть проникнута духом борьбы за коммунизм...»: политическая ангажированность искусства.....	92
Шаронов И.А., Балакин В.С. Застой и перестройка: опыт изучения советских экономических реформ 1965 и 1987 года в российской историографии	99
Янцевич Е.С., Балакин В.С. Конформизм в СССР как социально-политическая практика и средство создания психологического комфорта.....	111
Горопашный В.В., Балакин В.С. Реабилитация в СССР осужденных по 58-й статье: механизм, противоречия, итоги.....	120
Демин П.В., Колчинская В.Ю. Социологические подходы к пониманию общественных движений.....	128
Ярема Н.А., Колчинская В.Ю. Структура политической социализации подростка.....	136
Рожкова О.Е., Русских Л.В. Изменение роли отца в процессе трансформации семьи.....	145
Боженева А.С., Трошкин Е.И. Структура и теоретические основы понятия «здоровый образ жизни»...154	
Рашевских В.О., Лаврова А.Г. Графический язык эмоджи как элемент дискурсивных практик в социальных сетях Интернет.....	163
Гусева Н. С., Докучаева С. В. Деструктивные формы политической активности студенческой молодежи.....	171
Росс Е.С., Хвощев В.Е. Политическое регулирование трансграничной миграции в современном мире.....	188
Сидоренко Д.С., Беседин М.Д. Влияние «Евромайдана» на политические процессы в России.....	196
Требования к публикациям	208

CONTENTS

From the editors.....	6
Francisco Macias Arriaga Discourse of the possibility: expression of human being	7
Rolando Miranda Caballero Socrates or on the philosopher echoses without discourse.....	23
Juan Jesús Monroy Mendoza An Approach to Wittgenstein and his picture theory of meaning	39
Fidel Velasco Gordillo Michel Foucault: discourse about "the care of oneself".....	52
Manuel Teófilo Andrade Lobaco Dreams and religion from an anthropological analyze.....	65
Melva López Nazario Anthropological approaches to the analysis of subsistence strategies in rural areas. Guanajuato, Mexico	78
Smakova T.K., Miroshnichenko M.I. «Creative activity in literature and art should be imbued with the spirit struggle for communism ...»: political commitment of art.....	92
Sharonov I. A., Balakin V.S. Zastoy and perestroika: experience of study economical soviet economical reform 1965 and 1987 in russian historiography	99
Yantsevich E.S., Balakin V.S. Conformism of the USSR as a socio-political practice and a means of creating psychological comfort	111
Goropashny V.V., Balakin V.S. Rehabilitation convicted in Article 58: a mechanism, contradictions, results	120
Demin P.V., Kolchinskaya V.U. Sociological approaches to understanding social movements	128
Yarema N.A., Kolchinskaya V.U. The structure of the political socialization of the teenager	136
Rozhkova O.E., Russkikh L.V. The changes of the father`s role in the process of transformation of the family	145
Bozheneva A.S., Troshkin E.I. The structure and theoretical foundations of the concept of "healthy lifestyle".....	154
Rashevskih V.O., Lavrova A.G. Graphic language of the emoji as part of the discursive practics in the social media	163
Guseva N.V., Dokuchaeva S.V. Destructive forms of student's political activity	171
Ross E.S., Khvoshchev V.E. Political regulation of cross-border migration in the modern world	188
Sidorenko D.S., Besedin M.D. Influence of «Euromaidan» on political processes in Russia	196
Requirements concerning the publication	208

	INDICE
Redactor.....	6
Francisco Macias Arriaga Discursos de la posibilidad: expresión del ser humano	7
Rolando Miranda Caballero Sócrates o sobre los ecos del filósofo sin discurso	23
Juan Jesús Monroy Mendoza Un acercamiento a Wittgenstein y su teoría figurativa del significado	39
Fidel Velasco Gordillo Michel Foucault: discurso sobre 'el cuidado de sí'	52
Manuel Teófilo Andrade Lobaco Sueños y religión desde el análisis antropológico.....	65
Melva López Nazario Aproximaciones antropológicas al análisis de las estrategias de subsistencia en el ámbito rural. Guanajuato, México	78
Smakova T.K., Miroshnichenko M.I. "La actividad creativa en las áreas de literatura y arte debe ser inspirada por el espíritu de lucha por el comunismo...": la ideologización política del arte	92
Sharonov I.A., Balakin V.C. Empantanamiento y Perestroika: estudio de las reformas económicas soviéticas de 1965 a 1987 en la historiografía rusa	99
Yantzevich E.S., Balakin V.C. El conformismo en la URSS como práctica sociopolítica y como medio de creación del confort psicológico.....	111
Goropashnii V.V., Balakin V.S. La rehabilitación jurídica de los condenados según el artículo 58 en la URSS: mecanismos, contradicciones y resultados	120
Demin P.V., Kolchinskaya B.Yu. Enfoques sociológicos para la comprensión de los movimientos sociales	128
Yarema N.A., Kolchinskaya V.Yu. Estructura de la socialización política del adolescente	136
Rozkova O.E., Russkij L.V. Cambio del papel del padre en el proceso de transformación de la familia	145
Bozeneva A.C., Troshkin E.I. Estructura y base teórica del concepto "modo de vida sano"	154
Reshevskij V.O., Lavrova A.G. El lenguaje gráfico Emody como elemento de las prácticas discursivas en las redes sociales del Internet	163
Guseva N.V., Dokuchaeva S.V. Las formas destructivas de actividad política en la juventud estudiantil	171
Ross E.S., Jvoshev V.E. Regulación política de la migración transfronteriza en el mundo contemporáneo	188
Sidorenko D.S., Besedin M.D. La influencia de "Euromaidan" en los procesos políticos de Rusia	196
Requisitos para publicación	208

От редактора

Очередной номер журнала «Политический вектор-Л» за 2016 год по разным причинам выходит в сдвоенном формате. Мы будем стремиться избежать этого в 2017 году, сохраняя периодичность (2 номера в год) и развивая концепцию журнала. И если «Политический вектор-М» по составу авторов остается преимущественно молодежным изданием, а «Политический вектор-PRO» – изданием для более опытных исследователей, то «Политический вектор-Л» предназначен для роли своеобразного моста, соединяющего усилия научных руководителей самых разных проектов и молодых проектантов, работающих над выпускными квалификационными трудами и диссертациями. Таким образом, каждый материал, помещенный в этот журнал, представляет собой сообщение о ведущейся разработке в обозначенном направлении.

From the editors

For various reasons, the next issue of the journal "Political Vector-L", 2016 is published in double format. We will try to avoid this in 2017, while maintaining periodicity (2 issues per year) and further developing the concept of the journal. And if "Political Vector-M" remains predominantly a youth publication by the composition of the authors, and "Political Vector-PRO" - a publication for more experienced researchers, the "Political Vector -L" serves as a bridge linking the efforts of the scientific leaders of a variety of projects and young candidates working on final qualifying essays and dissertations. Thus, each paper published in this journal represents a report on the progress in the specified direction.

Redactor

El presente número de la revista "Vector político-L" del año 2016, por diferentes causas, sale a la luz en formato doble. Trataremos de evitar que esto vuelva a suceder en el año 2017, conservar la periodicidad marcada (2 números al año) y ser fieles a la concepción de la revista. Si el "Vector Político-M", según la experiencia de sus integrantes, es una edición donde prevalecen autores jóvenes, "Vector Político-PRO" es una revista integrada por investigadores más experimentados y "Vector Político-L" está destinado a ser un puente que une los esfuerzos de los dirigentes científicos de diferentes proyectos de investigación con jóvenes estudiantes que trabajan sus tesis y otros estudios calificados. Así es que cada material expuesto en esta revista representa un anuncio sobre el trabajo que se lleva a cabo en la dirección apuntada.

УДК 141.13

Франсиско Масиас Арриага

Дискурс по проблеме возможности: экспрессия человека

Настоящая статья развивает дискурс о том, что человек – это существо, чье существование основывается на возможности, и это дискурс носущим без анализа времени и будущего, ибо без темпоральности нельзя говорить о возможности. Последнее понятие применяется к анализу человека. Возможность рассматривается здесь через призму логики, религии и существования. Такой аспект позволяет проанализировать дискурс, касающийся человека с точки зрения надежды, вероятности и сослагательного наклонения.

Ключевые слова: человек, возможность, дискурс, надежда, сослагательное наклонение

Франсиско Масиас Арриага,
аспирант Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико

UDK 141.13

Francisco Macias Arriaga

Discourse of the possibility: expression of human being

This text deals with the discourse that human being is the creature based on the possibility. It begins is imposible without of analysis of time and the future, because without this temporal dimension we could not discuss possibility. Furthermore, the concept of possibility is analyzed through it manifestation in human being. The possibility is studied from three points of view: from logic, religion and existence. This allows analyzing the speeches that man issued with reference to the possibility: hope, perhaps and would be.

Keywords: humang being, possibility, discourse, hope, would be

Francisco Macias Arriaga, postgrate
student of Humanitarian Faculty of
the Autonomous University of Mexico
State

CDU 141.13

Francisco Macias Arriaga

Discursos de la posibilidad: expresión del ser humano

En el presente texto se abordan los discursos que el ser humano emite con motivo de la posibilidad. Se inicia con un análisis del tiempo y del futuro, pues sin esta dimensión temporal no se podría hablar de posibilidad. Además, se analiza el concepto de posibilidad y cómo se manifiesta en el ser humano. La posibilidad es estudiada desde tres puntos de vista: desde la lógica, desde la religión y desde la existencia. Esto permite analizar los discursos que el hombre emite con referencia a la posibilidad: esperanza, quizás y hubiera.

Palabras clave: ser humano, posibilidad, discurso, esperanza, hubiera

Francisco Macias Arriaga,
estudiante del Posgrado de la
Facultad de Humanidades de la
Universidad Autónoma del Estado
de México

Pensar en el futuro pone en entre dicho el presente y el pasado del ser humano, ya que, en muchas ocasiones, el presente que se tiene no es el futuro que se tenía planeado. Se quiere ser de otra forma como no se es, se busca salir del instante y dilucidar el devenir. Lo anterior ocasiona que el ser del hombre se inquiete, que busque transitar senderos que no habían imaginado, pero que se hicieron posibles debido a su necesidad de ser otro. ¿Qué es lo que permite esto? ¿Qué hace que el hombre desee ser otro diferente de lo que es? ¿Qué es lo que hace que el ser humano se pregunte por el futuro? Sin lugar a dudas es la posibilidad, la esperanza y la fe que cada uno deposita en esa dimensión temporal.

Para poder comprender estos estados afectivos debemos hacer un análisis de lo que se entiende por el tiempo y, específicamente, por futuro. Esto se debe a que la posibilidad y las expresiones que se hacen en pos de ella se relacionan con el tiempo que aún no es, pero que está en devenir. El hombre tiene posibilidad de ser otro, deposita su esperanza y su fe en algo que aún no es y que puede no ser. Los planes, los proyectos y las expectativas, en el instante en el que son concebidas no tienen realidad y pueden quedarse en la mera especulación, sin poder concretarse.

El tiempo y el futuro

Para iniciar esta reflexión debemos preguntar ¿qué es el tiempo?, ¿cómo poder

comprenderlo? Aristóteles, en la *Física*, argumenta que “El tiempo es aquello en lo que se producen acontecimientos” (3, 219 a ss). Esta definición, a simple vista, es muy limitante; sin embargo, entabla una relación directa con el movimiento y el cambio. Pareciera que encontramos el tiempo en los entes cambiantes, como el ser humano, y no se presenta como una dimensión ajena a ellos.

El concepto plantea una dificultad al momento de interpretarlo, incluso se puede argumentar como lo hizo San Agustín de Hipona al preguntarse por éste:

“¿Qué es, pues, el tiempo? Si nadie me lo pregunta, lo sé; pero si quiero explicárselo al que me lo pregunta, no lo sé. Lo que sí digo sin vacilación es que sé que si nada pasase no habría tiempo pasado; y si nada sucediese, no habría tiempo futuro; y si nada existiese, no habría tiempo presente. Pero aquellos dos tiempos, pretérito y futuro, ¿cómo pueden ser, si el pretérito ya no es y el futuro todavía no es? Y en cuanto al presente, si fuese siempre presente y no pasase a ser pretérito, ya no sería tiempo, sino eternidad. Si, pues, el presente, para ser tiempo es necesario que pase a ser pretérito, ¿cómo decirnos que existe éste, cuya causa o razón de ser está en dejar de ser, de tal modo que no podemos decir con verdad que existe el tiempo sino en cuanto tiende a no ser?” (11, XI, 14, 17)

Sin embargo, para una mejor comprensión, el ser humano se ha

visto en la necesidad de fragmentar el tiempo. Ha planteado la existencia de un tiempo presente, de un pasado y de un futuro. Pensar el tiempo de esta forma, hace que tratemos de ubicar al hombre en un aquí y un ahora, pues es lo que es en el instante y deja de ser en el instante posterior. Pero esta situación se encuentra precedida por un pasado, las bases sobre las que se está edificando este ser; además, ésta permite modelar el futuro que pretende tener, un ideal que lo impulsa, lo anima a desplegar toda su fuerza. El pasado se muestra como los cimientos del ser humano y el futuro se deja ver como el ideal que moldea su ser: "Nuestra herencia es el pasado visto en continuidad con nuestro presente, un pasado en el que nos sentimos cómodos porque aquellos aspectos que le dan su nombre son precisamente los aspectos que todavía se encuentran alrededor de nosotros, e incluso dentro de nosotros..." (8, 533-534) El presente, la dimensión en la que nos encontramos y nos movemos, es el punto de unión entre las otras dos dimensiones temporales. Sin pasado, no seríamos lo que somos; sin futuro, motor que nos proyecta, no habría motivo de seguir adelante, no habría posibilidad de llegar a ser. Desde una perspectiva existencialista, somos pasado-presente-futuro de uno mismo, unidos en un solo instante, en una sola situación: nuestro aquí y nuestro ahora. Por lo anterior, en el tiempo podemos marcar el

ahora, dejando en claro que el tiempo pasado ya no es y al tiempo futuro aún no llega. A partir de ello, "el tiempo ya es interpretado como presente, el pasado es interpretado como ya-no-más-presente y el futuro como un indeterminado todavía-no-presente: el pasado es irreversible, el futuro indeterminado" (10, 2011, 53).

Para poder entender la definición del tiempo se debe echar mano de las representaciones que se hacen de éste, pues si lo tomamos como un río, a la manera como lo hizo Heráclito, donde todo lo que somos nos viene dado desde el futuro, no nos serviría de mucho, ya que la posibilidad se convertiría en destino. Pero si al tiempo lo vemos como una flecha que se lanza al frente, hacia el futuro, nos da la opción de tomarlo como un horizonte hacia el que tiende la existencia de cada ser humano. Para este trabajo se entenderá por tiempo el horizonte de posibilidad para la construcción de cada ser humano (9, 2009, 21).

Para avanzar, debemos investigar el futuro, esta dimensión temporal que causa incertidumbre y angustia. ¿Cómo estudiar algo que aún no es? "En principio parece absurdo hablar del futuro. A fin de cuentas, el futuro es imprevisible" (4, 555). El futuro se nos presenta como algo indefinido, una incertidumbre que nos causa inseguridad. Sabemos que el futuro nos prepara algo o, mejor dicho, cada hombre va forjando su futuro desde el presente con la fuerza de sus

elecciones, el único problema es que no hay nada cierto, no hay nada seguro, el destino que queremos tener se ve oculto detrás de una capa de niebla que aumenta nuestra angustia. El futuro se asoma, se vislumbra, es decir, se intuye, se prefigura, se muestra sin mostrarse en cada elección que se toma, pero se vuelve a esconder.

El futuro es ignorancia, no de orden epistémico mirando a los conocimientos adquiridos por cada hombre sino marcada por el desconocimiento del devenir y poder ser de cada uno. Nos angustiamos por no saber qué va a pasar mañana, en tres horas o al instante siguiente de haber tomado una decisión. Tratamos de comprender, de imaginar el momento siguiente, y eso es lo que nos angustia como seres humanos. Pascal, en los *Pensamientos*, afirma que "Jamás nos atenemos al tiempo presente. Nos anticipamos al porvenir como algo demasiado lento en llegar, como para acelerar su curso..." (18, 79) todo esto causado por la incertidumbre que nos acecha. De esta forma, el futuro se nos presenta como la dimensión pura de la posibilidad, pues "El hombre vive en el mundo, de posibilidades, ya que la posibilidad es la dimensión del futuro y el hombre vive proyectado de continuo hacia el futuro." (1, 1974, 73-75).

¿Qué importancia tiene el futuro? El futuro se muestra como el motor que incita a ser, que invita a seguir caminando hacia un objetivo que se ha

proyectado. Sin ese futuro la existencia se vería vacía, porque todo por lo que se ha trabajado no tendría razón de ser. Esto nos lleva a la pregunta ¿cómo debemos concebir el futuro en relación a la posibilidad? En primer término, no podemos tener la imagen de que toda vivencia viene del futuro y que ha sido acarreada hasta el presente para poder experimentarla, como el río heraclítico o como Heidegger nos lo muestra: "El Dasein <<es>> su pasado en la forma propia de su ser, ser que, dicho elementalmente, <<acontece>> siempre desde su futuro" (9, 2009, 41). Si pensamos de esa forma, nuestro destino estaría ya trazado, sólo tendríamos que afrontar lo que nos viene de ese futuro desconocido y el ser de cada uno se vería inmerso, además de en la angustia, en la desesperación de no poder hacer nada por sí mismo, pues todo estaría dado de antemano. Los proyectos no tendrían razón de ser. Las posibilidades serían vanas.

Contrastando con lo anterior, la forma de ver el futuro que nos permite llegar a ser, es concebirlo como el horizonte de nuestro ser, siendo la meta que debemos alcanzar, ya que nuestra existencia es la flecha que se lanza, sustentada en las bases construidas en el pasado y siendo impulsada por el deseo de ser. De esta forma, el futuro no será dado externamente sino que, como nuestro pasado produjo el presente que ahora vivimos, nuestro presente produce, a

cada momento, el futuro que queremos tener. En palabras de Merleau-Ponty: "El presente es la consecuencia del pasado y el futuro la consecuencia del presente" (17, 419). Las posibilidades pasadas son las que conforman el ser que se es. Las posibilidades presentes son las que conformarán el ser que será.

La posibilidad

La posibilidad se relaciona con el futuro, pero no sólo es el futuro que está frente a nosotros, aquel tiempo que todavía no es y que está en construcción, sino que, además, se muestra en el futuro que ha quedado latente en el pasado. Para comprender la posibilidad, debemos evocarnos a las concepciones que se tienen de ésta ya que no es lo mismo hablar de una posibilidad lógica que de una posibilidad existencial.

El filósofo Sören Kierkegaard distingue tres tipos de posibilidad: la lógica, la religiosa y la existencial. En la posibilidad lógica, el pensador danés hace un análisis del término en relación con la realidad, digámoslo de este modo, contrapone ambos términos, pues considera, retomando las palabras del pseudónimo Johannes Climacus:

"...que la realidad no se deja comprender [...]. Comprender es resolver la realidad en posibilidad y, por tanto, no mantenerla como realidad. Respecto a la realidad el comprender es un regreso, un paso hacia atrás, y no un progreso. No en el sentido de que la realidad carezca de concepto, sino que el concepto se

encuentra cuando se la comprende, resolviéndola en posibilidad. En la realidad hay algo más... pero esta desgraciada filosofía moderna ha hecho entrar la realidad en la lógica y luego, por distracción, se olvida de que la realidad en la lógica no es más que la realidad pensada, es decir, posibilidad" (12, 1850, X 2 A 439).

En esta reflexión nos podemos percatar que Kierkegaard le otorga un estatuto inferior a la posibilidad si la contrastamos con la realidad, ya que sería reducir esta última a la idealidad, convertirla en concepto, sólo pensarla y no afrontarla con los retos que le presenta al ser humano, lo cual, en ojos del pensador danés, sería dar pasos hacia atrás y no avanzar en la construcción del individuo singular.

Por otro lado, la posibilidad, en el estadio religioso, se presenta como un rastro que Dios le ha dejado al hombre para poder llegar a Él, pues afirma que "*a possibility is a hint from God. One must follow it. In every man there is latent the highest possibility, one must follow it*" (5, 147). Con esta concepción, el pensador danés coloca en el hombre la tarea de seguir esa pista, no sólo integrarla como una categoría del pensamiento, como la concepción lógica, más bien como el inicio del camino que debe seguir para poder estar solo frente a Dios. Ya no se habla de la posibilidad ideal, mejor dicho, se da la opción de concretarla en la realidad con bases de

esperanza y fe en un ser trascendental.

Pero, para el pensador nórdico, lo principal era llegar a ser un individuo singular para poder estar frente a Dios. Para lograrlo, Kierkegaard da otra opción de cómo ver la posibilidad, a la que llamamos existencial, considerándola como punto de partida para la construcción de cada ser humano, pues afirma en el *Postscriptum no científico y definitivo a Migajas filosóficas*: "When I think something which I propose to do but have not yet done, the content of this conception, no matter how exact it may be, if it be ever so much entitled to be called a conceived reality, is a possibility." (13, 1941, 285). Con ello, este filósofo revaloriza la posibilidad al considerarla como principio de acción del hombre. Sin la posibilidad, es decir, sin los ideales que cada uno pueda tener en referencia a lo que pretende ser, ninguno de los seres humanos podría llegar a ser y, como este mismo pensador afirma, "pues, por lo general, si es una ventaja el poder ser esto o aquello, mucho más ventajoso será sin duda el serlo" (14, 1984, 39).

Apoyando esta concepción de la posibilidad, Martin Heidegger la entiende como un modo de ser del Dasein, por el cual se proyecta a sí mismo. Esto significa que el ser posible es un "poder-ser" en cuanto un hacerse a sí mismo en un ser. Recordemos que, en *Ser y tiempo*, el filósofo alemán coloca

las bases para un análisis existencial del Dasein, es decir, para comprender al hombre como ente sobre el que recae la tarea de preguntar y dar respuesta por el ser. La comprensión del ser es una posibilidad de la existencia, es decir la del ser-ahí o estar, por lo que la existencia es la posibilidad de referirse, en cierto modo, al ser. Con lo anterior nos podemos dar cuenta que, para este pensador, la existencia está constituida por posibilidades, que no son posibilidades puras, lógicas, ni contingencias empíricas, pues estas posibilidades constituyen el ser del Dasein. "El Dasein es cada vez su posibilidad, y no la tiene tan sólo a la manera de una propiedad que estuviera-ahí. Y porque el Dasein es cada vez esencialmente su posibilidad, este ente puede en su ser escogerse, ganarse a sí mismo, puede perderse, es decir, no ganarse jamás o sólo ganarse aparentemente" (9, 2009, 64). La posibilidad del Dasein está en él, en cada uno de los hombres, por ello se habla de un ganarse a sí mismo o perderse, lo que implica una elección constante entre las posibilidades que se le presentan, siendo ésta la tarea particular de cada hombre.

Además de la elección entre posibilidades, Heidegger pone en el hombre la tarea de trascender, siendo ésta la constitución fundamental, pues compone la misma esencia de su subjetividad. Para trascender, el hombre debe estar-en-el mundo, lo que

significa hacer del mundo mismo el proyecto de las posibilidades, actitudes y acciones del hombre. El proyecto, entendido en sentido literal de estar lanzado hacia delante, hace referencia directa a un futuro, pues el comprender es esencialmente proyección, porque en él el Dasein se lanza hacia su futuro, es decir, abre ese futuro como posibilidad.

Con lo anterior, entenderemos la posibilidad como un estado del ser humano donde éste se proyecta a sí mismo en cuanto en su hacer, en su elección, le va su ser. Es decir, un estado en el que el ser se conformará dependiendo de lo que pretenda ser y hacer de sí mismo. Es una proyección del ser a una constitución posterior de sí mismo.

Pero, por otro lado, la posibilidad no sólo se presenta como las opciones que cada hombre tiene delante de sí, sino que, además, se muestra como aquello que no será realizado, las opciones que se quedarán en la mera idealidad. La posibilidad deja ver su lado de *no-posible*.

"La posibilidad... ejerce una doble función dialéctica en el alma. En primer lugar, por medio de la posibilidad el alma puede *representarse* de maneras infinitas sin que el tiempo sea obstáculo para esto, puede construir racionalmente las normas a las que debe sujetar su existencia, universalizando lo concreto; puede idear esquemas en donde la realidad quede finalmente resuelta; en una palabra, por medio de la posibilidad el alma pretende asegurar el rumbo de su

propia existencia. Sin embargo, la posibilidad, por su mismo carácter abierto, se convierte para la conciencia del yo en angustia; pues la condición para que todo sea posible es que nada sea real, ya que la determinación de lo real se encuentra en el límite de la posibilidad" (6, 1993, 87).

Cuando el hombre se constituye en la posibilidad todo le está permitido, no hay un límite que le indique lo contrario, aunque esto causa que se extravíe en los "derroteros de la posibilidad". Podríamos pensar que, por hablar de las infinitas posibilidades, los senderos son inmensos, pero éstos los podemos reducir a dos: el deseo de ser y la nostalgia de llegar a ser sí mismo, y el de la melancolía de la existencia al percatarse de que las posibilidades que se tienen no son las que se pueden realizar (14, 1984, 68).

Explicemos lo anterior. Por un lado, la posibilidad se muestra como potencia de ser sí mismo, el deseo de ser (2, 1978, 163). El hombre en su idealidad puede construirse futuros que son viables de concretarse en la existencia, puede ser todo lo que quiera, con la única condición de que se decida a ser algo, lo más alto sería ser sí mismo. Los futuros posibles que el hombre construye en su idealidad son los motores que le incitan a vivir de una manera única ya que nadie más tiene en mente esos proyectos. La posibilidad de ser se deja ver a manera de abanico donde los senderos son variados y el

hombre quisiera recorrerlos todos para no perderse de nada. Sacrificar una de las opciones que ha concebido le duele mucho por lo que preferiría no deshacerse de ninguna de ellas y quedarse en el lugar en el que está para no sentir el dolor de desprenderse de una parte de sí mismo.

Por otro lado, la posibilidad también implica la nulidad de lo que es posible, que causa melancolía al ser humano (2, 1978, 163). Si tenemos en cuenta que cuando pensamos en algo que queremos hacer, nos vienen a la cabeza muchas ideas posibles de cómo realizarlo, incluso podemos tener proyectos alternos, pero sólo uno de ellos puede llegar a ser. Los demás, aquellos proyectos que se han descartado, pasan al lado de la imposibilidad, de aquellas posibilidades que no podrán ser, al menos en ese momento. Esto causa intranquilidad en el hombre, ya que no se siente a gusto en ningún momento, la posibilidad de lo imposible lo incomoda, la melancolía lo afecta de forma negativa impidiéndole llegar a ser.

Discursos de la posibilidad

Al ser humano le es inherente elegir entre las posibilidades que proyecta, tiene sueños, fantasías, anhelos, deseos... que le permiten ser lo que quiera, piensa en alcanzar aquello que le dé la posibilidad de conformarse como lo que siempre ha querido ser. Son los ideales los que hacen que el ser humano se mueva, camine

hacia un objetivo: hacia sí mismo. Al parecer, idealmente todo está permitido para todos, quizás la única restricción es elegir entre una u otra idea. "*As poet and thinker I have represented all things in the medium of the imagination*" (5, 142).

Estos ideales se expresan en diferentes conceptos que permiten conocer la verdadera naturaleza humana: fe, esperanza, sueños, angustia, temor, incertidumbre, desencanto, impotencia, desesperación... Varios de ellos se pueden sintetizar en argumentos, expresiones o frases donde se muestra la posibilidad y la confianza que se tienen en el futuro. El argumento *para Dios todo es posible* es el primero que se manifiesta con base en la posibilidad religiosa. Las opciones de ser que el hombre tiene la basa en la esperanza y en la fe en un ser trascendental. Esa persona vive en la espera de la posibilidad. Este estado de espera, de pasividad, no le permite llegar a ser lo que quiere, pues permanece inactivo. Su decisión, la de permanecer en espera, no es trascendente, pues no cuenta con los elementos suficientes para formarse a sí mismo. Permanecer en la espera de la posibilidad, en un estado de idealidad, es aceptar que el ser humano tiene que dar tiempo al tiempo, que ese ser omnipotente realizará lo que le corresponde a cada uno, como ser humano, para formarse como uno quiere ser. Esperar en la posibilidad es quedarse quieto.

“La esperanza hace referencia al porvenir; sin embargo, la simple esperanza humana en el futuro no logra superar la temporalidad y fácilmente se convierte en desesperación. La esperanza cristiana, por el contrario, tiene puesta la mirada en el porvenir eterno. Sabe que las promesas temporales se cumplirán, Dios es fiel y no dejará de cumplir su palabra; pero ninguna de sus acciones deja de ser calibrada en referencia a la eternidad.

Vivir con esperanza cristiana es vivir hacia adelante, las acciones que se realizan no están motivadas por un placer inmediato ni por la intemporalidad racional del deber; lejos de reducirse a un mero pasar se proyectan a la eternidad. La esperanza, que es petición y confianza en Dios, no tiene la preocupación mundana por el día de mañana” (7, 2014, 67-68)

Para Mijail Malishev, la esperanza “es el deseo de poseer algo que no se tiene y no sabemos con certeza si lo tendremos o no.” Al ser manifestación pura de la posibilidad, “la esperanza no es sólo riesgo sino un presentimiento de alegría vinculado con la posibilidad de alcanzar un objetivo...La esperanza es presentimiento de posibles victorias sobre las amenazas de incertidumbre que nos acechan en el futuro y que, al fin y al cabo, un día nos aplastarán” (15, 2011, 287).

Un segundo discurso que el ser humano puede fundamentar en la posibilidad es el *quizá*. Esta

palabra, como expresión de que algo puede ser, obliga a la persona que lo pronuncia a analizar su presente y, de ser viable, proyectar aquello que quiere. La definición de este término nos muestra su carácter existencial al ser entendido como la palabra que denota la posibilidad de que ocurra o sea cierto lo que se expresa. Para que algo ocurra, se deben cumplir ciertas condiciones en el momento propicio, de otra forma, el ser humano se queda vagando en los derroteros de la posibilidad pensando en el *quizá*. “El hombre es capaz de anticipar el curso de futuros acontecimientos, prever perspectivas de diferentes posibilidades, cotejar sus probabilidades de éxito o derrota y coadyuvar a la obtención de sus metas” (15, 2011, 286).

Cundo el ser humano pone en perspectiva el *quizá*, el futuro nos presenta un abanico de oportunidades donde se debe valorar aquella que se considere la más viable de ser elegida al ser la que se puede concretar en la realidad. En muchas ocasiones, como veíamos en párrafos anteriores, el ser humano se conforma con el querer-ser esto o aquello, pero este *quizá* se queda en mera especulación, por ello se afirma que “no es suficiente tener el deseo y esperanza para conseguirlo; es necesario que las capacidades y recursos se encuentren a la altura de las posibilidades” (15, 2011, 289).

La posibilidad que se expresa en el *quizá*, se encuentra en un

constante ir y venir del futuro al pasado y viceversa: pone frente al hombre las opciones, pero lo insta a valorar aquello que puede realizarse con fundamento en lo que hasta ese momento es, fruto de un pasado inmediato que resuena en el presente. El *quizá*, como expresión lanzada desde un presente "estático" a un futuro indeterminado, sintetiza el tiempo-horizonte del hombre en el instante en el que se presenta: "si el futuro abre ante nosotros nuevas posibilidades, el pasado nos obliga a reflexionar sobre las causas de las imposibilidades de sus realizaciones" (15, 2011, 288).

En el estado de elección que el *quizá* plantea, un hombre quisiera poder escoger todas las posibilidades que se le presentan para no desgarrarse de manera interna, poder ser todo o nada a la vez. Después de haber optado por algo no sabemos qué puede pasar, no lo sabemos con certeza; nos encontramos en medio de la mayor incertidumbre donde lo más seguro que tenemos es optar por una de todas las opciones que se nos dan. Elegir más de una de todas las posibilidades le causaría al ser humano la alegría más grande, pues no tendría que desprenderse de una parte de sí mismo, de una posibilidad que fue construyendo con el tiempo. Saber que todas las opciones que él creó son las que puede escoger, da un aire de tranquilidad, pero desasirse de la mayoría de ellas le causa angustia y temor al saber que solamente puede tomar una y renunciar a las demás.

El *quizá* proporciona alegría por elegir en pos de sí mismo y tristeza por renunciar a otras opciones que, al igual que la elegida, pudieron hacer un individuo singular. Si cada hombre pudiera saber lo que va a pasar cuando se ha optado por una posibilidad, la angustia desaparecería de él, pues él sabría cuál sería la mejor elección en ese instante. Cuando se llega al momento de plantear el *quizá* se han descartado muchas de las posibilidades que constituían todo el abanico, se ha renunciado a gran parte del trabajo realizado. La renuncia es enorme, cada hombre se desprende de gran parte de sus esfuerzos, pero esta renuncia tiene que darse. El término *quizá* implica elegir sólo una de las posibilidades y esta "zozobra ante la impotencia de escoger entre varias posibilidades, las vacilaciones ante la necesidad de optar por alguna alternativa y descartar las otras no menos sugestivas, frecuentemente paralizaba su capacidad de elegir" (15, 2011, 292).

El *quizá* da entrada a otra modalidad del discurso de la posibilidad, uno que viene del futuro pero que reanima el pasado que se creía olvidado. El *quizá* da pie al *hubiera*. La posibilidad se relaciona con el futuro, pero con este término no sólo es el futuro que está frente a nosotros, aquel tiempo que todavía no es y que está en construcción, sino que, además, se muestra el futuro que ha quedado latente en el pasado, el

hubiera del pluscuamperfecto hace mella en el accionar humano. El ser humano es el único ser que construye sus posibilidades, las proyecta a futuro, las realiza y se lamenta al recordar el momento de elección pasado donde el *hubiera* no estaba presente.

El discurso de la posibilidad basado en el pluscuamperfecto nos muestra la relación que la posibilidad tiene con el pasado: aquellos fragmentos que deja la posibilidad en la historia del ser humano se manifiestan en el *hubiera podido*, que "es un reverso imaginario que nos 'transporta atrás', al momento en el que todavía no se habían desvanecido las posibilidades de tener una mejor opción" (16, 2013, 299).

La esperanza en un futuro mejor, la posibilidad de ser otro diferente del que somos, deja rastros en aquellos proyectos no concretados. El *hubiera* se hace presente. Las posibilidades se revaloran y se anhela el estar frente a ellas para, de nuevo, poder elegir. El futuro, con toda la fuerza de la posibilidad, ilumina el presente, aunque no pasamos por alto aquello que nos deja ver la opción, no querida, de zozobra. En este sentido, el pasado renace con los momentos de gloria y con las sombras del fracaso, recordando las posibilidades anuladas que hemos dejado a lo largo del camino. El *hubiera podido* proyecta al futuro las posibilidades que se creían superadas, que están en el

pasado latente, listas para volverse a plantear como opción para cambiar el ser que ahora somos. Esto se debe a que "...el hombre es un ser desespecializado, carente de instintos y por consiguiente, desde que nace hasta que muere, está insatisfecho de sí mismo y por eso siempre espera algo mejor. Si el hombre estuviera en total concordancia consigo mismo, no usara los verbos en pluscuamperfecto, no experimentara lástima, ni arrepentimiento ni tampoco construiría ideales, en otras palabras, viviría en la bienaventuranza del idiotismo angelical" (15, 2011, 287).

Pareciera que el *hubiera* le da al hombre una segunda oportunidad: retoma aquel momento definitorio donde eligió lo que se es y lo transforma, al menos en la idealidad, en otro completamente distinto. Retoma las circunstancias en las que se encontraba, las rearma y reanima para poder elegir, de manera hipotética, aquello que dejó de lado en aquel momento. El *hubiera* se presenta como ilusión que nos transporta al pasado y nos permite rememorar el futuro que se tenía, un futuro que no pertenece al presente que se tiene pero que está latente en cada instante que el reproche se exterioriza, tal parece que este término permite que el hombre se revele contra lo que es y lo que deviene.

"'Hubiera podido' es una experiencia mágica para la cual nada es imposible: convierte lo no sucedido en lo sucedido y

elimina lo acontecido como si nunca hubiera existido. El pluscuamperfecto es un deseo de hacer que el tiempo regrese atrás, y también es un intento de extraer de la posibilidad perdida un provecho imaginario. A pesar de la evidencia de la irreversibilidad de lo acontecido, quisiéramos 'modificar nuestro pasado', retroceder en el tiempo para 'cambiar' nuestro destino. El pluscuamperfecto no sólo suaviza la carga de los equívocos de antaño, sino que nos enseña a aprovechar las lecciones de las posibilidades no utilizadas en el pasado para aprovecharlas en futuras situaciones" (15, 2011, 291).

Pero el *hubiera* no sólo pone en la mesa la situación de reproche, de enfado y reclamo contra la propia existencia, pues al darse cuenta de la imposibilidad de retornar a ese momento de elección, se puede tratar de entender para modificar el presente que se tiene y proyectar un mejor futuro. Con el pluscuamperfecto se da la oportunidad de elegir de manera acertada en las decisiones posteriores y no cometer el error de tomar una decisión a la ligera. Una decisión no se toma a la ligera, lleva tiempo analizar todas las posibilidades que se han construido. Cada una de esas posibilidades refleja la opción que se tiene, hay que descartar la que no nos convence del todo y tomar en serio la decisión. En pocas palabras: debemos demostrar que somos los 'dueños' de estas decisiones claves manifestando nuestro compromiso con ellas.

El *hubiera* nos hace conscientes de que el tiempo es irreversible, coloca sobre la mesa la realidad de no poder regresar a reparar o corregir aquella decisión que se tomó, pero nos permite comprender el pasado desde la perspectiva de nuestro presente, se retoman las posibilidades descartadas en un momento para revalorarlas en el instante con un conocimiento que le ha permitido al hombre madurar, con angustias y desengaños, y sopesar mejor sus opciones, realizando juicios adecuados.

Conclusiones

El hombre es un ser que se desarrolla en un horizonte temporal que le permite proyectar lo que quiere ser, con base en lo que es. Este ser se ve en la necesidad de elegir entre las posibilidades que proyecta. Al elegir una y sólo una de ellas, abre el horizonte de nuevas posibilidades que pueden, o no pueden, concretarse en la realidad en la que nos desenvolvemos. Nuestro pasado ha marcado nuestro presente; nuestro presente marcará nuestro futuro.

El futuro se nos muestra como la meta que debemos alcanzar a través de nuestras acciones y decisiones. Elegir nos permite forjar, desde nuestro presente, el futuro que deseamos tener. Curiosamente, participamos en una carrera donde lo más importante no es ganar, sino el camino que se va recorriendo, el futuro que se va formando, el camino que se va construyendo.

Para lograrlo, el ser humano echa mano de la posibilidad, entendida como un estado del ser humano donde se proyecta a sí mismo en cuanto en su hacer, en su elección, le va su ser. La posibilidad es la que permitirá que el ser del hombre se conforme dependiendo de lo que pretenda ser y hacer de sí mismo. Es una proyección del ser a una constitución posterior de sí mismo.

Al tener como base la posibilidad, el ser humano emite discursos que le permiten expresar la potencia de su ser. El argumento *para Dios todo es posible* pone en contacto la naturaleza terrenal del hombre con la esperanza en un mundo trascendental y con un ser que se puede o no llegar a ser. El *quizá*

se encuentra en un constante ir y venir del futuro al pasado y viceversa: coloca las opciones, pero solicita valorar aquello que puede realizarse con fundamento en lo que hasta ese momento es, fruto de un pasado inmediato que resuena en el presente. Por último, en el *hubiera* la posibilidad se relaciona con el futuro que ha quedado latente en el pasado, retoma las circunstancias, las rearma y reanima para poder elegir, de manera hipotética, aquello que dejó de lado en aquel momento. El *hubiera* se presenta como ilusión que nos transporta al pasado y nos permite rememorar el futuro que se tenía, un futuro que no es presente pero que está latente en cada instante.

Bibliografía

1. Abbagnano, Nicola (1974), *Diccionario de filosofía*, México: FCE.
2. Abbagnano, Nicola (1978), *Historia de la Filosofía Vol. 3*, Barcelona: Montaner y Simón S. A.
3. Aristóteles (1995), *Física*, Madrid: Gredos.
4. Christian, David (2010), *Mapas del Tiempo: Introducción a la <<Gran Historia>>*, Barcelona: Crítica.
5. Dru, Alexander (comp) (1959), *The journals of Kierkegaard*, New York: Harper Torchbook.
6. Guerreo Martínez, Luis (2014), "Fe, esperanza y caridad. La vida cristiana en Søren Kierkegaard" en *Open Insight Volumen V*, Nº 7 (enero 2014).
7. Guerrero Martínez, Luis (1993), *Kierkegaard: Los límites de la razón en la existencia humana*, México: Sociedad Iberoamericana de Estudios Kierkegaardianos–Universidad Panamericana–Publicaciones Cruz O., S. A.
8. Hannay, Alastair (2010), *Kierkegaard: Una biografía*, México: Universidad Iberoamericana.
9. Heidegger, Martin (2009), *Ser y tiempo*, Madrid: Trotta.
10. Hipona, San Agustín de (2006), *Las Confesiones*, Madrid: Tecnos.
11. Kierkegaard, Søren (1941), *Concluding unscientific postscript*, Princeton: Princeton University Press.
12. Kierkegaard, Søren (1984), *La enfermedad mortal*, Madrid: Sarpe.
13. Malishev, Mijail (2011), "Vivencias afectivas como discurso virtual" en *CIENCIA ergo sum*. Vol. 18-3, Noviembre 2011-Febrero 2012.
14. Malishev, Mijail (2013), *La ensayística como estilo del pensar (Historia de las ideas y vivencias afectivas)*, México: Eón-UAEM.
15. Merleau-Ponty, Maurice (1975), *Fenomenología de la percepción*, Barcelona: Península.
16. Pascal, Blaise (2005), *Pensamientos*, Madrid: Valdemar.
17. Robinson, David y Oscar Zárate (2004), *Kierkegaard para principiantes*, Buenos Aires, Era.

УДК 141.13

Роландо Миранда Кабальеро

Сократ или отголоски философа, лишенного собственного дискурса

Данная статья, содержащая два раздела, представляет собой попытку доказать негативный характер философии Сократа. В первом параграфе подвергается критике современный философский дискурс, который под предлогом научного познания, превратился в вавилон разрозненных и хаотических версий, вращающихся вокруг бесчисленных авторских интерпретации и понятий, игнорирующих реальность и упускающих из вида самое существенное ядро философии, которое состоит не в выработке дискурса о предельных основаниях всех вещей, а в противодействии покушения на истину: согласно которой, чем больше предметов утверждаются в качестве истинных, тем выше здание глупости, называемое мудростью. С другой стороны, во втором разделе автор пытается, насколько это возможно, поставить под сомнение традиционную постановку проблемы относительно сократического метода, который находит у философа основы позитивного подхода к проблемам, полностью пренебрегая риски сократического философствования, которые ведут человека к экзистенциальным апориям.

Ключевые слова: Сократ, апория, ирония, невежество, майевтика

Роландо Миранда Кабальеро,
ассистент Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

UDK 141.13

Rolando Miranda Caballero

Socrates or on the philosopher echos without discourse

This paper contains two paragraphs, which attempt to demonstrate the negative nature of Socratic philosophy. The first one can be read as critique about the actual philosophical discourse that, in the dawn of scientific acknowledgement has come to be a pyramidal – acumulative (babylonian) knowledge, which treats on adding a series of numberless lectures, actors and concepts without pointing at a reality, losing a prospect of what is essential in philosophy, which does not consist of elaborating a discourse that bases the state of things, but in countering every attempt of truth, because whereas more things are declared as truth, biggerist he buiding of stupidity of the called wise. Another side, these cond paragraph attempts, in our possibilities, to know down the approach es that tradition has elaborated over the Socratic method, which founds in the philosopher bases to a task, overall, positive, ignoring completely the risks that exist, in the Socratic philosophize, that always will conduce man to the existential aporía.

Keywords: Socrates, aporia, irony, nescience, mayeutic

Rolando Miranda Caballero, assistant-professor of the Humanitarian Faculty of Autonomous University of Mexico` State.

CDU 141.13

Rolando Miranda Caballero

Sócrates o sobre los ecos del filósofo sin discurso

El siguiente artículo contiene dos apartados que intentan demostrar el carácter negativo de la filosofía socrática. El primero puede leerse como una crítica al discurso filosófico actual que en vísperas de reconocimiento científico se ha convertido en un conocimiento piramidal-acumulativo (babilónico), que versa en sumar una serie innumerable de lecturas y conceptos sin miras a la realidad, perdiendo de vista lo esencial de la filosofía que no consiste en elaborar un discurso que de fundamento al estado de cosas, sino en contrarrestar todo intento de verdad, pues cuantas más cosas se afirmen como verdaderas mayor es el edificio de la estupidez del llamado sabio. Por otro lado, el segundo apartado intenta, en la medida de lo posible, echar por tierra los planteamientos que la tradición ha elaborado sobre el método socrático, que encuentran en el filósofo fundamentos de una tarea, netamente, positiva, ignorando por completo los riesgos del filosofar socrático que siempre llevara al hombre a la aporía existencial.

Palabras clave: Sócrates, aporía, ironía, ignorancia, mayéutica

Rolando Miranda Caballero, profesor-asistente de la Facultad de Humanidades la Universidad Autónoma del Estado de México

1 . La ignorancia

La ignorancia es la condición necesaria, no digo ya de la felicidad, sino de la existencia misma. Si todo lo supiésemos, no podríamos soportar la vida una sola hora. Los sentimientos que nos la hacen dulce, o cuando menos, tolerable, nacen de una mentira y se nutren de las ilusiones (Anatole France).

A lo largo de la historia, el hombre ha confundido el conocimiento con la acumulación de información, lo que lo ha llevado a configurar un pensamiento jerárquico, en cuya escala de valores la ignorancia es el escalafón más bajo, constantemente se le asocia con el retroceso e incluso la estupidez. El concepto de verdad de estas sociedades tiene su referencia en un conjunto de saberes cotidianos asociados a una moralidad práctica que determina lo bueno y malo, con referencia a sus medios. Nada alarma más al hombre que encontrar entre sus congéneres seres privados de sentido común o de practicidad. En una sociedad de adultos, sólo a los niños, sesgados por su edad, se les permite preguntar ¿el porqué de las cosas?, mas, para toda pregunta, siempre existe una respuesta, de lo contrario existen dos vías: se le considera un misterio, en su defecto, se le reprime para que el orden de cosas siga llevando su rumbo habitual. Lo que mueve a las sociedades es la intención de erradicar la ignorancia, de seguir un flujo, donde la ignorancia se manifieste sólo ante las

innovaciones técnicas, mismas que serán enseñables. La ignorancia es vista como un defecto práctico, ya que todo lo aprendido por el hombre tiene una referencia exterior que le permite ser. En su interior, gracias, al desarrollo de la cultura, ha adquirido (le han legado) una serie de costumbres que le permiten relacionarse con sus congéneres. Sin embargo, a lo largo del tiempo, en los márgenes de la sociedad se ha desarrollado un contra discurso, la filosofía. Lo que diferencia a la filosofía del sentido común y la practicidad es que cuando éstas se manifiestan como un ejercicio positivo para la vida del hombre, la filosofía se erige como un discurso negativo, por ello el valor más bajo en la escala tradicional se invierte en la escala filosófica. Dicho de este modo, la ignorancia adquiere el valor supremo en la revalorización de los valores. Pero ante dicha afirmación habría que precisar, al menos con un ejemplo, de dicha tarea negativa, en vista de ello y siguiendo la línea de la investigación nos remitiremos a Sócrates.

Si bien conocemos la naturaleza ágrafa del ateniense – lo que no nos permite conocerlo en voz propia–, también reconocemos la importancia de su personalidad en la vida y obra de Platón, y éste al ser un filósofo nos permite entre ver la personalidad y el método de su maestro, a través de sus primeros diálogos. En este apartado nos remitiremos a la *Apología*, pues consideramos es la obra (aunque en esencia no sea un diálogo)

que permite vislumbrar el proyecto socrático.

La filosofía como ejercicio negativo se nos revela en una defensa, es decir, se manifiesta en la clara oposición entre los saberes tradicionales y la filosofía. En la *Apología*, Sócrates buscaba, ante todo, demostrar a sus conciudadanos la posibilidad de plantearse una vida congruente, es decir, una vida equilibrada; donde el pensamiento, el habla y la acción formaran parte del conjunto de la personalidad humana. Pero para que exista dicha coherencia el hombre debía presentarse ante los demás como realmente era, y sí los otros plagados de sentido común, sordos y ciegos, por los prejuicios no habían podido develar (por sí solos) su verdadera existencia, el ejercicio negativo indica: sacar a la luz la vida (la suya) mostrando lo que no la constituye. Recordemos lo que indicamos antes: mientras el sentido común y el saber práctico nos revelan con claridad lo que constituye a las cosas, la filosofía lo hace a la inversa, al desconocer lo que quiere, por su ignorancia, procede reconociendo aquello que no quiere.

Remitiéndonos a la *Apología*, Sócrates admite dos tipos de acusadores: los primeros influenciados por la imagen aristofánica apoyada en la creencia, de su dominio de la filosofía natural y las artes erísticas, así como en la enseñanza y el cobro sofístico. Negando las acusaciones e incitando a la gente a recordar si lo presenciaron, alguna vez,

siendo participe de esa sabiduría admitida por la *polis*. Todos consideran que no, él mismo establece que de la única sabiduría que es participé tiene como testigo al dios de Delfos:

De mi sabiduría, si hay alguna y cuál es, os vaya presentar como testigo al dios que está en Delfos. En efecto, conocíais sin duda a Querefonte. [...] Pues bien, una vez fue a Delfos y tuvo la audacia de preguntar al oráculo esto –pero como he dicho, no protestéis, atenienses–, preguntó si había alguien más sabio que yo. La Pitia le respondió que nadie era más sabio. Acerca de esto os dará testimonio aquí este hermano suyo, puesto que él ha muerto (*Apología* 20e-21a)

El vaticino señala cómo la filosofía negativa, aun auspiciada por una divinidad, siempre ha de buscar ir en contra del discurso. Sócrates intuía que debía descifrar el vaticinio, después de todo al dios no le era lícito mentir; de manera que siendo ignorante entre los hombres y sabio por el dios se dio a la tarea de encontrar a un hombre más sabio que él.

Y entre los llamados sabios, por los muchos, se enfrentó primero a los políticos (siguiendo la jerarquía de los discursos convencionales, éstos se colocaron en el escalafón más alto). Éstos eran los encargados de dirigir la *polis*, Sócrates movido por pretensión, de un hombre ignorante, intentaba aprender del hombre sabio y la mejor manera de hacerlo era interrogándolo, pero tras ser indagados por el filósofo, en el

diálogo, éste pudo percatarse de su carencia de fundamentos. Ante los demás ese hombre era sabio, incluso ante él mismo, pero a los ojos de filósofo, tras el interrogatorio, éste hombre parecía estar plagado de todo menos de sabiduría.

Al retirarme de allí razonaba a solas que yo era más sabio que aquel hombre. Es probable que ni uno ni otro sepamos nada que tenga valor, pero este hombre cree saber algo y no lo sabe, en cambio yo, así como, en efecto, no sé, tampoco creo saber. Parece, pues, que al menos soy más sabio que él en esta misma pequeñez, en que lo que no sé tampoco creo saberlo (Apología, 21d).

Admitiendo la carencia de sabiduría, el filósofo aventajaba a su interlocutor, pues éste consideraba tener un conocimiento de las cosas, no obstante sólo lo tenía de su superficie, pues admitía como verdaderas las convenciones de sus semejantes. El sabio de sociedad no conoce la verdad de las cosas, sólo dice lo que la sociedad quiere escuchar, por eso, a sus ojos éste es un hombre virtuoso, al apegarse a los valores sociales. La filosofía al cuestionar su discurso, demuestra donde está el engaño. Movido por el ímpetu de encontrar un saber que le permita demostrar el error de vaticinio se dirige con los llamados sabios y encuentra en cada uno la misma contradicción: los poetas desconocen el contenido de sus mayores composiciones, los artesanos dominan una técnica,

pero por el dominio de la misma, dejaban de lado su capacidad de preocuparse por los temas políticos, limitándose a sobrevivir. Tras las duras decepciones, Sócrates se concede, la siguiente reflexión: "De modo que me preguntaba yo mismo, en nombre del oráculo, si preferiría estar así, como estoy, no siendo sabio en la sabiduría de aquellos ni ignorante en su ignorancia o tener estas dos cosas que ellos tienen. Así pues, me contesté a mí mismo y al oráculo que era ventajoso para mí estar como estoy" (Apología 22e).

Sócrates establece que es debido a su atrevimiento de confrontar a los llamados sabios que éstos le guardaron un resentimiento y por ello desean darle muerte o exiliarlo. Sócrates intentó buscar y dar sentido a su vida buscando develar la mentira que sustenta cada discurso, pero la develación no trae consigo la verdad, sino lo que no es verdad. La intención de Sócrates no era, al menos en un primer momento, demeritar el saber del sabio, por el contrario, él quería aprender de él, es decir, la filosofía como ejercicio negativo no busca demeritar el supuesto saber del sabio para erigir un nuevo discurso, pues no lo tiene. Después de la discusión, Sócrates revela su ignorancia y la de su interlocutor, con ello, sustenta una infertilidad en el saber por parte de ambos, pero lo que lo diferencia es, justamente, la asimilación de esa condición de incertidumbre respecto a la sabiduría en los discursos de ahí que no encontrando las

condiciones propicias en ese terreno (saber) éste siga su camino; contrario a la molestia del interlocutor, que al encontrarse expuesto a su realidad y observarla claramente se percata que los frutos que creía poseer no son sino malas hierbas sobre una superficie árida. La filosofía en su condición negativa revela su primera naturaleza, no construye algo sobre aquello que destruye. La asimilación de la falta de conocimiento humano, revela la esencia de la vida filosófica. Vivir consiste en encontrarse entre la verdad y la mentira de la convención, admitiendo de antemano la imposibilidad de tránsito entre una y otra, es decir, el filósofo debe vivir al margen de la afirmación de un discurso, sea para bien o para mal, de no hacerlo, de elegir entre la verdad o la falsedad de la convención estaría (admitiendo la radicalidad en los discursos) sustentando, al negar el otro, un criterio de verdad. Así pues el tránsito del discurso defensivo Sócrates expresa:

En efecto, en cada ocasión los presentes creen que yo soy sabio respecto a aquello que refuto a otro. Es probable, atenienses, que el dios sea en realidad sabio y que, en este oráculo, diga que la sabiduría humana es digna de poco o de nada. [...]. Es el más sabio, el que, de entre vosotros, hombres, conoce, como Sócrates, que en verdad es digno de nada respecto a la sabiduría (Apología 23a-b)

La anagnórisis de la funesta condición humana (su sabiduría es digna de poco o de nada).

Sumerge al hombre en una crisis respecto a su vida, la brevedad de ésta y su imposibilidad de conocer la verdad de las cosas. El hombre se sostiene de sus creaciones, cada supuesto conocimiento y el dominio del mismo le permiten seguir respirando, sin esto el tiempo se revela tan inmenso y en un instante reconoce su vida como sólo una mínima parte de él. Le parece que sus huellas se disolverán como la gota de sudor que cae a la arena del cuello del pancracista en el *klímax* de la batalla.

La resolución del vaticinio socrático expone claramente la imposibilidad del conocimiento en el hombre, con ello, que todo ejercicio de verdad es un engaño. Ante las posibles refutaciones técnicas, el filósofo expone su verdadera naturaleza: su tarea consiste en revelar las grandes mentiras en las que viven los hombres. Lo que los hombres saben se encuentra sustentado en una creencia, y, la creencia es algo muy distinto a la verdad.

Sócrates le argumenta al jurado –refiriéndose aún a sus viejos acusadores– que la indignación de sus interlocutores los hace precipitarse y, al no poder conocer su labor, le imputan otras actividades, pues según él para éstos es mejor tener una idea, aunque sea errónea de su labor, que no tener nada, e incluso sus acompañantes recurrentes –a sus supuestos alumnos– no logran comprender su actividad, se divierten al ver expuesta la estupidez del interlocutor –creía saber–, e

intentan imitarlo, pero no por la preocupación que suscita el límite del saber humano ni por el deseo de encontrar la verdad, sino con el mero interés de demostrar las equivocaciones de los otros, movidos por la dialéctica sofística que limita todo al absurdo, en tanto lenguaje. El alumno y el interlocutor de éste, no experimentan la transformación que produce la asimilación de la ignorancia, pues el primero cree tener razón frente al otro al sacar a la luz su estupidez, mientras el segundo ve el ejercicio como un elemento retórico por parte del otro para desprestigiar su saber. Ni uno ni otro experimentan el vacío al que el filósofo está, constantemente, expuesto, se quedan en el límite.

2.- El método socrático visto desde su carácter negativo

En la figura socrática los comentaristas suelen mostrar a un hombre divino, casi santo, un mártir filosófico. Esta visión de Sócrates se caracteriza por mostrarlo como el padre de la ética, considerando que sus enseñanzas estribaban en una creencia en la comprensión objetiva de los conceptos relacionados con la virtud: el bien y la verdad. Atribuyéndole el intelectualismo moral, es decir, el hombre sólo actúa mal por ignorancia, estableciendo que es imposible que el hombre actué mal teniendo el conocimiento del bien; que Platón fue su alumno más destacado y gracias a él podemos establecer que Sócrates buscaba definir, a partir de una discusión racional (diálogo) donde el plantea-

miento del mismo busca responder a la pregunta ¿qué es?, dicho de otro modo, Sócrates busca encontrar la esencia universal de los conceptos, pues sólo de esa manera el hombre puede conocer verdaderamente, de ahí que se fundamente una *epísteme*; fue máximo rival de los sofistas, pues éstos consideraban que todos los valores eran relativos, establecían que en las diferentes ciudades los hombres jerarquizan los valores de manera distinta, por ello éstos podrían cambiarse y alterarse a voluntad de las ciudades, la justicia, uno de los valores más relativos inversamente, Sócrates consideraba que el valor de justicia debía ser el mismo en todas las ciudades, pues su búsqueda propiciaría un valor universalmente válido. Dicha búsqueda de ese concepto universal era la solución al relativismo sofístico.

El método socrático se da a través del diálogo, a partir de las preguntas y respuestas, las premisas se van afirmando o negado, según sea el caso: el método tiene dos momentos: La ironía y la mayéutica.

La ironía

Siguiendo con la lectura de los comentaristas, la ironía se da cuando el interlocutor de Sócrates, después del diálogo se confiesa ignorante, asumiendo que todos los planteamientos o criterios de verdad que antes le parecían muy claros, no pueden responder a la pregunta socrática (¿qué es?), al asumir la ignorancia el interlocutor, daría el primer paso a la sabiduría, pues

admitiría que es una tierra fértil en la cual se puede enseñar la virtud, pues se le han retirado todos los prejuicios que propiciaban sus conocimientos por costumbre. Sócrates siempre se presenta como un ignorante, un ser inferior respecto a su interlocutor, y exalta las cualidades de su interlocutor. Siempre pide a los otros que lo aleccionen, pues él no tiene la capacidad de saber nada, pues es un ignorante. El filósofo ensalza a su rival, lo elogia, lo hace sentir un gigante del pensamiento; su antagonista se siente en las nubes entre los elogios – abre sus plumas como hace el pavorreal frente a sus crías, se contornea de palmo a palmo-; pero después de ser interrogado por la esencia de la virtud, y al vislumbrar que Sócrates no se conforma con los ejemplos particulares, el interlocutor decide abandonar la empresa y admitir que no sabe nada. N. Abbagnano y A. Visalberghi en su libro *Historia de la pedagogía*, lo exponen de la siguiente manera:

Sócrates abre el diálogo con grandes declaraciones de ignorancia y desmesurados elogios a la sabiduría del interlocutor que éste acepta lisonjeado; pero al final se pone de manifiesto que el único sabio es Sócrates que por lo menos sabe que no sabe, mientras el interlocutor creía saber sin saber realmente nada, puesto que sus opiniones han sido confutadas hábilmente por Sócrates con el método "dialéctico", que sostiene en aceptarlas como verdaderas y luego demostrar

que en ellas se desprenden consecuencias absurdas y contradictorias (1993;65).

Como podemos apreciar, se identifica el momento de la ironía como la aceptación por parte del interlocutor de no saber. Sin embargo, la ironía vista así tiene un sentido positivo, pues de una u otra manera auspicia y conserva la esperanza por parte de Sócrates, de encontrar a un hombre sabio que lo aleccione, es decir Sócrates se revela al final del diálogo como un ser igual de carente que su interlocutor, pues no es capaz de aleccionar a su interlocutor, ahora ignorante sobre nada, pues sólo es consciente de su ignorancia. Si la ironía y la mayéutica van unidas, dicha ironía: vista como el primer paso del método eliminaría los conocimientos del interlocutor a sabiendas que llegará uno nuevo, universalmente válido que sustente su existencia.

En cambio, si entendemos la ironía desde un sentido negativo, ésta sería fingir que se busca un pretendido conocimiento aún a sabiendas de que nada se puede encontrar. Pues como veíamos, anteriormente, la sabiduría humana es digna de poco o de nada. Sócrates parte del postulado del no saber, y sólo procede a corroborar que, efectivamente, todos carecen del conocimiento, es decir, el filósofo desde que arranca el diálogo sabe que su interlocutor, en tanto humano, al igual que él, no puede otorgarle un conocimiento o una definición moral universalmente válida. Más que ayudar al otro, quiere llevarlo

al mismo estado de incertidumbre, desenmascarar su falsa sabiduría, a sabiendas de que no encontrara ni él, ni los demás una respuesta, y que todo intento de conciliación. Todo saber que pretenda decir la verdad esconde en sí mismo una mentira, una mentira que permite a quienes la adoptan sobrevivir, mas dicha verdad sería un nuevo constructo, igual de válido que los anteriores e igual de propenso a no responder la pregunta socrática del ¿qué es?

Por eso, todos los diálogos aporéticos terminan como su nombre lo indica en la irresoluble definición del término, que buscaban definir. Ante la contradicción de las premisas del interlocutor.

La mayéutica

El segundo momento del método socrático es considerado la acción pedagógica, Sócrates fue el primero en establecerlo, se llama mayéutico pues imita el trabajo de las comadronas. El filósofo tras depurar el pensamiento de los prejuicios y las costumbres, ayuda a su interlocutor a parir los conceptos que permitan responder al ¿qué es? del diálogo. En el *Teeteto*, Platón describe, en boca de Sócrates, cómo el filósofo procede al intentar ayudar a su interlocutor a dar a luz el saber, a partir de la interrogación:

Soc. - Mi arte de partear tiene las mismas características que el de ellas, pero se diferencia en el hecho de que asiste a los hombres y no a las mujeres, y examina las almas de los que dan a luz, pero no sus cuerpos. Ahora

bien, lo más grande que hay en mi arte es la capacidad que tiene de poner a prueba por todos los medios si lo que engendra el pensamiento del joven es algo imaginario y falso o fecundo y verdadero. Eso es así porque tengo, igualmente, en común con las parteras esta característica: que soy estéril en sabiduría. Muchos, en efecto, me reprochan que siempre pregunto a otros y yo mismo nunca doy ninguna respuesta acerca de nada por mi falta de sabiduría, y es, efectivamente, un justo reproche. La causa de ello es que el dios me obliga a asistir a otros pero a míme impide engendrar. Así es que no soy sabio en modo alguno, ni he logrado ningún descubrimiento que haya sido engendrado por mi propia alma. Sin embargo, los que tienen trato conmigo, aunque parecen algunos muy ignorantes al principio, en cuanto avanza nuestra relación, todos hacen admirables progresos, si el dios se lo concede como ellos mismos y cualquier otra persona puede ver. Y es evidente que no aprenden nunca nada de mí, pues son ellos mismos y por sí mismos los que descubren y engendran muchos bellos pensamientos. No obstante, los responsables del parto somos el dios y yo (*Teeteto*, 150c-d).

Sócrates no puede, como lo expresa el parágrafo, dar a luz ninguna verdad, su tarea consiste en propiciar el alumbramiento o desechar los productos del pensamiento de sus interlocutores. El método socrático, en este sentido,

contradecía el método de los sofistas, pues éstos fundamentaron el método de enseñanza básico (el alumno recibe su enseñanza desde afuera: el maestro lo dota del saber), en el cuál los alumnos son como tablillas lisas en las que se pueden aprender las cosas al recibir los estímulos del exterior. La mayéutica supone que en el alma del interlocutor se guardan los más valiosos contenidos, es decir, la tarea de Sócrates consiste, entonces, en valorar la naturaleza de todo lo que está en su interlocutor, examinarlo y si es propicio sacarlo a la luz, pero si antes se eliminaron los saberes que se encontraban en el hombre ¿de dónde salen éstas ideas o conceptos? Creemos, que está idea es un aspecto platónico, que tiene que ver con la Teoría de las ideas y la reminiscencia, la preguntas socráticas permitirían al interlocutor recordar, pero ello dificulta las cosas, porque de ser así, el alma de Sócrates también podría conocer la verdad y su no saber quedaría de lado.

La mayéutica que proponemos también conlleva una naturaleza negativa. En ella Sócrates más que ayudar a dar a luz el conocimiento, fomenta el aborto del mismo; a partir de las contundentes interrogaciones, que propicia la ignorancia, no existe cabida para considerar que puede nacer una verdad, no cabe posibilidad de construcción. El pensador, visto como destructor, se asemeja al fuego, por ello reseca el pretendido saber de sus

interlocutores y los deja vacíos. La mayéutica del no saber, de la ignorancia, parte de la asimilación del fracaso del hombre al intentar hacerse de un conocimiento. La mayéutica propuesta por Platón, de ser posible, sólo propiciaría en el otro, parir nuevas ilusiones, es decir, pues hemos reconocido, a lo largo del capítulo, las verdades son creaciones de las creencias humanas, no existe la verdad en un sentido universal entre los hombres, pues cada uno ya sea individual o colectivamente se crea verdades para otorgarle a su vida un sentido. La tarea del pensador, en ambos casos (ironía y mayéutica), no es propiciar nuevos conocimientos, sino asimilar la imposibilidad de un conocimiento verdadero, exponer el sinsentido de las creaciones humanas.

Buscamos propiciar otra lectura de Sócrates, pues consideramos que en los diálogos socráticos, se expone, claramente, la imposibilidad por parte de los hombres de encontrar el fundamento que responda a la pregunta ¿qué es? Sócrates se percata en cada una de sus investigaciones, cómo el conocimiento humano y sus creaciones: dioses, leyes, normas, principios son en esencia contradictorios. Cada que examina un saber, llega a la misma conclusión: la sabiduría humana es digna de poco o de nada. Lo que conocemos como método socrático es un intento de suavizar el carácter negativo de los diálogos socráticos, pues no existiría una correspondencia

entre un mártir filosófico y demoleedor de conocimientos, que vive en la incertidumbre, sometiendo a examen las creaciones de sus congéneres. De leer así a Sócrates entendemos muy bien el porqué de su condena. Un hombre que tras dialogar con nosotros nos deja en el vacío y no nos propone nada, es un tipo demasiado molesto para los fines prácticos incluso de nuestra época.

La naturaleza aporética del diálogo

¿Puede existir una conclusión cuándo se han negado las premisas? En dicha pregunta se esconde la naturaleza de los diálogos socráticos, es decir, el reconocimiento de la ignorancia, posterior al diálogo, viene a ser la afirmación de la incapacidad para poder dar respuesta a la pregunta socrática (¿qué es?). De esta manera, los intentos por definir los valores, presentados en el diálogo, serían premisas que nunca lograrían una conclusión, asumiendo así a la ignorancia como la manifestación de la aporía pues siguiendo el uso etimológico del término, tanto el interlocutor como Sócrates se quedan sin camino.

La diferencia entre la conversación y el diálogo estriba en la profundidad del tema y en el respeto que cada uno de los interlocutores tiene sobre su contraparte. Todo diálogo comienza como una conversación, los interlocutores se saludan y comienzan a contextualizarse, a ponerse al día con sus vidas; lo que propicia el vuelco dialógico es el interés por

una de las partes de ir más allá de la mera información, el preguntar el punto de vista o la postura que tomaría, respecto al tema del cuál conversan. En los diálogos socráticos, el vuelco dialógico se manifiesta cuándo Sócrates buscando ser aleccionado, confiesa su ignorancia e insita a su interlocutor a esclarecer aquello sobre lo que versaba la conversación. El ejemplo más claro entre los diálogos socráticos se da en el diálogo *Eutifrón*. En el cual el tema sobre el que versa la acusación es lo pío (lo piadoso).

Sócrates realiza *Eutifrón* una pregunta que transforma la conversación en diálogo: "¿qué afirmas tú qué es la piedad, respecto al homicidio y a cualquier otro acto?" (*Eutifrón*, 5c -d). Cuando se enuncia esta pregunta (¿qué es?) se hace manifiesta la suspensión del saber, es decir, se deja de lado la conversación para adentrarse en la hondura que propicia la duda. Comúnmente la conversación se nos presenta como un tránsito por la calle y uno simplemente va caminando, colocando un pie delante del otro. Sin embargo, en el diálogo uno repite el simple tránsito, hasta que repentinamente uno de ambos pies tropieza, y hace que se pierda, momentáneamente, el equilibrio; tomando conciencia de lo ocurrido: volteamos la mirada y encontramos que efectivamente existe un obstáculo que ha propiciado nuestro tambaleo, en la conversación ese leve tropiezo se manifiesta en la pregunta. La

duda es intrínseca a la pregunta, por ello cuando dudamos, ese leve acto de volver sobre nuestros pasos, remite, necesariamente, a encontrar aquello que nos ha hecho perder el equilibrio. A eso le llamamos el inicio del diálogo, pues una vez desequilibrados no podemos seguir nuestros pasos hasta no eliminar el obstáculo, ya que de no hacerlo nos veríamos expuestos a caer en él, en otro momento, o algún compañero lo haría posteriormente.

Para seguir con su tránsito, Eutifrón intenta eliminar el obstáculo al proponer una respuesta que le permita recobrar el paso. Por ello, Eutifrón establece: "Es, ciertamente, pío lo que agrada a los dioses, y lo que no les agrada es impío" (Eutifrón, 7a). Con esta respuesta Eutifrón intenta recobrar el paso y seguir con su camino, pero Sócrates no se lo permite y lo invita pensar mejor su respuesta, pues de ser así: lo grato a unos dioses parase para otros no grato, por ende un hombre sería pío e impío al mismo tiempo. Pensemos en la guerra de Troya, para Atenea Héctor es impío, ya que ella quiere que la guerra la ganen los aqueos, es decir, para la diosa el héroe troyano es impío –no es agradable para ella ver perecer a los aqueos en manos del troyano–. Sócrates considera la respuesta del sabio Eutifrón e intenta hacerle ver cuáles la problemática de tomar sus palabras literalmente: "Luego no respondiste a lo que yo te preguntaba, mi buen amigo; en efecto, yo no preguntaba qué es

lo que, al mismo tiempo, es pío e impío. Según parece, lo que es agradable a los dioses es también odioso para los dioses" (Eutifrón, 8a). A Sócrates le interesa saber cuál es el acto pío, no cuál es pío e impío al mismo tiempo. Ante ello, Eutifrón considera que todos ellos concuerdan en considerar impío al hombre que mata a otro hombre de una manera injusta. Para Sócrates, hombres y dioses forman bandos, en los cuales discrepan sobre la naturaleza de los actos injustos. Sin embargo se vuelve a caer en el mismo error, pues lo que es impío para algunos dioses para otros es pío, Sócrates insiste en aclarar los términos y pregunta a Eutifrón: "¿Acaso lo pío es querido por los dioses porque es pío, o es pío porque es querido por los dioses?" (Eutifrón 10a). Con esta pregunta las cosas se complican aún más, pues Sócrates al no eliminar la premisa de lo querido por los dioses, ahora plantea como independiente la naturaleza de lo pío, es decir, como si lo pío tuviese una naturaleza independiente que no depende de los dioses para existir. Aceptar dicha pregunta sería afirmar que lo agradable a los dioses no sería pío, y lo pío al ser independiente no sería lo que es agradable a los dioses, y al no tener una mutua relación, entonces la primera tesis de Eutifrón se echa por tierra. Sócrates demuestra así que existe una carencia de fundamento, pues lo pío siempre se muestra referido a los dioses y aceptar su independencia e incluso su falta

de relación directa con los dioses se debe a la ambivalencia del lenguaje. La equivocación de Eutifrón es meramente un enredo discursivo, Sócrates lo ha llevado a encontrar la contradicción en aquello en lo que éste se consideraba experto.

Sócrates considera, indispensable, definir ¿qué parte de la justicia sería lo piadoso? Y lo expresa de la siguiente manera:

Sóc.— Pues algo semejante decía yo antes al preguntarte si acaso donde está lo justo, está también lo pío. O bien, donde está lo pío, allí también está lo justo, pero donde está lo justo no todo es pío, pues lo pío es una parte de lo justo. ¿Debemos decirlo así, o piensas tú de otro modo?

Eut.— Ciertamente, Sócrates, me parece que la parte de lo justo que es religiosa y pía es la referente al cuidado de los dioses, la que se refiere a los hombres es la parte restante de lo justo (Eutifrón 12d-e).

Lo pío según admiten los interlocutores es parte de lo justo, lo que los lleva a considerar ¿qué parte es?, según Eutifrón lo que es justo y pío en la religión es el cuidado de los dioses, pero suponer que el hombre tiene la capacidad de cuidar aquello que es superior a él, es decir, el hombre un ser mortal cuidaría de los seres inmortales, de ser así, el cuidado de los hombres a los dioses supondría un mejoramiento, por parte de los hombres a los dioses, mas ¿cómo se da éste cuidado?:

Sóc.— Bien. ¿Pero qué clase de cuidado de los dioses sería la

piEDAD?

Eut.— El que realizan los esclavos con sus dueños, Sócrates.

Sóc.— Ya entiendo; sería, según parece, una especie de servicio a los dioses (Eutifrón, 13d).

Siguiendo esta línea se niega el cuidado y se considera más propio señalar la tarea como un servicio, pero ¿de qué les valdría a los dioses un servicio humano? o ¿cómo se manifestaría ese servicio? Eutifrón considera orar y realizar sacrificios como aquello que complace a los dioses, Sócrates considera que sería importante señalar a dicho servicio como la ciencia de sacrificar y de orar. A través del sacrificio el hombre, según Eutifrón, mantendría una relación con lo divino. El hombre le brindaría ofrendas y los dioses haría caso a sus peticiones, el hombre estaría censurado a pedir sólo aquello que necesita, no obstante, aun con dicha censura, Sócrates la identifica con un arte comercial. No equitativo según el filósofo, de ahí que pregunte:

Indícame qué utilidad sacan los dioses de las ofrendas que reciben de nosotros. Lo que ellos dan es evidente para todo el mundo. En efecto, no poseemos bien alguno que no nos lo den ellos. Pero, ¿de qué les sirve lo que reciben de nosotros? ¿Acaso conseguimos tanta ventaja en este comercio, que nosotros recibimos de ellos todos los bienes y ellos no reciben nada de nosotros? (Eutifrón, 15a).

Para Eutifrón los dioses toman las ofrendas humanas como signos y muestras de veneración

a su figura. Mas el problema, esa pregunta que ha permitido el libre tránsito no termina por resolverse, pues se busca ser pío, a través de intentar complacer los deseos de los dioses con los presentes. De admitirse, complacer a los dioses por medio de presentes es un acto piadoso de volvería a caer en el equivoco de la primera pregunta, pues aquello que busca complacer es similar a aquello que es querido por los dioses, cuando se admite por segunda vez una respuesta que ya había sido eliminada, la suspensión del juicio que propiciaba la pérdida de equilibrio, se muestra ahora como la caída inminente, pues es una suspensión definitiva. Ante la imposibilidad de responder a Sócrates, Eutifrón se ha topado con la aporía:

Sóc. — ¿Luego lo pío, Eutifrón, es lo que les complace, pero no lo que es útil ni lo que es querido para los dioses?

Eut. — Yo creo que es precisamente lo más querido de todo.

Sóc.— Luego, según parece, de nuevo lo pío es lo querido para los dioses (Eutifrón, b)

Eutifrón intentado esclarecer e instruir a Sócrates respecto a la piedad, ha volcado una y otra vez, la mirada hacia el objeto que no le permite el libre tránsito, no obstante por más que lo buscado parece no encontrarlo, la pregunta se ha tornado como un impedimento para seguir de frente, por más que Eutifrón ha intentado rodearla no ha conseguido avanzar. Cuando ese libre tránsito se topa con la pared invisible, la pregunta (¿qué es?), y

al no poderla responder no existe un camino, pues el interlocutor no puede avanzar ni retornar sobre sus pasos, porque todo aquello que creía tener seguro parece haberse desvanecido, intentando volver sobre sus huellas (anteriores saberes), mirando a la tierra ha visto que han desaparecido sus pasos, pero con tal de no enfrentarse a la pregunta prefiere simular saber a dónde se dirige.

Porque si tú no conocieras claramente lo pío y lo impío, es imposible que nunca hubieras intentado a causa de un asalariado acusar de homicidio a tu viejo padre, sino que hubieras temido ante los dioses arriesgarte temerariamente, si no obrabas rectamente, y hubieras sentido vergüenza ante los hombres. Por ello, sé bien que tú crees saber con precisión lo que es pío y lo que no lo es. Así pues, dímelo, querido Eutifrón, y no me ocultes lo que tú piensas que es (Eutifrón, 15d).

Aunque Sócrates insiste en seguir con el diálogo tras mostrar su estupidez a Eutifrón, éste no querrá seguir con la investigación, pues no quiere que así como eliminó su conocimiento de la piedad, elimine todos los valores. Por eso decide irse.

El hombre no puede explicar qué son las cosas. Podemos vislumbrar los aprietos en los que se meten el filósofo y su interlocutor al intentar precisar a partir de los conceptos las palabras comúnmente usadas. En los diálogos explicados que versan sobre la piedad y la amistad así como en todos los apologéticos, los conceptos

como: conocimiento, la virtud, el valor, etc. tienen múltiples acepciones, pues la lengua griega, al igual que todas las otras, no logra hacer una síntesis terminológica de sus conceptos. El ejercicio socrático intenta eliminar todas las representaciones individuales de su interlocutor, cómo entiende él una tradición o costumbre, o los tecnicismos y la evolución de ellos en la lengua. Pero al hacerlo se revela la única verdad, la inconsistencia que supone elaborar un lenguaje absolutamente válido y universal. Sí lográsemos eliminar la multiplicidad de contextos a los que alude una palabra al intentar conceptualizarla dicha palabra estaría vacía. De ahí que la aporía sea una clara muestra de la inexistencia del camino, tras la búsqueda del fundamento. La tarea socrática intenta convertirse en el continente de un contenido infinito o en su defecto, intenta construir un ser de la depuración de las

apariencias.

La filosofía socrática vista desde el carácter negativo, podría convertirse en una herramienta crítica para nuestra época, al ridiculizar todo intento de verdad, aun aquellas – bastante comunes en nuestra época- de carácter individual. Todo intento, por parte del hombre, de erigir una verdad, aun en el carácter individual es crear una ilusión, pues no podemos soportar la idea de vacío en nuestros cuerpos. La filosofía socrática tiene un carácter existencial, ya que nos permite vernos a nosotros mismos e interrogar si en realidad aquellas cosas de las que nos sentimos tan orgullosos son evidencia de nuestra libertad, es decir, hemos decidido llevarlas a cabo, o son una mera imposición que creímos haber elegido. La figura de Sócrates nos muestra una forma de vida con los otros, misma que no se determina por los otros.

Bibliografía

1. Abbagnano, Nicola (1980) *Diccionario de Filosofía*. México; Fondo de Cultura Económica
2. Abbagnano, N. & Visalberghi, A. (1993). *Historia de la Pedagogía*. México: Fondo de Cultura Económica.
3. Guthrie, W. K. C. (1998). *Historia de la filosofía griega III. Siglo V, Ilustración*. Madrid: Gredos.
4. Tovar, Antonio. (1984). *Vida de Sócrates*. Madrid: Alianza Editorial.
5. Platón. (2008). *Diálogos*, 9t. Madrid: Gredos.
6. Platón. (1972). *Diálogos socráticos*. España: Salvat Editores.

УДК 141.13

Хуан Хесус Монрой Мендоса

Приближение к Витгенштейну и его фигуративной теории значения

Фигуративная теория значения является одним из великих достижений первого Витгенштейна. Эта теория делает более наглядными многие важные аспекты языка и в этом смысле играет большую роль в познавательном процессе. С точки зрения этого мыслителя, язык обладает способностью проявлять реальность и в этом процессе такой подход позволяет нам приблизиться к некоторым формальным аспектам действительности, и определить что есть форма.

Ключевые слова: фигуративная теория, Витгенштейн, язык

Хуан Хесус Монрой Мендоса,
аспирант Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико

UDK 141.13

Juan Jesús Monroy Mendoza

An Approach to Wittgenstein and his picture theory of meaning

The picture theory of meaning is one of the greatest contributions of the first Wittgenstein. It makes visible many key aspects of language, along with the importance of language role in the gnoseological process. According to him, language can shape reality, and, while doing so, it shows some purely formal aspects of reality as well as *form*.

Keywords: Mining, picture theory of meaning, form, gnoseolog

Juan Jesús Monroy Mendoza,
postgraduate student of Hu-
manitarian faculty of Autono-
mous University of Mexican
State

CDU 141.13

Juan Jesús Monroy Mendoza

Un acercamiento a Wittgenstein y su teoría figurativa del significado

La teoría figurativa del significado es una de las mayores aportaciones de la primera etapa de pensamiento wittgensteiniano; dicha postura visibiliza muchos aspectos importantes del lenguaje, y de la importancia de este en el proceso gnoseológico. En la perspectiva de este pensador, el lenguaje es capaz de figurar la realidad, y en ese proceso de figuración nos permite acceder parcialmente a algunos aspectos puramente formales de la realidad, así como la *forma*.

Palabras claves: Significado, teoría figurativa de significado, forma, gnoseología

Juan Jesús Monroy Mendoza es estudiante del Posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

El atomismo

La perspectiva atomista que defienden Russell y Wittgenstein surge como una crítica al denominado monismo idealista hegeliano (Russell, 2010: 17), el cual, por una especie de deducción, era capaz de, con muy pocos conceptos filosóficos, dar razón respecto a varios problemas filosóficos. Mientras que, por el contrario, la perspectiva atomista apuesta por un pluralismo de hechos particulares, es decir que el conocimiento se puede dar de un modo inductivo, partiendo de los hechos más elementales.

En su libro *La filosofía del atomismo lógico*, Russell acuña el concepto *atomismo lógico* y en su perspectiva esta filosofía consistiría: en pasar de esas cosas obvias, vagas y ambiguas, de las cuales nos sentimos muy seguros, a otra cosa precisa, clara, definida, que por la reflexión y el análisis encontramos implícita en la cosa vaga de la cual partimos, y que es por así decirlo, la verdad real de lo que lo vago es una especie de sombra (Russell, 2010: 4)

Russell trata de partir de las cosas más elementales y de hacer una especie de inducción hasta lograr alcanzar cuestiones con un grado mayor de universalidad, pero siempre partiendo de las cualidades que se encuentran implícitas en las cosas *particulares* y aclara Russell: "los átomos a los que quiero llegar... son átomos lógicos, no átomos físicos. Algunos de ellos serán lo que yo llamo 'particulares' cosas -tales

como pequeñas manchas de color o sonidos, cosas momentáneas." (Russell, 2010: 3)

En la misma *Filosofía del Atomismo Lógico* se hace un análisis lógico del lenguaje como elemento fundamental en el proceso de aprehender dichos elementos *particulares* del mundo, y a los que el lenguaje se refiere cuando en realidad *significa* algo verdadero; es decir que este texto propone el uso de un lenguaje que guarde una relación biunívoca con dichos elementos primarios del mundo, esto con el fin de eliminar la posibilidad de mención de entes no existentes. Esto es entendido en términos del mismo Russell como Lenguaje Lógicamente Ideal.

Pero en *La Filosofía del Atomismo Lógico* se trate de buscar los elementos constituyentes últimos del mundo partiendo de un análisis lógico del lenguaje es decir la búsqueda de los elementos de la proposición, y no de los hechos. Pues en esta perspectiva "los símbolos son más fáciles de aprender que lo simbolizado" (Russell, 2010: 24)

Posteriormente Wittgenstein en su *Tractatuslogico-philosophicus* hablara de *Sachverhalt* que en la primera traducción del alemán al inglés hecha por Cecil Ogden y Frank Ramsey en el año de 1922, la cual ya contaba con el visto bueno de Wittgenstein y la famosa introducción de Russell, aparece como <<atomicfact>> es decir hecho atómico. Pero en la segunda traducción hecha por David Pears y Brian

McGuinness publicada en 1961 *Sachverhalt* es traducido como <<state of affairs>> ósea estado de cosas.

Si bien la traducción como estado de cosas es una traducción más precisa, lo que no se puede obviar es que hay una reminiscencia del concepto de *atomismo* lógicorusselliano en el *Tractatus*, pues Wittgenstein sostiene que la única posibilidad que tenemos de acceder a los objetos es por medio de su interacción como parte de los estados de cosas: "2 Lo que acaece, el hecho, es el darse efectivo de estados de cosas." (Wittgenstein, 1922: 93) es decir, que lo que se nos presenta se nos muestra en el entramado del estado de cosas, es decir que lo que percibimos no son los objetos, sino los objetos como parte de dicho entramado.

En ese sentido Wittgenstein descompone el mundo en hechos "1.2 El mundo se divide en hechos." (Wittgenstein, 1922: 93) y es por esto mismo que para él "1.1 El mundo es la totalidad de los hechos, no de las cosas." (Wittgenstein, 1922: 93) porque los objetos por si mismos no acaecen, pues la manera en que los objetos existen y se nos presentan es por medio de su interacción como parte del estado de cosas.

Afirma Wittgenstein: 2.0121 *Apareceri□a, por asi□ decirlo, como un accidente si a una cosa capaz de existir por si□ misma pudiese subsecuentemente convenirle un estado de cosas.*

Si las cosas pueden entrar en un hecho atómico, esta

posibilidad debe estar ya en ellas.

(Algo lógico no puede ser solo-posible. La lógica trata de toda posibilidad y todas las posibilidades son sus hechos.)

Lo mismo que no nos es posible pensar objetos espaciales fuera del espacio y objetos temporales fuera del tiempo, así no podemos pensar ningun objeto fuera de la posibilidad de su conexión con otros.

Si yo puedo pensar el objeto en el contexto del hecho atómico, no puedo, sin embargo, pensarlo fuera de la posibilidad de ese contexto. (Wittgenstein, 1922: 93-94)

A grandes rasgos en la perspectiva atomista de Wittgenstein un hecho (*Tatsache*) es una cuestión compleja constituida por estados de cosas, los cuales, a su vez, son combinaciones de objetos.

2 Ontología

En la mayor parte de las primeras dos proposiciones del *Tractatus* se trata sobre lo que hay en el mundo, los objetos, así como sus características esenciales y necesarias, además de su relaciones entre sí; cuestión que si bien tiene más semejanza con la física, también tiene un trasfondo muy importante para la filosofía, pues los objetos concíbaseles como se les conciba, son la sustancia del mundo: " 2.021 Los objetos forman la sustancia del mundo" (Wittgenstein, 1922: 27), pero el análisis estructural del mundo trasciende el aspecto ontológico y adquiere un enfoque diferente en la filosofía analítica y del lenguaje; en estas

dos últimas recae la mayor parte de su influencia:

la metafísica del atomismo lógico es el resultado del análisis del mundo considerado como un todo, las teorías del significado resultan del análisis aplicado del lenguaje, etc. El análisis, tal y como yo lo comprendo, constituye la base y el cemento del atomismo lógico y una manera de vista que de otra manera quedarían sin fundamento alguno (Tomasini, 2012: 15).

La filosofía analítica busca hacer filosofía a través del análisis riguroso del lenguaje sin interpretación, sino buscando el signo originario de los términos; para lo cual establece como criterio de verdad la coherencia lógica y la verificación empírica. Es decir, el lenguaje se concibe, en términos wittgensteinianos, como una figura capaz de referir a objetos empíricos; es por medio del lenguaje que podemos acercarnos al mundo, describirlo; pero en la experiencia no nos encontramos con los objetos a los que nos referimos, sino únicamente con manifestaciones de los objetos, es decir, fenómenos, que en el lenguaje wittgensteiniano se conocen como hechos.

El mundo es aquello de lo que hablamos, aquello con lo que, por así decirlo, nos topamos, pero es obvio que "el mundo" es una abstracción. En la experiencia nosotros nos topamos con aspectos del mundo, con sus componentes, no con el mundo como una totalidad. Y ¿cuáles son los componentes del mundo? La

respuesta de Wittgenstein es: los hechos (Tomasini, 2011: 20,21).

2.1 Hechos y objetos

Debemos diferenciar los objetos de sus manifestaciones, y los hechos de los objetos; para esto pondré el siguiente ejemplo: cuando vemos un árbol, no nos encontramos con el árbol en bruto, no es el árbol en sí; nos encontramos con el árbol interactuando en un fenómeno óptico de refracción de los rayos de luz, desde el objeto que los está refractando hasta nuestros ojos.

[las sensaciones] no son el tipo de cosas de las que tiene sentido decir que son vistas o no vistas, incluso por mí [...] Se sigue de esto que fue equivocado desde el principio comparar a los objetos comunes de la observación de cualquier persona, como pájaros petirrojos o quesos, con los objetos peculiares de mi observación privilegiada, a saber mis sensaciones, puesto que las sensaciones no son objetos de ninguna manera (Ryle, 2002: 205-208).

En realidad éste es un tema que el mismo Wittgenstein continuó desarrollando a lo largo de su vida, e incluso no solamente en el *Tractatus* sino también en sus *Investigaciones filosóficas*:

Observar no crea lo observado [ésta es una constatación conceptual].

O bien; yo no observo aquello que sólo surge mediante la observación.

El objeto de la observación es otro (Wittgenstein, 2003: 433).

En conclusión, Wittgenstein dice que no estamos en contacto con las cosas, sino con las cosas siempre en interacción.

2.011 *Es esencial a las cosas el poder ser parte fundamental de un estado de cosas.*

2.012 *En la lógica nada es casual: si la cosa puede ocurrir en el estado de cosas, la posibilidad del estado de cosas tiene que venir ya predeterminada en la cosa* (Wittgenstein, 1922: 25).

Desde el momento en que los objetos son materiales, es decir, ocupan un lugar en el espacio, ya están en interacción, no hay objetos aislados, todos existen en interacción como parte de los hechos atómicos y es por eso que para Wittgenstein, "1.1 El mundo es la totalidad de los hechos, no de las cosas" (Wittgenstein, 1922: 25).

Al respecto dice Tomasini: "El lenguaje no tiene otro tema posible que el mundo. Naturalmente, hablar es, en el sentido filosóficamente relevante, describir aspectos del mundo para lo cual necesitamos emplear oraciones. Ahora bien, lo que corresponde a una oración es un hecho" (Tomasini, 2011: 21), por esto mismo Wittgenstein afirma que "1.2 El mundo se divide en hechos" (Wittgenstein, 1922: 25).

Podemos rastrear el origen de esta percepción wittgensteiniana desde Bertrand Russell, quien afirmó que "aunque pueda parecer una paradoja, toda ciencia exacta está dominada por la idea de aproximación" (Russell, 1971: 53)

—es decir, la ciencia no podrá conocer la verdad de las cosas, ya que en realidad trabaja con hechos aislados—; la ciencia supone hechos en donde los objetos se manifiestan como la misma ciencia espera que lo hagan. Como bien lo dice asimismo Foucault, en *Las palabras y las cosas*, trabajamos con las palabras, no con las cosas, o en palabras de Wittgenstein, nos hacemos figuras del mundo.

Continúa Russell: "Si un hombre os dice que posee la verdad exacta sobre algo, hay razón para creer que es un hombre equivocado" (Russell, 1971: 53), dice el autor que cada objeto real posee cualidades que no vamos a poder conocer, empleemos el método que sea, o el modelo teórico más avanzado. Concluyo esta idea con su perspectiva de lo que ocurre durante el trance de un modelo teórico, por uno nuevo. "Cuando ocurre un cambio en la ciencia, [...] lo que se hace no es arrojar lo anterior, sino remplazarlo por algo ligeramente más exacto" (Russell, 1971: 55).

Desde estas perspectivas, la producción del conocimiento de las cosas no se genera desde las cosas mismas, sino mediante su posibilidad de ser como parte del hecho que para Wittgenstein es una forma natural de ser de las cosas, un modo de ser con el mundo.

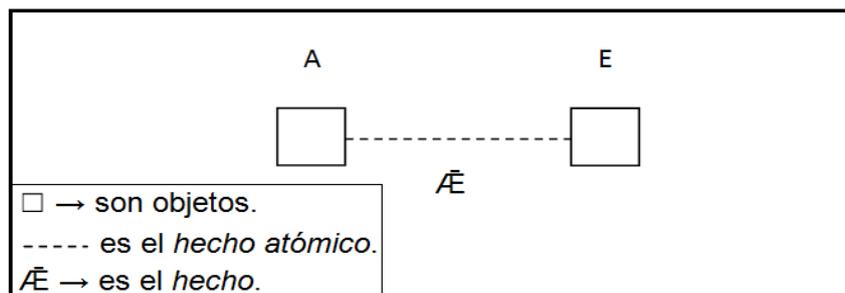
2.2 Diferencia entre hecho y estado de cosas

A estas alturas cabe mencionar la distinción entre *Tatsache*, el *hecho*, es decir, lo

que acaece, y *Sachverhalt*, comúnmente traducido como estado de cosas. Afirma Wittgenstein que "2. Lo que

acaece, el hecho, es el darse efectivo del estado de cosas" (Wittgenstein, 1922: 25). Lo explicaré con un ejemplo.

Figura 1.

En la figura 1 el estado de cosas es la relación entre el objeto A y el objeto E, mientras que A-E es el hecho producido por dicha relación.

Pondremos un ejemplo simple de física clásica: siendo que A y E son dos cuerpos esféricos cuyas masas son m_1 y m_2 , respectivamente, la distancia entre ellos es r , y entre ambas masas la fuerza de atracción es F .

$$F = G \frac{m_1 m_2}{r^2} \quad \text{Fórmula 1.}$$

Como se aprecia más claramente en la ley de gravitación universal de Isaac Newton (fórmula 1), F es el hecho producto de la interacción en el estado de cosas de los objetos A y E.

Como puede apreciarse, es una propiedad de todo cuerpo, en este caso gracias a su masa, la posibilidad de atraer otros cuerpos; como es al objeto la posibilidad de interactuar en el estado de cosas. Como resultado

forzoso de dicha interacción se produce un hecho que, en este caso, llamamos fuerza de atracción.

Y así como los cuerpos físicos adquieren la capacidad de atraer otros cuerpos, por el simple hecho de existir, los objetos no pueden ser concebidos fuera del estado de cosas, por lo tanto producen hechos. Ambos se dan al mismo tiempo y no se pueden dar por separado, son acción y reacción en uno mismo. Diría Alejandro Tomasini, en su libro *Explicando el Tractatus*, como las dos caras de una moneda.

2.0121 Pudiera, por así decirlo, parecer un accidente, si a una cosa capaz de existir por sí misma pudiese subsecuentemente convenirle un estado de cosas.

Si las cosas pueden entrar en un estado de cosas, esta posibilidad debe estar ya en ellas.

(Algo lógico no puede ser sólo -posible. La lógica trata de toda posibilidad y todas las posibilidades son sus hechos.)

Lo mismo que no nos es posible pensar objetos espaciales fuera del espacio y objetos temporales fuera del tiempo, así no podemos pensar ningún objeto fuera de la posibilidad de su conexión con otros.

Si yo puedo pensar el objeto en el entramado del estado de cosas, entonces no puedo pensarlo fuera de la posibilidad de ese contexto (Wittgenstein, 1922: 25,26).

Pero además encontramos una relación de factualidad y verdad inmersa en la relación estado de cosas *Sachverhalt* y *h e c h o T a t s a c h e*, respectivamente. Para poder apreciar esto con mayor claridad, véase el ejemplo en el apartado 2.4.

2.3 Una ontología factual

Un rasgo característico de la ontología, a partir de la perspectiva de Wittgenstein, es que la concibe como factual: la verdad de la esencia de todas las cosas y del mundo, en suma, se encuentra determinada por lo que acaece, es decir, por los hechos. Parafraseando a Wittgenstein, el mundo es la suma de todos los hechos, y no por otro lado la suma de todas las cosas; el mundo es lo que tenemos de las cosas, los hechos que se dan; por esto mismo Wittgenstein descarta la posibilidad de una figura que pueda ser verdadera *a priori*, pues sólo en el hecho se encuentra la comprobación, el darse efectivo de las cosas.

Esta perspectiva de Wittgenstein no sólo delimita el pensamiento filosófico, sino que

cambió toda percepción del mundo. Debemos recordar que la postura wittgensteiniana no sólo es la cúspide de la filosofía del siglo XX, claramente manifiesta en el constante debate entre él y Karl Popper, siendo este último defensor de la teoría falsacionista, la cual afirmaba poder acercarnos a la verdad. A la larga, ha predominado la perspectiva escéptica, la cual echó raíz en el pensamiento wittgensteiniano por medio de Fritz Mauthner.

Finalmente, me parece que la perspectiva de Tomasini es clara cuando habla de los objetos fuera del hecho, pues dice: "no podemos conocerlos a través de los sentidos. Llegamos a conocerlos, si llegamos, sólo a través de sus propiedades y relaciones" (Tomasini, 2012: 173), es decir que si en efecto podemos conocer algo respecto de la esencia de las cosas esto será únicamente a través de la reminiscencia de la naturaleza de las cosas que se deben reflejar cuando están en interacción como parte del hecho.

2.4 La figuración y su vínculo con la realidad por medio de la forma

En primera, aclaremos que el hombre es un ser lingüístico, está dentro de su naturaleza expresar ideas y al mismo tiempo relacionarlas con las diversas formas de ser en el mundo. El hombre de lo que habla es del mundo, y para describir al mundo emplea proposiciones; por lo tanto una proposición también es un estado de cosas.

Una proposición puede ser un estado de cosas que se dé en la realidad, o que no se dé, "4.1 La proposición representa el darse y no darse efectivo de los hechos atómicos" (Wittgenstein, 1922: 44). Wittgenstein se refiere a que un estado de cosas (*Sachverhalt*) en el hecho (*Tatsache*), es verdadero, es decir, coincide con la realidad pues la realidad está compuesta por ellos; mientras que un estado de cosas que no se da, es un estado de cosas (*Sachverhalt*) sin hecho (*Tatsache*), o lo que es igual, no existe en la realidad. "2.06 La existencia y no-existencia de los hechos atómicos es la realidad (a la existencia de los hechos atómicos la llamamos también un hecho positivo, a la no-existencia, un hecho negativo)" (Wittgenstein, 1922: 28).

Pongo el ejemplo. Es un estado de cosas (*Sachverhalt*) mi proposición: <<Wittgenstein escribió el *Tractatus*>>, y también es un hecho (*Tatsache*) que se da en la realidad, por lo tanto es un hecho positivo.

También es un estado de cosas la premisa <<Wittgenstein escribió *La Náusea*>>, pero es un hecho (*Tatsache*) que no se da en la realidad, por eso es un hecho negativo.

Para Wittgenstein "2.014 Los objetos contienen la posibilidad de todos los hechos atómicos" (Wittgenstein, 1922: 26); por eso, en el espacio lógico podemos hablar de todas sus posibilidades, pero el espacio lógico, no carece por completo de un orden; "2.022 Es claro que por muy diferente del real que se

imagine un mundo debe tener algo –una forma– en común con el mundo real" (Wittgenstein, 1922: 27), y esta forma está en los objetos, ya que "2.06 La existencia y no-existencia de los hechos atómicos es la realidad", pues sin esta distinción y su relación con la realidad, "2.0212 sería entonces imposible trazar una figura del mundo (verdadera o falsa)" (Wittgenstein, 1922: 27).

En términos wittgensteinianos *forma* refiere a esta relación con la realidad, es decir "2.033 La forma es la posibilidad de la estructura" (Wittgenstein, 1922: 28), la forma es el orden que tienen las figuras con respecto del orden correcto y real del mundo. Y esta forma determina la veracidad o falsedad de las figuras que construyamos en el espacio lógico, es decir, en los hechos está la verdad o falsedad de los hechos atómicos.

De este modo, Wittgenstein logra relacionar con el mundo lo que ocurre exclusivamente en el espacio lógico, al tiempo que encuentra en la lógica del lenguaje una posibilidad de representación de la realidad; al igual que la física con una fórmula, el lenguaje, con una figura, es capaz de describir el comportamiento de las cosas. "2.12 La figura es un modelo de la realidad" (Wittgenstein, 1922: 28).

Al mismo tiempo una proposición es una figura de la realidad, que puede darse o no en la realidad, es decir ser verdadera o falsa. Cito el famoso ejemplo de Wittgenstein, en el que, para explicar un choque entre dos autos, usa de modelo

autos de juguete, los cuales hacen de figura del mundo, pues asemejan en forma la manera en que los objetos se comportan en la realidad.

Los autos en el ejemplo de Wittgenstein sin lugar a duda son figura de la realidad, pues con ellos se describe un hecho que hemos visto en la realidad. Sin embargo, para Rudolf Carnap esto no lo es todo pues:

el sentido de una proposición descansa en el método de su verificación. Una proposición afirma solamente todo lo que resulta verificable con respecto a ella. Por eso una proposición, cuando dice algo, sólo puede enunciar un hecho empírico. Algo que estuviera en principio más allá de lo experimentable no podría ser dicho, ni pensado, ni planteado (Carnap, 2009: 28).

Es decir que la proposición expresa sólo en función de su relación con la realidad, o sea: que se dé o no se dé; la veracidad o la falsedad de la proposición es donde recae el verdadero sentido de la proposición, pues sólo así, afirmando o negando algo del mundo, se dice algo real.

Esta misma relación para Wittgenstein se llama *forma de figuración*: "2.17 Lo que la figura ha de tener en común con la realidad para poder figurarla a su modo y manera –correcta o falsamente– es su forma de figuración" (Wittgenstein, 1922: 29); explicado de otra manera: la forma de figuración da la posibilidad de que las partes de la figura se interrelacionen del mismo modo que harían las cosas

en el mundo real.

Pero existen tantas formas de figuración como combinaciones de pensamientos en nuestras mentes, de ahí que Wittgenstein distinga los que refieren a la realidad, sea que nieguen o afirmen algo, es decir que digan algo falso o verdadero respectivamente; a este caso de concordancia lo llama *forma lógica*, "2.18 Lo que cualquier figura, de cual fuese su forma, debe tener en común con la realidad para poder siquiera –verdadera o falsamente– figurarla es la forma lógica, esto es, la forma de la realidad. [...] 2.2 La figura tiene en común con lo figurado la forma lógica de la figuración" (Wittgenstein, 1922: 29,30). Por lo tanto, la figura representa lo figurado, independientemente de su verdad o falsedad, gracias a su forma de figuración.

2.5 Wittgenstein y su importancia para el conocimiento

La filosofía de Wittgenstein trasciende al empirismo, pues por medio de la construcción de figuras y pensamientos nos permite abordar temas que van más allá de lo experimentable, pero no más allá de lo comprobable mediante el análisis lógico, pues conociendo la forma lógica de la realidad, podemos crear modelos y teorías que reproduzcan, en cuanto a la forma, las relaciones de los objetos y los diversos casos en la realidad. La importancia de la teoría figurativa de Wittgenstein radica en la posibilidad de que, únicamente por medio del

análisis lógico y la determinación de formas de la forma lógica del mundo, seamos capaces de predecir el comportamiento de las cosas muy por encima de nuestros límites empíricos. Veámoslo con un ejemplo: la siguiente fórmula hace de figura que es capaz de determinar el tiempo que tarda en caer un objeto bajo prácticamente cualquier circunstancia.

t = tiempo

h = altura

g = gravedad

$$t = \sqrt{\frac{2h}{g}}$$

Es decir, la fórmula da cuenta del proceso necesario para calcular el tiempo que permanece en el aire un cuerpo (independientemente de su forma aerodinámica), si lo

soltamos desde una altura h en diferentes entornos; en primer lugar en el caso particular de la Tierra, y en segundo lugar en la Luna; cuyas fuerzas de atracción gravitatoria son desiguales.

La particularidad de la teoría epistemológica contenida en el *Tractatus* radica en que Wittgenstein considera al pensamiento como simbolismo, es decir una figura. Bajo este entendido, en palabras del autor, "3. La figura lógica de los hechos es el pensamiento" (Wittgenstein, 1922: 30), es decir, que pensar implica representarse la realidad

por medio de figuras lógicas, y siempre con orden lógico, pues para Wittgenstein "3.03. Nosotros no podemos pensar nada ilógico, porque de otro modo tendríamos que pensar ilógicamente" (Wittgenstein, 1922: 31). En suma, nuestros pensamientos son una representación cuya forma de figuración es lógica.

En la concepción de Wittgenstein, el pensamiento es un reflejo de la realidad. "3.001. <<Un estado de cosas es pensable>> significa: nosotros podemos figurárnoslo. ... 3.02. El pensamiento contiene la posibilidad del estado de cosas que él piensa. Lo que es pensable es también posible" (Wittgenstein, 1922: 30), pues si la forma de figuración es lógica, los elementos de la figura son capaces de representar los hechos; como lo es por ejemplo con un plano de una casa, una maqueta, o una partitura de una pieza musical, e incluso una ley física.

Para Wittgenstein, en un mundo lógico no se puede pensar nada que no pueda darse; bajo el mismo entendido, no pudiera siquiera decir lo que no puede existir porque si se pudiese decir tendría lógica, y por lo tanto sería pensable y, en consecuencia, existiría. Wittgenstein pone el siguiente ejemplo:

3.032 *Presentar en el lenguaje algo que «contradiga a la lógica» es tan imposible como presentar en geometría por sus coordenadas un dibujo que contradiga a las leyes del*

espacio o dar las coordenadas de un punto que no existe (Wittgenstein, 1922: 31).

Y a la inversa, si el mundo es de muchas formas posibles, por el mismo hecho de ser posibles tendría que ser un mundo lógico. Es decir, fuera de la lógica que hay en nuestros pensamientos, no podemos dar fe de que algo sea o no sea; y, si pudiéramos,

estaríamos incluyéndolo dentro de lo lógico, dentro de nuestro orden; el límite se encuentra dentro del lenguaje, cuando traemos algo al orden lógico es cuando lo nombramos. Y al igual que no hay un límite para lo que se puede pensar, tampoco hay algún límite, por lo menos conocido, en la realidad.

Bibliografía

1. Carnap, R. (2009). *La superación de la metafísica por medio del análisis lógico del lenguaje*. México: Universidad Autónoma de México.
2. Hadot, P. (2007). *Wittgenstein y los límites del lenguaje*. Valencia: Pre-textos.
3. Kenny, A. (1990). *El legado de Wittgenstein*. México: Siglo XXI.
4. Russell, B. (1971). *La Perspectiva Científica*. Barcelona: Ariel.
5. Russell, B. (2010). *The Philosophy of Logical Atomism*. Londres: Routledge.
6. Ryle, G. (2002). *The concept of mind*. Chicago: University of Chicago Press.
7. Tomasini, A. (2012). *Los atomismos lógicos de Russell y Wittgenstein*. México: UNAM.
8. Tomasini, A. (2011). *Explicando el Tractatus*. Buenos Aires: Grama.
9. Wittgenstein, L. (2003). *Investigaciones Filosóficas*. México: UNAM.
10. Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus Logico-Philosophicus*. Londres: Kegan Paul.
11. Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus logico-philosophicus*. Londres: Routledge and Kegan Paul, Ltd.

УДК 141.13

Фидель Веласко Гордильо

Мишель Фуко: дискурс по поводу «заботы о себе»

«Забота о себе» (*epimeleia*) – это принцип, который характеризует философское отношение к эллинистической и римской культуре, включавший в себя ряд технических приемов по выработке жизненного этоса субъекта и правил проявления заботы о себе, до того как начать выражать внимание по отношению к другим; и именно в этом, с точки зрения Фуко, состоит аскетический смысл античной «эпимелейи» и его несомненное значение для выявления отношения между субъектом и истиной Запада. Эта идея и составляет основу лекций, прочитанных им по *герменевтике субъекта*.

Ключевые слова: забота о себе, герменевтика, жизненный этос, эллинистическая культура

Фидель Веласко Гордильо,
аспирант Гуманитарного
факультета Автономного
Университета Штата Мехико

UDK 141.13

Fidel Velasco Gordillo

Michel Foucault: discourse about "the care of oneself"

The care of oneself' (*epimeleia*) is a principle that characterized the philosophic posture (attitude) in the Greek, helenistic and roman culture, it's a serie (or sequence) of techniques that develop an *ethos* of life to the subject, it pays attention to models for se occupy of oneself before of to care of the others and it has ascetic sense, Foucault shows the steps that the *epimeleia* has had in the Antiquity and his capital importance for track the relation between subject and true in Occident. This argument form part of a serie of compile conferences in the Hermeneutic of subject.

Keywords: care of oneself, hermeneutic, ethos of life, helenistic culture

Fidel Velasco Gordillo, post-graduate student of Humanitarian Faculty of Autonomous University of Mexico State

CDU 141.13

Fidel Velasco Gordillo

Michel Foucault: discurso sobre 'el cuidado de sí'

El cuidado de sí' (*epimeleia*) es un principio que caracteriza la actitud filosófica en la cultura helenística y romana, comprende una serie de técnicas que propiciaron un *ethos* de vida al sujeto, acoge modelos para ocuparse de sí mismo antes de cuidar de los otros y tiene sentido ascético, Foucault muestra los pasos que la *epimeleia* ha tenido en la Antigüedad y su capital importancia para rastrear la relación entre sujeto y verdad en Occidente. Este argumento forma parte de una serie de conferencias recopiladas en la *hermenéutica del sujeto*.

Palabras claves: el cuidado de sí, hermenéutica, ethos de vida, cultura helenística

Fidel Velasco Gordillo,
estudiante del Posgrado de la
Facultad de Humanidades de
la Universidad Autónoma del
Estado de México.

Marco problemático

Para Michel Foucault, el cuidado de sí fue el fruto de su desplazamiento conceptual e intelectual, el estudio sobre el sujeto fue simiente de novedosas especulaciones de orden histórico-epistemológico. En perspectiva su contexto de investigación inicial fue: observar un sujeto presionado y confrontado a instituciones clínicas, discursivas, penitenciarias que presionan y convierten al hombre en finito; estas disciplinas en conjunto crean el orden de un humanismo a ultranza y sustenta una de las conclusiones conocida como el surgimiento de las ciencias humanas.

En su periodo ético, el último, se distingue un Foucault que ha desplazado sus tópicos: de la problemática del poder a la reflexión sobre el placer y su sustancia ética del sujeto; de la producción de verdad a la erótica donde recrea una historia política del cuerpo. En este periodo, el autor da cuenta que la cuestión de fondo no es la sexualidad sino el deseo, de ahí su lenguaje sobrio, en las últimas conferencias en el Collage de France, donde aborda la filosofía helenística con sus prácticas de constitución de sí; técnicas de concentración espiritual, lectura, escritura, entre muchas y de cómo éstas, constituyeron novedosas subjetividades en relación con uno mismo a partir de una serie de ejercicios y prácticas personales que los filósofos de la antigüedad ejercieron de manera libre para que los ciudadanos la

practicaran ya como una preparación para la política, ya para fortalecer la personalidad del sujeto antiguo.

La *epimeleia*, en su amplio aspecto, enmarca un abanico ascético o es parte de una serie de prácticas específicas que acoge extensos modelos para velar por uno mismo antes de ocuparse de los otros y contiene el germen de constitución del sujeto antiguo en sus estadios éticos y racionales que posibilitan el acceso a la verdad, esta constitución del yo problemático en su fondo, es parte de la apuesta foucaultiana de abordar las relaciones entre sujeto y verdad sobre los discursos veraces que el sujeto pronuncia sobre sí mismo, acotándolo, no la del discurso en el cual pueda decirse la verdad sobre el sujeto, sino la del discurso de verdad que el sujeto está en condiciones y es capaz de decir sobre sí mismo, una serie de formas culturalmente reconocidas y tipificadas, como por ejemplo la confidencia, la confesión, el examen de conciencia (Foucault, 2010: 20). Esta vigente tarea que el autor contrasta en su momento con las ciencias humanas positivistas como la jurisprudencia y el psicoanálisis, apuntalan la confesión como estrategia punitiva, como discurso que el sujeto edifica sobre sí mismo y la verdad que proyecta sobre basamentos positivos. Así, el acceso a la verdad, para el sujeto en la Antigüedad, sólo se daba siempre y cuando el individuo se sometiera a una serie de regímenes exhaustivos que

modelarían y transformarían al sujeto. El sujeto no tiene derecho a la verdad, no se le da por un mero acto de conocimiento (Foucault, 2004: 33), es un proceso que abarca lo espiritual, el sujeto se efectúa modificaciones para tener acceso a la verdad.

Las formas de este proceso formulan una cultura del cuidado de sí, ya sea como ocuparse de sí, cuidarse de sí, preocuparse de sí mismo, inquietarse de sí. La *epimeleia* funda sujetos no sólo para la filosofía sino como señor de una casa, como consejero, como sujeto político. El marco en que la *epimeleia* se inserta es político (político o social) y en él el estilo de vida queda definido por el dominio, por la soberanía (Lanceros, 1996: 197), la preeminencia del estatuto del sujeto foucaultiano es el principio del cuidado que aparece con Alcibíades y suscita el cuestionamiento de la carencia de una pedagogía o *paideia* para la consecución de un ejercicio político. La genealogía interroga los principios morales y su gestación, el cómo se ha impuesto a partir de una creciente racionalidad que empuja al individuo a un resentimiento con la vida, a modo nietzscheano en *genealogía de la moral*: nosotros los que conocemos, somos desconocidos para nosotros mismos. Una de las posturas más férreas de Foucault es desgranar el trasfondo bio-político del presente y ver como la vida es una suerte de rehén para la búsqueda de un *ethos* individual.

El oficio genealógico foucaultiano es buscar la suerte política del sujeto y de su decantación para develar el principio histórico punitivo que plaga occidente, acceder a lo íntimamente ligado al hombre occidental que a causa de ello no lo vemos, de hacer visible lo que es visible por estar demasiado en la superficie de las cosas.

La indagación hermenéutica-genealógica toca las fibras morales de cada periodo o umbral epistemológico para aplicar las condiciones de posibilidad discursiva que cohabitan entre las ciencias positivistas. La genealogía que está aplicando Foucault es diagnosticar a la filosofía antigua, es una suerte de transvaloración de todos los valores a partir de la reformulación filosófica del cuidado de uno mismo y de su envés 'conócete a ti mismo'. Esta línea crítica de cuño filosófico que se afrenta con la historia es el móvil para seguir excavando, para dar cuenta de los archivos que aluden las condiciones de espiritualidad, para tener acceso a la verdad; es el fin de la filosofía antigua, importa más el proceso de llegar a la verdad que dar cuenta de ella, a partir de la sabiduría cotidiana.

Cuidado de sí

La *epimeleia* o cuidado de sí es la constitución del sujeto antiguo a partir del modo de actuar, el cual involucra vigilancia y cultivo introspectivo; un modo de enfrentar al mundo, a los otros, a uno mismo; en consecuencia, una actitud pero también una forma de mirar, una

vigilancia de lo que piensa y de lo que acontece en el interior del sujeto mismo. La *epimeleia* designa una serie de acciones donde el sujeto se modifica, se transfigura y se transforma a sí mismo. Es también una serie de prácticas como las técnicas de memorización del pasado, la meditación, las técnicas de examen de conciencia y de verificación de las representaciones, las cuales aparecieron en el siglo V a.C. hasta el IV y V d.C.

Por otro lado, los elementos del vocabulario que se desprende de la *epimelía* obedecen a su rasgo dinámico de mundo y de sus usos en diversas facetas. Foucault remarca este vocabulario como una forma de articular las formas de uso. En este apartado, el autor aclara que el precepto *epimeleisthai heautou* (ocuparse de sí mismo, tener inquietud de sí, preocuparse por sí mismo) se encuentra como una expresión canónica desde Platón hasta Gregorio de Nisa, en donde su uso como actividad de 'cuidado de sí mismo' parte como una necesidad central de la filosofía antigua. Mas advierte que, la *epimeleisthai* no sólo designa un estado de ánimo sino que también remite a toda una serie de palabras, entre ellas: *meletan*, *melete*, *meletai*, entre otras.

Foucault identifica cuatro familias de expresiones en torno a la palabra *epimelía*:

1. Como acto de conocimiento en la cual se relaciona con la atención, la mirada, la percepción que uno podría tener de sí mismo (*prosekhein ton*

noun): la de examinarse (hay que examinarse: *skepteon sauton*), volverse hacia sí (*convertere*), retrotraerse (movimiento global de la existencia), retirarse de sí mismo y descender a lo más profundo de sí mismo.

2. Las expresiones que se refieren a la actividad, a la actitud consistente en concentrarse en sí mismo: recogerse, establecerse, instalarse en sí mismo como un lugar de refugio, una ciudadela fortificada o fortaleza protegida.

3. Las que se relacionan con actividades, conductas particulares con respecto a sí mismo: hay que sanar, curarse, amputarse, abrir los propios abscesos (vocabulario médico), reivindicarse, hacer valer sus derechos sobre sí mismo, liberarse, emanciparse (vocabulario jurídico), hay que rendirse culto, honrarse, respetarse, tener vergüenza ante sí mismo (vocabulario tipo religioso).

4. Las que designan cierto tipo de relación permanente consigo mismo: ser dueño de sí mismo, complacerse consigo mismo, experimentar alegría consigo mismo, sentirse feliz de estar en presencia de sí mismo y autosatisfacerse.

Primero, la *epimeleia* imperó en la Grecia socrática y en segundo momento en la Roma imperial. El cuidado de sí en diversas fuentes filosóficas tendría diversas acepciones que aclaran la forma cómo lo contempló Foucault en sus tratados, principalmente *La hermenéutica del sujeto*: veamos los cuatro modos planteados por el autor:

En primer lugar, nos encontramos con que el concepto equivale a una actitud general, a un determinado modo de enfrentarse al mundo, a un determinado modo de comportarse, de establecer relaciones con los otros. La *epimeleia* implica todo esto, es una actitud, una actitud en relación con uno mismo, con los otros, y con el mundo. En segundo lugar, la *epimeleia heautou* es una determinada forma de atención, de mirada... la preocupación por uno mismo implica una forma de vigilancia sobre lo que uno piensa y sobre lo que acontece en el pensamiento. En tercer lugar la *epimeleia* designa también un determinado modo de actuar, una forma de comportarse que se ejerce sobre uno mismo, a través de la cual uno se hace cargo de sí mismo, se modifica, se transforma o se transfigura... La noción de *epimeleia* implica por último, un corpus que define una manera de ser, una actitud, formas de reflexión de un tipo determinado, de tal modo que, dadas sus características específicas, convierten a esta noción en un fenómeno de capital importancia, no sólo en la historia de las representaciones, sino también en la historia misma de la subjetividad, o si se prefiere, en la historia de las prácticas de la subjetividad (Foucault, 2004: 34-35).

Los cuatro modos del cuidado de sí o *epimeleia*, delimita las condiciones donde el sujeto se encuentra y se desplaza ante los demás y ante uno mismo, para Foucault los acontecimientos del sujeto ya como individuo o

colectividad entraña un política de desujeciones que lo tratará *in extenso* en cursos posteriormente dados y publicados después de su muerte.

Revisemos los momentos que refiere Foucault. En primer instante el cuidado de sí equivale a una actitud general planteada a través de un *ethos* político desde la esfera individual y colectiva, desde el planteamiento del mundo y sus circunstancias que el estoicismo problematiza y lo refiere constantemente, esta vigilancia que es el marco del cuidado de sí en las escuelas antiguas serán una constante para distinguir los diferentes niveles del cuidado del sí en la Antigüedad y en nuestro autor con determinados autores principalmente estoicos. En segundo instante Foucault delimita que la *epimeleia* corresponde a una vigilancia interior, de las representaciones del mundo del sujeto, estas prácticas estarían involucradas en una introspección constante donde se dirige la mirada al interior para indagar las condiciones de transformación a partir de prácticas que las escuelas post platónicas externaron en sus tradicionales frases y expresiones. En la última, la noción de *epimeleia* según Foucault, es el cuerpo esencial para la filosofía antigua, comprender que la filosofía de antaño sólo se da en condiciones de espiritualidad y ascetismo cotidiano, este punto es de capital importancia ya la propuesta del genealogista francés es indagar los modelos de

subjetividad vigentes en cada periodo histórico para dar diagnóstico de las discursividades en torno a ella y a las condiciones de poder que emergerían en respuesta al espectro subjetivo del sujeto epistémico.

También es importante subrayar que Foucault no desvincula los regímenes de la dietética que consisten en exponer el régimen general de la existencia del cuerpo, el alma y la económica cotidianos que enmarcan de manera global el cuidado de sí mismo en el ciudadano griego. Este régimen general visto como actividad social o deberes privados del padre de familia, del marido, del hijo, del propietario, del dueño de esclavos ya tratado con profundidad en el libro *Historia de la sexualidad* y visto en 'la inquietud de sí' de modo extenso,

Relación entre *gnothi seauton* y *epimeleia*

La *epimeleia heautou* y el *gnothi seauton* son para Foucault fórmulas fundadoras entre sujeto y verdad, (el espectro genealogista en sus indagaciones no dejan de lado la polémica entre estas dos acepciones que serán centrales para comprender la línea crítica que orquestará posteriormente). Para Foucault la acepción *gnothi seauton*: conócete a ti mismo, será para el mundo moderno una acepción o fórmula mal interpretada por la historia de la filosofía según Foucault, por lo tanto hay que entender la relación entre sujeto y verdad a partir de espectros conceptuales que involucran al cuidado de sí y el conócete a ti

mismo a partir de los diálogos platónicos en especial los acotados por el autor.

Gnothi seauton se presenta como una fórmula oracular que no estaría relacionado con el autoconocimiento propiamente sino a los rituales y cauciones, que a la postre será interpretado erróneamente por la historia de la filosofía como la fórmula emblemática del principio de autoconocimiento de occidente, Foucault interesado en aclarar las nociones de la Antigüedad, trata de explicar cómo dos nociones tan parecidas no están emparentadas y crearían a la postre un argumento cartesiano que marcaría en fin de la *epimeleia* e inicio de la filosofía no ocupadas en uno mismos sin intersección del sujeto. El *Gnothi seauton* relacionado con el rito de Apolo se ubica en la *Apología de Sócrates* donde éste no deja de exhortar a sus interlocutores a ocuparse de sí mismos, a no descansar para cuidarse con esta fórmula emblemática. La tergiversación de estos conceptos en la actualidad es para Foucault motivo para indagar las fuentes.

Foucault acota la interpretación de Roscher en el momento de la aparición y el rastreo del conócete a ti mismo. En cuanto al *Gnoti seauton*, significaría, siempre de acuerdo con Roscher: en el momento que vengas a hacer preguntas al oráculo, examina bien en ti mismo las que vas hacer, las que quieres hacer; y puesto que debes reducir al máximo la cantidad de tus preguntas y no plantear

demasiadas, presta atención en ti mismo a lo que necesitas saber (Foucault, 2004: 19).

El culto de Apolo requería no sólo acercarse con prudencia al oráculo sino también tener claro el imperativo en su forma de restricción normativa de deseo, es decir, suprimir la necesidad de saber cosas ociosas para con uno mismo. La segunda cita de Foucault en torno al *Gnothi seauton* es la interpretación de Defradas, en donde se alude que el *Gnothi seauton* no es ningún principio de autoconocimiento sobre el sujeto: Defradas propone otra interpretación, pero que también muestra, sugiere con claridad que *Gnothi Seauton* no es en absoluto un principio de autoconocimiento. Según este autor, esos tres preceptos delfícos serían imperativos generales de prudencia (Foucault, 2004:19). Dichos imperativos que irían conjuntamente con *gnothi seauton* son: nada en exceso y las cauciones. Las tres máximas forman un conjunto de buen comportamiento y no un principio de acceso para el autoconocimiento propiamente.

A partir del personaje de Sócrates se rastrea un uso más generalizado del conócete a ti mismo, así lo aclara Foucault: cualquier sea, en realidad, el sentido que se haya dado y atribuido en el culto de Apolo al precepto delfíco 'conócete a ti mismo' es un hecho, me parece, que cuando ese precepto delfíco, ese *gnothi seauton*, aparece en la filosofía, en el pensamiento filosófico, lo hace, como es bien sabido, alrededor

del personaje de Sócrates (Foucault, 2004: 19) La series de textos donde aparece el conócete a ti mismo están contenidas en la *Apología de Sócrates*, entre otros. En este diálogo se puede ver que la máxima socrática 'conócete a ti mismo' está estrechamente relacionada con la inquietud de sí, es el marco para entender literalmente la función del conócete a ti mismo.

Otro eje que externa Foucault en torno el *gnothi seauton* es su privilegio dentro de la historia de la filosofía actual y el olvido de la *epimeleia*. La primera hipótesis del autor consiste en las diferentes maneras y formas en que se puede expresar la inquietud de sí, ya que depende de la actividad específica en que se contextualiza: en efecto, podrán advertir que con el recorrido de los textos, de los diferentes formas de filosofía, las diferentes formas de ejercicios, de prácticas filosóficas o espirituales, pues bien, ese principio de la inquietud de sí se formuló, se acuñó en toda una serie de fórmulas como: 'ocuparse de sí mismo', 'cuidar de sí', 'retirarse hacia sí mismo', 'retrotraerse en sí mismo', 'complacerse en sí mismo', no buscar otra voluptuosidad que la que hay en uno mismo, permanecer en compañía de sí mismo, ser amigo de sí mismo, estar en sí mismo una fortaleza, cuidarse o rendirse culto, respetarse, etcétera (Foucault, 2004: 19).

Estas múltiples formas de exhortación hacia uno mismo

crean un marco amplio de confusión que se interpreta como una ruptura ética con los valores colectivos en general, en donde una especie de egoísmos propicia una moral individualista con tintes negativos en general para los valores de Occidente, es decir, que ocuparse de sí mismo tiene siempre un valor positivo y nunca negativo.

La moral antigua alienta un modo de vivir como búsqueda indefinida y exigente para el sujeto; estos preceptos, antes citados, crean una sombra que propicia una interpretación negativa para la historia de la filosofía y que eventualmente privilegió al *gnothi seauton*.

La normas de la *epimeleia* eventualmente con el transcurso del tiempo se reaclimatan a una ascética cristiana. Tal postura ataviada con un nuevo matiz amolda la interpretación negativa de la *epimeleia* que la historia de la filosofía dirige hacia una ética del no egoísmo: esas reglas austeras, que vamos a reencontrar idénticas en su estructura de código, pues bien, resulta que las reaclimatamos, las traspusimos, las trasferimos al interior de un contextos que es el de una ética general del no egoísmo, sea con la forma cristiana de una obligación de renunciar a sí mismo, sea con la forma 'moderna' de una obligación para con los otros, ya se trate del prójimo, la colectividad, la clase, la patria (Foucault, 2004: 32).

Los temas que fundaron la cultura occidental y que tan fuertemente marcaron la

obligación de ser dependientes de una cultura del no egoísmo se instauran a partir del cultivo de la *epimeleia*, esta paradoja origina que el concepto de *epimeleia* se olvide paulatinamente con el transcurso del tiempo, la evolución propicia que la inquietud de sí se desplace a un nuevo campo social donde el principio vital de ocuparse de sí, se olvidó y sólo se preserva la ascética como tal, es decir que los imperativos del cuidado de sí, sólo están presentes como un medio de vigilancia hacia uno mismo con respecto a los demás, esta renuncia de sí mismo a expensas de una preocupación hacia los otros articuló una nueva forma de sujeción de identidad en la cual se crea una subjetividad con principios ascéticos cristianos.

Otro punto que permite ver como el *gnothi seauton* interactúa con la historia de la *epimeleia* es a partir a lo relativo con el problema de la verdad como hecho a través de la historia de la filosofía. El momento cartesiano, como lo nombra Foucault, involucra el tema del autoconocimiento donde se recalifica al *gnothi seauton* y por tanto la descalificación de la *epimeleia heautou*. El momento cartesiano borra el fundamento de la *epimeleia* como una actitud filosófica y da paso al problema del autoconocimiento. Ocuparse de sí mismo como autoconocimiento evidencia a un sujeto dubitativo y da a la razón un principio que a la larga se afirma.

El primer momento de la *epimeleia*

En la indagación filosófica, Foucault busca recuperar el archivo que contenga los inicios particulares que propiciaron la relación entre sujeto y verdad, como lo explica al inicio de su curso en el ciclo lectivo de 1982, para esto, al empezar su curso, anuncia que su problemática a seguir es la relación entre sujeto y verdad, para ello tendrá como punto de partida la noción 'inquietud de sí', la cual es utilizada por Foucault de manera indistinta, en ocasiones para expresar el concepto complejo del 'cuidado de sí' traducción de la *epimeleia heautou* (*ἐπιμελείας ἑαυτῆς*), o 'cuidado de sí', 'inquietud de sí', 'ocuparse de sí', 'preocuparse por sí mismo', entre otras, es una acepción que se caracteriza como una disciplina ascética antigua que revela la importancia ontológica y epistémica de la verdad que trasciende en la persona.

El primer periodo de la *epimeleia* se observa en el momento socrático. En el diálogo del Alcibiades se desarrolla notoriamente el tema a partir de los consejos que proporciona Sócrates al joven Alcibiades, quien tiene un estatus privilegiado en Atenas, también es importante resaltar que los consejos e imperativos que se desprenden no son ideados por Sócrates, sino que tiene una larga tradición en la cultura griega, en la que aparece como una vieja sentencia lacedemonia ligado al privilegio político. Así, Foucault retrata el diálogo del Alcibiades

como una exhortación a usar el privilegio político como una transformación del sujeto a partir de un modelo de cuidado de uno mismo, para esto es necesario saber lo que es uno ante los oponentes políticos, saberse en desventaja es lo que recomienda Sócrates para empezar a gobernarse uno mismo. La edad crítica de Alcibiades, que forma parte a lo que podríamos llamar inmadurez se fundamenta en tomarse a sí mismo como objetos de desvelos, Sócrates inculca a los jóvenes a cuidarse de sí mismos porque están en la edad justo para ello no puede gobernar a los otros, no se les puede gobernar bien, no es posible transformar los propios privilegios en acción política sobre los otros, en acción racional, si no se han preocupado por sí mismos. Inquietud de sí: entre privilegio y acción política, he aquí entonces el punto de emergencia de la noción (Foucault, 2004: 51), Sócrates es maestro de la inquietud de sí al tratar de transformar al joven Alcibiades, al proponer la necesidad del cuidado de sí mismo para ejercer el poder.

En la Grecia helénica, cuando halla el concepto 'cuidado de sí', ahí donde la problemática está en el diálogo (de dudosa autenticidad) *Alcibiades*, la presencia de temas centrales para rastrear el cuidado de sí, lo representa Sócrates y su interpelación al joven Alcibiades para que se ocupe de sí mismo antes de aspirar un puesto político así dentro del marco de

tópicos marcados por el Alcibíades se puede mencionar: la erótica, la pedagogía y el gobierno.

Sócrates es el maestro de la inquietud de sí y trata de transformar a un joven con privilegios políticos a cuidar de sí para poder aspirar a gobernar a otros, esto es de suma importancia ya que el gobierno bajo la concepción dialógica de Platón, la cual será de un gobierno de sí mismos y mostrar el déficit pedagógico para formar aristócratas que gobiernen de buen modo. El privilegio político será el subsuelo para que surja la *epimeleia heautou*: En primer lugar, como ven, la necesidad de preocuparse por sí mismo ligado al ejercicio del poder... En segundo lugar, podrán ver, que esta noción de la inquietud de sí, ligada a la insuficiencia de la educación de Alcibíades... la necesidad de la inquietud de sí, por tanto, se inscribe no sólo dentro del proyecto político sino dentro del déficit pedagógico. En tercer lugar, como ven, se dice que si Alcibíades tuviera cincuenta años, sería demasiado tarde para reparar las cosas. No es esa la edad de ocuparse de sí mismo. Hay que aprender a hacerlo cuando uno está en la edad crítica en que sale de las manos de los pedagogos y va entrar en el periodo de la actividad política. Cuarto y último, se darán cuenta de que la necesidad de ocuparse de sí se destaca como una urgencia en el texto no en el momento en que Alcibíades formula sus proyectos

políticos sino cuando advierte que ignora (Foucault, 2004: 51-52).

El estatuto del joven Alcibíades carece de estas cuatro formulaciones socráticas que manifiestan una necesidad de preocupación de sí mismo, el centro de este diálogo remite a una serie de formulaciones antiguas en donde todavía no se observa una sistematización de la *epimeleia* en sí, pero nos muestra como en el centro de la vida filosófica griega existe una preocupación de la formación de jóvenes en el uso del poder, a partir de prácticas destinadas al contexto que les toca desarrollarse. Ocuparse de uno mismo no sólo forma parte de una condición para acceder a la vida filosófica, sino que también se convierte, a la larga, en una forma de existencia ligada a la racionalidad moral entendida ésta como una forma de acceso a la vida bajo imperativos morales soberanos como dice Foucault: Como voy intentar demostrar, este principio en términos generales es el principio básico de cualquier conducta racional, de cualquiera forma de vida activa que aspire a estar regida por el principio de la racionalidad moral (Foucault, 2005: 34). El acceso a la verdad en el sujeto antiguo necesita de prácticas y hábitos destinados a la transformación del sujeto a partir de cuestionamientos personales. El perfeccionamiento de este tipo de templanza propicia todo un fenómeno cultural del cuidado de uno mismo, y como lo señala

Foucault, forma parte de un tipo de constitución del sujeto a través de siglos posteriores hasta el advenimiento de la filosofía moderna. Con el diálogo del

Alcibíades se puede decir que se inaugura una larga tradición de la *epimeleia*, en la cual está presente la reflexión propiamente socrático-platónica.

Bibliografía

1. Foucault, M., (2004) *Hermenéutica del sujeto*, FCE, México.
2. Lanceros, P., (1996) *Avatares del hombre*, Universidad de Deusto, Bilbao.
3. Foucault, M., (2010) *El coraje de la verdad*, FCE, México.

УДК 141.13

Мануэль Теофило Андраде Лобако

Сноведение и религия: антропологический анализ

В данной работе демонстрируется связь между сновидениями и религиозным феноменом, в социальном контекст сновидца. Объясняется целесообразность и польза, которую можно извлечь из анализа сновидений для социальных наук с помощью теоретического обзора онирического опыта различными течениями мысли и прежде всего с антропологического подхода. Аналогичным образом оценивается религия, исходя из этих позиций. Опираясь на последние данные и на собственные изыскания, автор показывает ту пользу, которую можно извлечь из повествования сновидений для исследования антропологии религии в качестве методологического инструмента.

Ключевые слова: религия, сновидения, социальный контекст, онирический опыт, антропология снов антропология религии

Мануэль Теофило Андраде Лобако – студент
Национальной Школы Антропологии и Истории

UDK 141.13

Manuel Teófilo Andrade Lobaco

Dreams and religion from an anthropological analyze

In this work a relation between drams and the religious phenomenon is shown, related to the social context of the dreaming agent. The pertinence and utility of the dreams for the social sciences are explained through a theoretical journey, in which different approaches to the oneiric experience by different postures are shown, making emphasis on the anthropological once. On the same note, it is exposed how this different postures have understood and worked the religion aspects. By using more contemporary works, and an own investigation in specific, it is shown the utility that the dreaming narrations of our interlocutors may have for the religion anthropologic research, proposing them as a methodologic tool.

Keywords: religion, dreams, social context, oneiric experience, anthropology of dreams, anthropology of religion

Manuel Teófilo Andrade Lobaco is Student of National School of Antropology and History

CDU 141.13

Manuel Teófilo Andrade Lobaco

Sueños y religión desde el análisis antropológico

En este trabajo se muestra una relación entre los sueños y el fenómeno religioso ligado al contexto social del agente soñador. Se explica la pertinencia y utilidad que pueden tener los sueños para las ciencias sociales mediante un recorrido teórico en el que se muestra cómo han sido abordadas las experiencias oníricas por distintas corrientes, en especial antropológicas. De igual forma se expone cómo ha sido abordada la religión por estas diferentes posturas. Mediante ejemplos más contemporáneos y un caso en específico de una investigación propia, se muestra la utilidad que pueden tener las narraciones de los sueños de nuestros interlocutores para la investigación de la antropología de la religión, proponiéndolos como una herramienta metodológica.

Palabras clave: religión, sueños, contextos sociales, experiencia onírica, antropología de los sueños, antropología de la religión

Manuel Teófilo Andrade Lobaco es Pasante de la
Escuela Nacional de Antropología e Historia

La Antropología de los Sueños es un enfoque que tanto en la Antropología como en la Sociología está lejos de ser uniforme. Muchos podrían continuar preguntándose qué tan pertinente es hablar sobre los sueños en las Ciencias Sociales, o más aún, qué tan pertinente es hablar de los sueños desde la Antropología de la Religión. Pero si se plantea con concepciones simples podríamos comenzar considerando lo siguiente: no sueña lo mismo un joven universitario de la Ciudad de México, que un joven campesino de la Sierra Norte de Puebla. Más aún, el contenido de los sueños de un joven que pertenece a una familia católica tradicional varía a los de un joven que es un común asistente a una iglesia evangélica pentecostal. Si bien es cierto que los sueños son subjetivos y están relacionados con las experiencias personales del soñador, estas experiencias están incrustadas en sus contextos sociales. Es por eso el interés que han tenido las diferentes disciplinas sociales con las experiencias oníricas, y a través del presente trabajo intentaré mostrar su relación con la religión desde una postura antropológica.

Para esto se comenzará con un breve recorrido en la historia de las teorías sociales y antropológicas que han analizado a los sueños y a la religión; esto servirá como introducción a la relación entre algo tan individual como son los sueños con las ciencias sociales. Después se mostrarán ejemplos

de trabajos más recientes en los que se ha utilizado a los sueños en investigaciones sociales, de los cuales iré señalando los aspectos que me parecen más útiles para retomar. Con estos elementos se expondrá un ejemplo propio sobre el uso de las narraciones de los sueños en la etnografía y terminaré mostrando metodologías más complejas.

Historia teórica

Han sido diferentes las propuestas para utilizar los sueños como herramienta en el análisis antropológico, o para analizar a los mismos fenómenos oníricos desde una perspectiva sociocultural. Lo que en principio puede quedarnos claro es que el contenido de los sueños tiene una gran carga simbólica, y como tal tienen una significación común, socialmente compartida. Esto queda especialmente claro si entendemos a la cultura como la plantea Clifford Geertz, es decir, como un sistema en interacción de signos interpretables, compartidos socialmente [Geertz: 2003]. Con esto quiero decir que los sueños son experiencias subjetivas que se nutren e inspiran del contexto sociocultural del soñador y ese es nuestro interés como investigadores sociales. Otro aspecto en el que acuerdan diferentes autores es que la religión y los sueños están íntimamente relacionados. Desde diferentes corrientes y posturas teóricas, la relación entre la religión y los sueños varía dependiendo de la perspectiva e importancia que le dan a estos fenómenos. Así mediante este trabajo se propone que la

narración de los sueños de nuestros interlocutores (mediante distintas metodologías sociales) puede ser muy útil para el análisis antropológico de un fenómeno religioso. Esto tras hacer un breve recorrido teórico sobre los sueños en las ciencias sociales y para analizar la relación entre las experiencias oníricas y las creencias espirituales del soñador.

Considero el texto "*Los sueños como instrumentos etnográficos*", del antropólogo Marco Tobón, como principal herramienta para esta propuesta y para la narración de los distintos acercamientos teóricos. En su trabajo, Tobón muestra diferentes posturas del manejo de los sueños, realizadas por científicos sociales y, en especial, por antropólogos. El texto tiene como argumento central la hipótesis de que al observar los sueños y compartirlos con las personas con las que trabajamos se pueden construir herramientas útiles para la práctica etnográfica: idea con la que concuerdo completamente. Tobón nos muestra que al principio de la antropología como la disciplina social que hoy conocemos (es decir, con la teoría evolucionista como preponderante), los sueños eran tratados desde una perspectiva peyorativa y racista. Los antropólogos de aquel entonces consideraban que la importancia que las sociedades le pudieran dar a los sueños era algo típico de la cosmovisión primitiva, rezagos de la mentalidad mágico religiosa. Desde aquí podemos ver cómo las experiencias oníricas se relacionan con la cosmovisión

espiritual de las sociedades tradicionales, lo cual no está muy lejos de nuestro interés para el estudio del fenómeno religioso.

No muy lejos de esta época en la que la visión evolucionista reinaba, Emile Durkheim retomaba elementos positivistas para tener una perspectiva similar en el campo de la religión. Para él la religión "es una representación de la sociedad idealizada, un deber ser con el cual se estructura una visión del mundo, que da pautas morales necesarias para alcanzar la cohesión y la reintegración social en sociedades tradicionales con un grado de diferenciación bajo. [Durkheim, 1996: 109. cursiva mía]. Es recalable observar que para él la religión cohesionaba a un grupo mediante una moralidad colectiva. Claro que esto lo plantea en sociedades tradicionales y que en las sociedades modernas existen otras formas de cohesión y de control de la moralidad. Esta perspectiva de la moral abarcadora y relacionada con la religión es lo que me interesa retomar en cuanto a los sueños.

Tobón, en su narración histórica, nos explica que fue Freud y la importancia que le dio a los sueños, lo que llevó a que las experiencias oníricas se trataran con más seriedad mediante su empleo en el psicoanálisis y como ventanas a las represiones del inconsciente; tesis que fueron apoyadas o refutadas por los investigadores sociales, pero que permitió una apertura a estos temas y generó una diversidad de enfoques. También para Freud la religión es

una ilusión que surge de procesos inconscientes primarios; para él la religión es un paliativo utilizado ante las miserias del ser humano. Es decir, la religión forma parte de este inconsciente, básico y primario, y que se escapa en los sueños.

En la antropología, el relativismo cultural permitió que se estudiaran los sueños en diferentes contextos sociales con menos prejuicios que los de los evolucionistas. Otros estudios clásicos como los de Malinowski muestran que los sueños no sólo muestran deseos, también ponen en descubrimiento la actividad mental como un todo. Es decir, son espacios donde se expresa la energía psíquica, solución de problemas, estímulos creativos, autoconocimiento, adaptación, aprendizaje, neutralización del estrés, afianzamiento de la memoria, etc. Es importante recordar que, como exponente del funcionalismo, Malinowski ve a la religión (y a la magia) con utilidades específicas que sirven para dar orden a una sociedad – entre otras funciones, como solución al miedo y a la incertidumbre-. Con esos dos planteamientos sobre los sueños y la religión, infiero que para él, los sueños también tienen como función desbordar la actividad mental del ser humano como un ente social. Y es que, si soñamos y si tenemos un pensamiento religioso, es porque pertenecemos a una sociedad y a un sistema específico cuyas instituciones y estructuras sociales nos brindan valores y normas (a través de nuestras experiencias

individuales) que nos inspiran para este desborde de actividad mental.

A partir de esta primera aproximación, Tobón nos ejemplifica, mediante distintos trabajos antropológicos más contemporáneos, cómo la antropología verifica que los sueños son estímulos creativos de los contenidos mitológicos, caminos de autoconocimiento, aprendizaje y comprensión de una realidad social compartida; y que los contenidos de los sueños participan de los procesos de representación de la realidad, producción de imágenes y sentidos mediante los cuales habitamos y vivimos el mundo. En resumen, que la materia prima de los sueños, es decir, los símbolos utilizados, son experiencias vividas y aprehendidas en sociedad y que a la vez sirven para la reproducción de esta. Aquí yo añadiría que la religión suscita experiencias clave que se mezclan con el inconsciente y (siguiendo a Freud) se asoman en estos sueños. Tobón utiliza estos ejemplos y estas afirmaciones para sustentar su propuesta de utilizar a los sueños como herramienta de conocimiento etnográfico. El autor deja detrás la idea de ver la importancia que una sociedad le da a sus sueños como algo pre-moderno, pues los sueños tienen mucho que decir sobre su sociedad –sea la sociedad que sea-, y además de cómo los individuos se relacionan con ella; ya que son los individuos los que la componen. De igual forma sabemos que la religión no está rezagada a ser un

pensamiento primitivo. Por eso, siguiendo los planteamientos de Tobón, me propongo a mostrar la especial utilidad de utilizar los sueños en la antropología de la religión.

Ejemplos de etnografías.

Quizá uno de los trabajos sociológicos más conocidos sobre los sueños es "*El banco de los sueños. Ensayo antropológico del soñador contemporáneo*", escrito por los Duvignaud y Jean-Pierre Corveu en 1979. Este fue una de las primeras investigaciones sociales dedicadas específicamente a los sueños, en este caso a las narraciones de las experiencias oníricas de una gran variedad de entrevistados. Este estudio no pretendía hacer una interpretación de los sueños, sino encontrar regularidades según ciertas clasificaciones socio-culturales. Mediante esta clasificación, se propusieron responder a las preguntas de: ¿qué busca la sociedad en el sueño? y ¿cuál es su intencionalidad?, lo cual nos recuerda a la postura funcionalista de Malinowski. En este trabajo, los autores clasifican los sueños según diferentes grupos sociales de su Francia contemporánea: campesinos, obreros, funcionarios, empleados, comerciantes, intelectuales y "soñadores atópicos". Estos últimos se encontraban en diferentes grupos de sus clasificaciones, y en las narraciones de sus sueños mostraban "desocializarse" en sus experiencias oníricas, soñando con mundos y fantasías que van más allá de su contexto social.

Este trabajo nos ilustra cómo los contenidos de los sueños varían tanto por el contexto social, como por la experiencia individual y su actividad mental.

Los Duvignaud y Corveu dividieron los tipos de sueños en dos: los representativos y los interpretativos. En los primeros, las imágenes y escenas del soñador están íntimamente relacionadas e inspiradas con su realidad personal inmediata. Este tipo de sueños generalmente los tienen los empleados, funcionarios y obreros. En los segundos, las imágenes oníricas no están tan relacionadas con la realidad del soñador, aun que están cargadas de contenido simbólico religioso. Las personas que suelen tener este tipo de sueños son los campesinos y por supuesto los soñadores atópicos, quienes llevan más allá esta creación de imágenes fantásticas. Es interesante que los autores señalan que los soñadores interpretativos están más conectados con la naturaleza, con la tradición oral y con la religión, por ejemplo con mitos, leyendas y fábulas provinciales. Según ellos es lo que nos lleva a tener sueños tan simbólicamente cargados.

De este libro rescato el término de "vivencia social", el cual incluye la percepción común e individual, la memoria colectiva y personal, y lo imaginario; es decir, las formas interiorizadas de la cultura que se van conformando con la normalidad y cotidianidad de las personas. La sociedad está en el hombre, así como el hombre está en la sociedad, lo cual nos permite comprender

que aunque los sueños sean ficciones, su material está relacionado con la sociedad del soñador y si éste forma parte del sistema religioso de nuestro interés, su material también tendría algo que decirnos sobre este sistema.

Representaciones sociales.

Esto me lleva inevitablemente a pensar justo en la interiorización de la cultura, entendiéndola como la cultura actuada y vivida desde el punto de vista de los actores y de sus prácticas. Es decir, la manera en la que nuestra cultura y nuestra experiencia nos van conformando, permitiéndonos actuar y conocer de ciertas maneras. Dos de los ejemplos más conocidos en las ciencias sociales es el del *habitus*, estudiado por Pierre Bourdieu, y el de las representaciones sociales, propuestas originalmente por Sergei Moscovici.

Me parece que las representaciones sociales nos son en especial útiles para utilizar los sueños como medios de acceso a la cultura y contenidos simbólicos religiosos de nuestros relatores oníricos. Las representaciones sociales son construcciones socio-cognitivas en donde se representa a la realidad. Es decir que la realidad es apropiada por el individuo o el grupo, y reconstruida en su sistema cognitivo (Abric, 2001: 11-32). Así la realidad es integrada en sus sistemas de valores que dependen de su contexto social, ideológico y por supuesto religioso. Por ejemplo, cuando nos integramos a un sistema religioso específico, digamos con

los testigos de Jehová, viniendo de una familia católica tradicional, nuestras representaciones sociales se modifican puesto que nuestras creencias, valores y cosmovisión sagrada cambian, por lo que vemos la realidad—la conocemos y la expresamos— de distinta forma que cuando estábamos insertados en la cosmovisión católica. Es por esto que poder dialogar y así analizar los sueños con contenido religioso de nuestros informantes puede ser una vía de acceso hacia sus representaciones sociales. Sobre todo, ayudaría para conocer algunas características de su sistema de valores y su sistema religioso, los cuales hacen que el individuo escenifique de cierta forma sus sueños.

Sueños con contenido religioso

Así como los Duvignaud proponen buscar la funcionalidad de los sueños al preguntarse qué busca la sociedad a través de ellos, Radcliffe-Brown propone preguntarnos qué busca la sociedad a través de la religión, lo cual me recuerda al planteamiento de Durkheim o del mismo Malinowski. Si seguimos esta postura, también se puede plantear cuál es la función de los sueños con elementos religiosos. Retomando las propuestas del psicoanálisis, se puede responder que los sueños con elementos religiosos muestran una necesidad espiritual en el inconsciente del soñador; es decir, una necesidad de conexión con lo trascendental. Como partidario

de la Antropología de la Experiencia concuerdo con la idea de la experiencia religiosa propuesta por teóricos como William James o Rudolf Otto, quienes prestan mayor atención a la experiencia individual de la persona con relación a lo religioso y a lo trascendente. Estas posturas pueden ser criticadas de subjetivas y alejadas de nuestro enfoque social; sin embargo, lo que quiero mostrar es que todos los humanos tenemos ciertas necesidades espirituales, retomando el término de *homo religiosus* desarrollado por Julian Ries en su Introducción al cuarto volumen de "Tratado de la antropología de lo religioso" (Ries, 2001:11-15), cuya propuesta es que el ser humano tiene una necesidad de desarrollar una religión y espiritualidad. Esta necesidad la desarrolla el individuo según el contexto simbólico religioso en el cual se ha adherido. Es por eso que analizar los contenidos simbólicos que "se asoman" en los sueños nos puede ser de gran utilidad para analizar ciertos fenómenos religiosos desde una perspectiva especial. La narración de los sueños nos permite conocer a cierto sistema religioso desde la perspectiva del actor que pertenece a esta y que sueña más allá de la descripción de su liturgia, rituales o estructura institucional; esto es, a través de la valorización que el practicante le da a ese sistema religioso, el cual se ve expuesto de una forma singular en la experiencia onírica (la cual puede diferir de lo que nuestros informantes nos digan en

una entrevista normal).

¿Cómo utilizar los sueños en el trabajo etnográfico?

Ahora surge una duda: ¿Cómo analizar la valorización que el soñador le da a cierto sistema religioso mediante el análisis de sus sueños?, ¿cómo éstos nos pueden ayudar en una investigación antropológica? Para esto considero importante la investigación de Barbara Tedlock titulada "The Poetics and Spirituality of Dreamings: A Native American Enactive Theory" (2004) expuesta por Marco Tobón. Ella propone "la teoría en activa del soñar" que consiste en expresar y dialogar los sueños con y entre los informantes. Utiliza la palabra "enactiva" del inglés *enact* que se refiere al conocimiento adquirido en el desarrollo mismo de una acción o experiencia. Al dialogar sobre los sueños en donde hay presencia de elementos religiosos y espirituales, podemos descubrir la postura y visión que nuestros interlocutores tienen con respecto a su religión y su relación con ésta; así como sus opiniones positivas o negativas sobre el sistema religioso estudiado. En este diálogo considero útil que nosotros, los investigadores, exponamos al soñador lo que entendemos sobre su sueño y cómo se podría relacionar con ciertos aspectos de la religión de nuestro interés de investigación. De esta forma se puede llegar a que nuestro interlocutor reflexione también sobre estos análisis, o que nos corrija diciéndonos que entendimos todo mal o que

queremos construir castillos sobre nubes. Efectivamente esto podría ser muy riesgoso y es por esto que propongo con tanto énfasis el diálogo, el intercambio de ideas con nuestros interlocutores. Para esto podría ser útil intentar borrar las barreras jerárquicas de informante-investigador al uno mismo platicar sobre nuestros sueños y pedir opiniones de análisis.

He platicado sobre los sueños en mi trabajo de campo para la investigación de mi proyecto de tesis de Antropología Social sobre una iglesia evangélica incluyente en la Ciudad de México. Esta iglesia está enfocada a las personas de la diversidad sexual y reivindica la homosexualidad bajo el cristianismo. La forma en la que he procedido es que en pláticas informales les he preguntado sobre sus sueños, de igual forma yo he platicado algunos de mis sueños (intentando relacionarlos con la iglesia), llevando la conversación a una discusión sobre nuestros sueños. Con estos ejercicios, hemos podido averiguar qué tipo de imagen tienen de Dios y su mandato, relacionándolo así con su adherencia a esta iglesia cristiana que reivindica a la comunidad LGBTTTI. Por ejemplo he podido observar que muchos experimentan en sus sueños la imagen de un Dios protector, amoroso y sobre todo brindador de consejos para tomar decisiones.

Hacer un análisis profundo sobre los sueños desde una perspectiva social me parece muy riesgoso, sobre todo si contamos con pocas

herramientas metodológicas; además se podría caer en el psicoanálisis más allá de la antropología o el aspecto social de nuestro interés. Sin embargo, existen investigaciones más aventuradas; tal es el caso de "Hacia una sociología de los sueños: El imaginario sociocultural a través del sueño en jóvenes universitarios", escrito por el Dr. Ozziel Nájera Espinosa como resultado de su proyecto de titulación de doctorado, el cual da otra propuesta metodológica. En este trabajo se entrevistaron a diferentes alumnos universitarios de la Facultad de Ciencias Políticas y Sociales de la UNAM, y a estudiantes de la licenciatura de Comunicación de la Universidad Iberoamericana. La propuesta del Doctor Nájera es aventurada en cuanto a que dice que los sueños pueden ser interpretados como un elemento cultural, pues además de que se ve reflejada la vida individual, ésta retoma elementos que son extraídos de una realidad colectiva (Nájera, 2006). Son muy interesantes los conceptos que utiliza para su estudio de los sueños: retoma el término del inconsciente del psicoanálisis (considerando necesario tener conocimiento en esta disciplina para ayudarse de sus herramientas y realizar análisis culturales de los sueños) llevándolo al inconsciente colectivo o cultural. Nos habla también del valor cultural de los sueños, dividiéndolo en dos instancias: por una parte la cultura, costumbres y tradiciones de la sociedad; y, por otra, la

idea de que el sueño individual posee un influjo, creación y continuidad de esa cultura (postura similar a la de Malinowski para quien una de las funciones de los sueños es la reproducción de la cultura). Retoma la idea de lo imaginario, al igual que los Duvignaud, entendiéndolo como el conjunto y relaciones de imágenes que constituye el capital pensante del homo sapiens, al cual por supuesto se añade el capital simbólico religioso. Su estudio reveló que en las narraciones de los sueños de los jóvenes universitarios se ve plasmada su percepción de la realidad, su inconsciente a nivel cultural, así como las represiones e inseguridades [Ozziel, 2016]. Sería muy interesante analizar cómo los practicantes de cierta religión muestran en sus sueños ciertos sentimientos negativos ligándolos a elementos religiosos, como represión o miedo, presentes en sus sueños.

Esto es interesante pues ciertamente la religión se relaciona con las emociones. Por ejemplo, para Otto el numen (la característica de santidad) es lo que se experimenta en el presente con lo que él llama sentimiento religioso. Un sentimiento de algo superior que causa misterio, miedo y dependencia. Regresando a la cuestión del miedo, Benedict Spinoza dice que los hombres no serían supersticiosos "Si pudieran controlar todas las situaciones que se encuentran por medio de reglas fijas o si la fortuna les fuese siempre favorable; pero, como frecuentemente se ven en apuros

y las reglas no funcionan o fluctúan miserablemente entre la esperanza y el miedo...suelen ser, en su mayor parte, muy propensos a la credulidad... El miedo, pues, engendra, preserva y favorece la superstición" (Spinoza, 1951: 177). Obviamente la religión también genera sentimientos de placer, alegría, satisfacción y pertenencia. El punto al que quiero llegar es que al ser la religión una fuerte fuente de experiencias emocionales y sentimentales, éstas pueden ser fuente a su vez de sueños que nos pueden narrar nuestros interlocutores.

Justo esto es algo que me pareció esencial en el trabajo del doctor Ozziel, y es que diferencia entre sueño y relato onírico. El sueño es el fenómeno biológico del sistema nervioso central que nos permite experimentar estos viajes mientras dormimos. El relato onírico es la narración que las personas dan sobre sus sueños, entendiendo que es difícil recordar todos los elementos de éste. A sus informantes universitarios se les dieron técnicas que practicaron para recordar mejor los sueños y narrarlos en grupos de discusión, recordándonos a la metodología propuesta por Marco Tobón.

La metodología que nos propone para analizar los sueños desde una perspectiva social comienza por organizar conceptualmente la información recibida en tres ítems. Por una parte la búsqueda de sentido, es decir, qué tanto la gente toma en cuenta sus sueños para tomar decisiones. Por otro lado, la trama

del sueño, la cual está normalmente en relación con la vida cotidiana como elementos sociales, religiosos y familiares de cada sujeto. Por último, las imágenes de los sueños, nos dice que se deben de interpretar las imágenes narradas y dividir las en categorías de análisis. Si siguiéramos esta propuesta, tendríamos que crear categorías de imágenes con contenido religioso o espiritualmente trascendental.

Una vez que se ha hecho esta organización de la información, se puede realizar una interpretación social del sueño enfocándonos en el contexto social e histórico, el simbolismo (símbolos, mitos), elementos de la vida despierta, el pasado del sujeto, etcétera. En fin, buscar a través de los sueños los rincones de la cultura para encontrar los elementos que puedan unirse a las estructuras temáticas y reunirse en grupos significativos. Si bien es una propuesta un tanto compleja, bien podría ayudarnos a escharbar en los sistemas religiosos estudiados al descubrir la forma de valorizar elementos religiosos que tienen sus soñadores.

Esta propuesta me recuerda bastante a la planteada por el sociólogo John B. Thompson [ver Giménez 2005: 145-147] quien estudia el impacto de los medios de comunicación en la cultura de masa, y nos propone un esquema de análisis de la cultura. Primero se realiza un pre análisis, que sería el trabajo de campo y la recolección de datos; después se realiza una fase de análisis

histórico-social, es decir, del contexto social en el que se está dando este fenómeno (en este caso los sueños con contenido religioso); después un segundo análisis formal, en el que se analiza la estructura interna de estas formas simbólicas religiosas (imágenes, símbolos, escenarios, etc.); y finalmente una tercera fase de interpretación y de reinterpretación. Thompson nos explica que las formas simbólicas forman parte de un ámbito pre interpretado, es decir de la interpretación que le da el actor social. Es por eso que el investigador debe de analizar esta interpretación que el actor nos relata. Esto es especialmente importante en el trabajo con los sueños, recordando que los relatos oníricos que nos dan nuestros informantes son su interpretación de lo que realmente soñaron y de los símbolos e imágenes presentes en su sueño. Es por esto que acuerdo con el Doctor Nájera en que para analizar los sueños desde una perspectiva social y antropológica, también es necesario tener conocimiento de teorías del psicoanálisis, del inconsciente y del inconsciente colectivo, por lo que acepto su complejidad.

Conclusiones.

Es claro que el pensamiento religioso no es un rezago del pensamiento primitivo, anterior al desarrollo de la ciencia. Mientras un ser humano siga teniendo necesidades religiosas y se siga desarrollando en una sociedad que le brinde materia prima (simbólica), seguirá teniendo experiencias religiosas y por

supuesto que seguirá soñando. Es por eso que mediante este trabajo he intentado mostrar la clara relación que existe entre los sueños y el contexto social y religioso en el que son soñados. Mostrando estos diferentes ejemplos de cómo han sido abordados los sueños en investigaciones sociales, preten-

do ejemplificar la viabilidad de utilizar las narraciones oníricas de nuestros interlocutores como fuente para el análisis antropológico de los rincones más oscuros de los sistemas religiosos que estamos investigando y de la cultura del informante que tiene estas experiencias que lo acercan con

Bibliografía

1. Abric, Jean-Claude. 2001. *Prácticas sociales y representaciones*. Ediciones Coyoacán. México.
2. Duvignaud, Jean. Françoise Duvignaud y Jean-Pierre Corbeau. 1996. *El banco de los sueños: Ensayo antropológico del soñador contemporáneo*. FCE. México.
3. Giménez Monitoel, Gilberto. 2005. *Teoría y análisis de la cultura*. CONACULTA. México.
4. Geertz, Clifford. 2003. *La interpretación de las culturas*. Capítulo I: Descripción densa. Gedisa. Barcelona.
5. Morris, Brian. 1995. *Introducción al estudio antropológico de la religión*. Paidós, Barcelona.
6. Nájera, Ozziel. *Hacia una sociología de los sueños: El imaginario sociocultural a través del sueño en jóvenes universitarios. Resultados de investigación doctoral*. GT06: *Imaginarios sociales, memorias y poscolonialidad*. www.actacientifica.servicioit.cl Consultado el 10/06/2016 [PDF].
7. Tobón, Marco. 2015 *Los sueños como instrumentos etnográficos*. *Revista de Antropología Iberoamericana*. 10 (3): 331-353.
8. Gutierrez Martínez, Daniel coord. 2010 *Religiosidades y creencias contemporáneas: diversidades de lo simbólico en el mundo actual*. El Colegio Mexiquense, A.C., Zinacantepec

УДК 141.13

Мельва Лопес Назарио

Антропологический подход к анализу стратегии выживания в аграрной зоне. Гуанахуато, Мексика

Эта статья посвящена анализу стратегии выживания в аграрной зоне, анализу, идущему в русле экономической антропологии, с целью понять экономику, вовлеченную в специфические социальные отношения. Такой подход открывает возможность приблизиться к изучению экономических феноменов как системы, вписанной в контекст глобальных общественных отношений, где капитализм является гегемоном. Также делается акцент на этнографическом и историческом аспекте экономического анализа в контексте взаимоотношения глобального и локального.

Ключевые слова: стратегия выживания, экономическая антропология, капитализм

Мельва Лопес Назарио – докторант Национальной Школы Антропологии и Истории

UDK 141.13

Melva López Nazario

Anthropological approaches to the analysis of subsistence strategies in rural areas. Guanajuato, Mexico

This article proposes some elements for the analysis of subsistence strategies in rural areas, mainly from the economic anthropology, with the objective to understand the human economy embedded in specific social relations, therefore, it is possible to approach to the understanding of economic phenomena as a system of social relations articulated with global economic phenomena and in turn to better understand the value of non-commodified activities in the context of an economic system in which capitalism is hegemonic. Emphasis is also placed on the ethnographic and historical approach to analyze the economic in its social context and the relations between local and global levels.

Keywords: subsistence strategies, economic anthropology, capitalism

Melva López Nazario as Postgraduate`s Student of
National School of Antropology and History

CDU 141.13

Melva López Nazario

Aproximaciones antropológicas al análisis de las estrategias de subsistencia en el ámbito rural. Guanajuato, México

Este artículo propone algunos elementos para el análisis de las estrategias de subsistencia en el ámbito rural, fundamentalmente a partir de la antropología económica, con el objetivo de comprender la economía humana imbricada en relaciones sociales específicas, por lo tanto, es posible aproximarse al entendimiento de los fenómenos económicos como un sistema de relaciones sociales articuladas con fenómenos económicos globales y a su vez comprender mejor el valor de las actividades no mercantilizadas en el contexto de un sistema económico en que el capitalismo es hegemónico. También se hace énfasis en el acercamiento etnográfico e histórico para analizar lo económico en su contexto social y las relaciones entre lo local y lo global.

Palabras clave: Estrategias de subsistencia, antropología económica, capitalismo

Melva López Nazario es Estudiante del Posgrado de la Escuela Nacional de la Antropología e Historia

Introducción

La ruralidad en México se encuentra marcada por problemáticas diversas como la pobreza, la emigración, la escasez y/o contaminación del agua y el desmembramiento de los ejidos, todos ellos fenómenos originados durante el siglo pasado y que se han agudizado en nuestros días. Es un hecho que las estrategias de subsistencia de las familias rurales actualmente se desarrollan en distintas vías: va en aumento el trabajo como jornaleros agrícolas y en las maquilas, así como en el área de servicios en las ciudades cercanas y algunas personas trabajan en oficios temporales. Los pequeños agricultores se dedican a la producción de cultivos tradicionales para el autoconsumo o cultivos comerciales a pequeña escala, pero se enfrentan a los bajos precios de las cosechas, a su vez, las políticas públicas favorecen el establecimiento de grandes empresas de exportación y promueven el empleo de mano de obra rural.

La antropología puede dar herramientas adecuadas para analizar y comprender la multiplicidad de estrategias de subsistencia, por un lado gracias al énfasis que hace en el trabajo etnográfico y por el otro mostrando la imbricación de la diferencia cultural en el análisis económico, así como los vínculos de lo local con lo global. Además, es importante conocer la historicidad de los procesos de dotación o restitución de las tierras, así como de la obtención

de los servicios públicos -que tampoco aseguran la calidad de los mismos-, o el incremento en la venta y la renta de la tierra por parte de los ejidatarios.

A continuación presentaré brevemente las discusiones teóricas que considero relevantes para aproximarnos al análisis de las estrategias de subsistencia en el ámbito rural; luego señalaré la importancia de la especificidad social y cultural, así como sus procesos históricos, en este caso me referiré al municipio de Dolores Hidalgo, en el estado de Guanajuato, en el cual se muestra a grandes rasgos la imbricación de distintas lógicas económicas y los vínculos entre lo local y lo global.

El análisis de lo económico

La antropología económica entre las décadas de 1960 y 1970 se debatía constantemente entre el formalismo y el sustantivismo. De aquella línea de discusión resulta relevante Karl Polanyi, quien critica el hecho de que la ciencia económica sea el resultado de la aplicación del análisis de la economía formal, por lo cual prevalece la atención en el sistema de mercado y en el establecimiento de precios para la fuerza de trabajo, la tierra y el capital (Polanyi, 2014: 190-191). Desde esta perspectiva, lo económico da cuenta de un carácter lógico en la relación de medios y fines, es decir, se refiere a "la elección entre utilidades alternativas de recursos escasos" (Polanyi, 2014: 187). Esta teoría formalista parte entonces del presupuesto de individuos abstractos insertos en una

tendencia universal a aumentar al máximo sus ventajas personales en el seno de su sociedad y por ello encuentra múltiples críticas, ya que no todos los mecanismos económicos pueden ser analizados desde la economía mercantil (Godelier, 1978: 64-65).

Por otro lado, la propuesta sustantivista en la que se ubica a Polanyi se basa fundamentalmente en la constatación de los hechos empíricos y se refiere a "la dependencia en que se encuentra el hombre con respecto a la naturaleza y a sus semejantes para conseguir el sustento" (Polanyi, 2014: 187). Se trata de la descripción de las formas de intercambio con el entorno social y natural en la búsqueda de la satisfacción de necesidades y en la lógica de la subsistencia. La economía es analizada como una actividad institucionalizada, es decir, la economía humana inmersa en sus relaciones sociales, por lo tanto, las circunstancias sociales son las que determinan las formas de organización para la producción (Polanyi, 2014a: 329-330).

El principal criterio de clasificación propuesto por Polanyi son las formas de integración y en gran medida se nota la influencia del trabajo de Marcel Mauss (1971) respecto a la economía del don. Las formas de integración descansan en criterios de reciprocidad, redistribución o intercambio mercantil. La reciprocidad supone movimientos entre agrupaciones distribuidas simétricamente; la redistribución depende de cierto grado de centralización en el grupo, ya

que consiste en un primer movimiento de apropiación por el centro y después el movimiento es propiamente de redistribución hacia afuera; por su parte, el intercambio consiste en movimientos como los que se realizan en un sistema de mercados (Polanyi, 2014: 194-195). En las investigaciones antropológicas, esta clasificación originalmente hacía referencia a sociedades tribales o campesinas donde predominaban las relaciones de parentesco, sociedades con un poder centralizado que concentraba los bienes y luego los distribuía, y a las sociedades capitalistas, respectivamente. Ligado a lo anterior, Polanyi da cuenta de estructuras sociales no económicas empotradas en el funcionamiento del sistema mercantil, en contraste con otras que se regulan a través del funcionamiento de estructuras no económicas (Godelier, 1978: 66-67).

De esa manera, resulta fundamental tratar la economía en tanto sistema de relaciones sociales, originadas o vinculadas a la producción material, pero a su vez Polanyi pone énfasis en las estructuras de distribución de los bienes materiales. De acuerdo con la crítica realizada posteriormente por Godelier (1978: 69), la antropología económica estudia las "condiciones y formas de producción, de distribución y, en cierta medida, de consumo de los bienes materiales que constituyen la condición material de existencia y de reproducción de las diversas sociedades".

Posteriormente, en el desarrollo de la antropología

económica, Dolores Comas (1998: 197-198) señala que esta subdisciplina vivió un giro al tornarse evidente que lo que ocurría en el ámbito local debía ser interpretado en su articulación con fenómenos económicos globales, de tal suerte que también era menester reconocer los componentes políticos asociados a lo económico.

En la década de 1980 se renovaron las discusiones marxistas, y desde la teoría feminista se incorporaron algunos análisis que a grandes rasgos destacaron el rol de las mujeres como agentes económicos, el papel del trabajo doméstico, las formas de aprovisionamiento y mantenimiento, así como los procesos de socialización y de transmisión del conocimiento en la reproducción social, lo cual permitió "entender mejor el valor que poseen en general las actividades no mercantilizadas en el contexto de un sistema económico en que el capitalismo es hegemónico" (Comas, 1998: 199).

A su vez, se han generado nuevas direcciones para la antropología económica, una de ellas apunta al análisis de la política en los procesos económicos y ecológicos, es decir, a tomar en consideración cómo las decisiones en las políticas públicas impactan en la organización de la producción, el acceso a los recursos, la definición de la propiedad y a las propias formas de trabajo, también se refiere a la articulación de acciones colectivas y movimientos sociales para resistir frente a la presión del gobierno o

de otras instituciones políticas (Comas, 1998: 211).

Es decir, desde la antropología económica es posible aproximarse al entendimiento de los fenómenos económicos como un sistema de relaciones sociales de producción, de distribución y de consumo, articulados con fenómenos económicos globales en los que el capitalismo es hegemónico pero lo cual no niega la importancia de las actividades no mercantilizadas.

Además, efectivamente las dinámicas de la población rural se encuentran insertas en la globalización y en la ejecución de políticas de corte neoliberal, ya que mientras que la globalización da cuenta de una revolución tecnológica en comunicaciones y transportes, el neoliberalismo hace parte de una fase del modelo económico capitalista, que incluye procesos de privatización, el fomento del mercado de la tierra, la libertad de venta de la mano de obra, la movilidad de la fuerza de trabajo y la inserción en mercados internacionales, entre otros.

En este sentido y de acuerdo con el geógrafo británico David Harvey, el progreso del neoliberalismo desde 1970 en la mayoría de los Estados nacionales se ha realizado de manera diferenciada respecto a los intereses de la propiedad privada, las empresas, las compañías multinacionales y el capital financiero, así como en cuestiones de desregulación o privatización, ya sea con el retiro del Estado de los sectores de propiedad estatal, la

monetarización, la concentración de servicios financieros o el desmantelamiento de programas sociales, la flexibilización laboral, entre otros (Harvey, 2007: 95-96).

Por lo tanto, si bien las transformaciones de lo local están relacionadas con tendencias globales, de hecho se asumen de distintas maneras en lo que Harvey conceptualiza como un desarrollo geográfico desigual. La división social del trabajo define en gran medida a su vez las relaciones de producción en el espacio rural, vinculado estrechamente al espacio urbano y en ese sentido, tanto las nuevas tecnologías de la información y la comunicación como la globalización de los procesos productivos han permitido la consolidación de cadenas globales de producción dispersas en la geografía mundial.

Por otra parte, de acuerdo con Anna L. Tsing (2005), las conexiones globales están en todas partes, comprenden lo relacionado con el capitalismo, la ciencia y la política, que a su manera presentan aspiraciones universales, pero que de hecho sólo pueden ser estudiadas en los encuentros prácticos. Las conexiones globales se muestran a través de la fricción definida por trayectorias históricas, se da en situaciones heterogéneas, se refiere precisamente a las cualidades difíciles, desiguales, inestables y creativas de la interconexión a través de la diferencia.

Las interacciones y los encuentros prácticos se dan a

través de la fricción y en ese sentido atisba la posibilidad de configuraciones múltiples y la generación de proyectos heterogéneos, lo cual nos lleva a plantear la discusión teórica que se refiere precisamente a las visiones del desarrollo, ya que a pesar de que prevalece el enfoque del crecimiento económico, la cultura se muestra como un factor que implica diferentes formas de conocimiento, tradiciones y uso de los recursos.

Finalmente, aquí resulta relevante la crítica postdesarrollista de Gudynas (2014), quien distingue entre desarrollos alternativos y las alternativas al desarrollo. En la primera formulación el concepto de desarrollo se aborda como "un conjunto de ideas centradas alrededor del crecimiento continuado, impulsado por la economía, y que se expresa especialmente en el campo material" (Gudynas, 2014: 65), es un "discurso", que incluye ideas, prácticas, instituciones, acciones concretas, formas de saber, generación de campos de conocimiento, determinación de criterios de verdad y falsedad, formas en que logra su legitimidad y genera relatos sobre el futuro deseado, pero a su vez muestra las resistencias y las oposiciones (Gudynas, 2014: 64-66). Es decir, en el desarrollo alternativo se discuten las variedades posibles dentro del mismo discurso del desarrollo.

En contraparte, las alternativas al desarrollo apuntan a trascender la propia idea del desarrollo, hacer visibles múltiples

saberes, así como una pluralidad de conocimientos y sensibilidades ocultados o subordinados que nutren y redefinen las relaciones sociales y ambientales en contextos históricos específicos (Gudynas, 2014: 69). Además, aunque dentro de la propia sociedad existan tensiones entre sectores que demanden "más" desarrollo, eso no anula la importancia de "las múltiples formas de resistencia, críticas y alternativas frente al desarrollo", que en sí mismas implican una crítica post-desarrollista, "más allá de que sus protagonistas usen o no ese término" (Gudynas, 2014: 73-75).

El reconocimiento de los proyectos autogestivos como parte de las estrategias de subsistencia y como formas de resistencia en el contexto del avance de las políticas neoliberales que impactan en el ámbito rural, me parece pertinente ya que representan la configuración de diversas respuestas. Si bien las personas se ven influidas por el propio sistema, también son capaces de modificarlo y en sentido práctico hay márgenes para proponer rutas alternas. La experiencia histórica y los procedimientos creativos de las prácticas cotidianas frente a las relaciones de poder nos muestra la presencia de tácticas que permiten a las personas reapropiarse del espacio y construir diversas herramientas y narraciones propias. En ese sentido, lo cotidiano se puede abordar desde su carácter político y permite cuestionar el orden social imperante.

Procesos históricos y estrategias de subsistencia

El municipio de Dolores Hidalgo, Cuna de la Independencia Nacional, está ubicado al norte-centro del estado de Guanajuato -ver Mapa-. De acuerdo con el censo de población de 2010, 59 240 habitantes se asentaban en la cabecera -39.98%, la cual ocupa alrededor de 0.7% del territorio. El resto de la población es considerada rural y se encuentra distribuida en un total de 612 localidades menores de 2 500 habitantes (INEGI, 2010). Actualmente existen 69 núcleos ejidales que cuentan con alrededor de 39 383 has. y 3 391 campesinos beneficiados (RAN, 2016).

La región es semiárida, por lo cual alrededor de la mitad del territorio es apto para la agricultura y una tercera parte corresponde a pastizales (INEGI, 2009). La historicidad del proceso de reparto agrario en el municipio de Dolores Hidalgo se debe comprender inicialmente en el contexto de sus fuertes antecedentes cristeros y sinarquistas, en defensa del clero y de la propiedad privada.

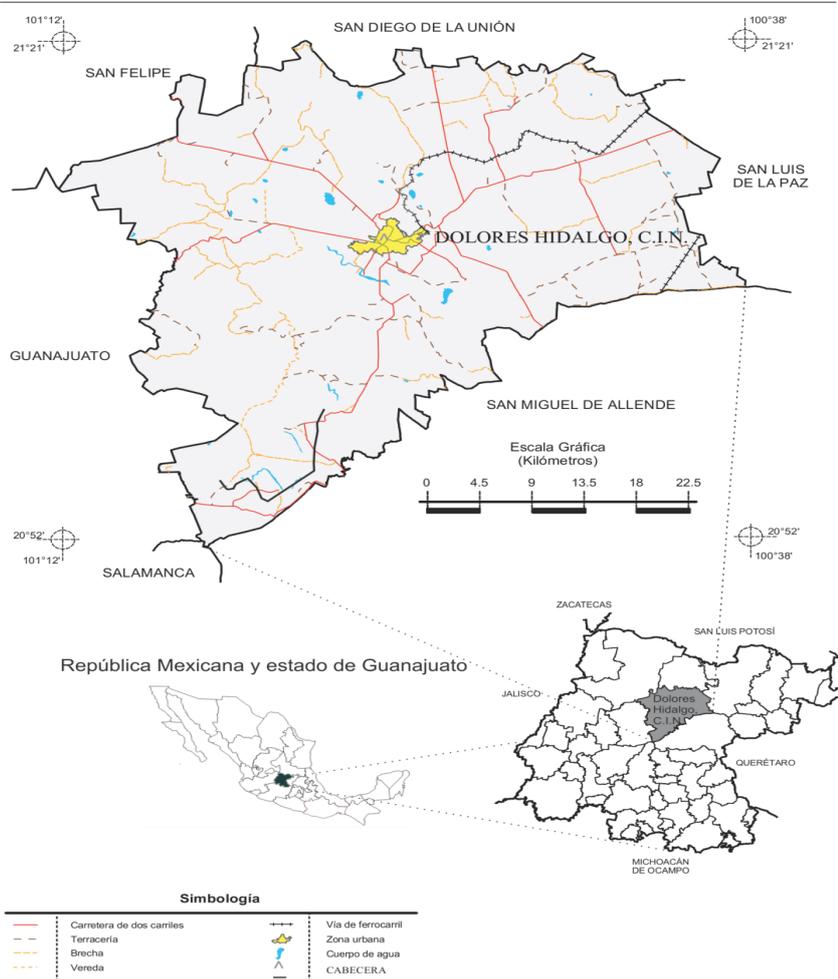
A través de su historia, se muestra primero el rechazo mayoritario al ejido, el incremento del movimiento migratorio de trabajadores a los EUA (1944-1959), los bajos salarios y el desplazamiento de los jornaleros a partir de los procesos de tecnificación de la agricultura, la efectiva demanda de la tierra durante la segunda etapa del reparto agrario (1958-1978), en algunos casos la continuidad de

las relaciones de aparcería y el conflicto con los agraristas, las grandes inversiones públicas para el desarrollo agropecuario en la década de 1970 y un nuevo freno a la demanda de la tierra una década después.

A nivel nacional el reparto agrario había perdido preemi-

nencia en los años ochenta y en cambio tuvieron mayor visibilización e incidencia los movimientos encaminados a la obtención de los servicios básicos de electricidad, agua potable, escuelas y clínicas.

MUNICIPIO DOLORES HIDALGO, C.I.N., GUANAJUATO

Fuente: Elaboración propia, ubicación geográfica basada en el INEGI, Prontuario de información geográfica municipal de los EUM, 2009

Finalmente, el impacto del giro neoliberal, con el adelgazamiento del Estado y el éxito de un número reducido de agroempresas en contraste con el despojo y las carencias padecidas por el conjunto de los campesinos, quienes generalmente se ven insertos en las dinámicas de la globalización neoliberal en condiciones de clara desventaja (Cfr. López, 2016).

El Estado mexicano, con la modificación del Artículo 27 Constitucional en 1992, finiquitó el reparto agrario en cuestión legal y posibilitó que la propiedad social pase a ser propiedad privada, que la tierra pueda ser reconcentrada a través de la formación de sociedades mercantiles y la entrada de capitales a la propiedad social. Al mismo tiempo, la reestructuración estatal, la apertura comercial y financiera, el desmantelamiento de derechos y en general los procesos desarrollados en el contexto neoliberal, conforman el marco en el cual debemos comprender la diversidad de estrategias de subsistencia y en todo caso atisbar la presencia de proyectos alternativos, pues éstos implican la participación política de los habitantes en la generación de diversas formas de convivencia y regulación social.

La población rural del municipio puede ser caracterizada como "ranchera", con una tradición de trabajo en aparcería y jornalero agrícola, es predominantemente católica y con fuertes lazos de parentesco (Sepúlveda, 2014). Hay continuidad de las relaciones de

mediería con los ejidatarios que ahora son adultos mayores, el pastoreo de borregos y cabras, así como el mantenimiento de pequeños hatos de ganado vacuno; los cuales están enfrentados a su vez a la división y venta de los agostaderos para su conversión en terrenos de riego por parte de nuevos dueños que son productores mercantiles.

Además de que los agostaderos se utilizan para pastorear a los animales y extraer leña, también hay un creciente grupo de apicultores que utilizan ese espacio, eventualmente aprovechan la fauna silvestre, entre la que puede haber –cada vez menos– zorras, tlacuaches y zorrillos, sin embargo, los procesos de compraventa ponen en entredicho o limitan la continuidad de estas actividades.

De esa manera, las actividades agropecuarias familiares han dejado de ser el eje dominante y ahora más bien se han convertido en complementarias para la subsistencia, por otra parte, se mantienen en auge las empresas agroindustriales que utilizan grandes sistemas de riego para cultivar y que proporcionan empleo asalariado a personas de la región para procesar y empacar alimentos que son exportados a los Estados Unidos de América. A su vez, hay ranchos donde emplean jornaleros para el cultivo de brócoli, maíz, frijol o alfalfa, cuya producción forma parte de circuitos mercantiles regionales.

Otras fuentes de empleo importantes son las fábricas de cerámica o las maquilas, ya sea

en el propio municipio, en otros vecinos e incluso en el estado de Querétaro. Estas opciones laborales se han mostrado muy dinámicas últimamente y las empresas generan rutas de transporte para recoger a trabajadores de cualquier pequeño asentamiento y sin importar que tengan que atravesar municipios para conseguir la mano de obra necesaria para su funcionamiento.

Dependiendo la cercanía a la cabecera municipal o las vías de comunicación, otras personas se emplean en el área de servicios en la ciudad de Dolores Hidalgo y también hay varios albañiles que se trasladan a cualquier lugar donde consigan trabajo (En la albañilería se puede ganar por semana desde \$1 000.00 y hasta \$1 700.00). Algunas mujeres trabajan en el servicio doméstico y en ocasiones viajan hasta la ciudad de México. Aún así, también es probable que los padres o los abuelos se nieguen a dejar que las hijas o nietas salgan a laborar y se les reservan las actividades domésticas. En este sentido, se aprecia mucho el trabajo "a pie de casa" y en aquellas empresas que se encargan del transporte del personal, pues así las mujeres van con seguridad y sus familiares oponen menor resistencia.

Durante varias generaciones la población rural pudo combinar el trabajo agropecuario con la migración a los Estados Unidos de América. Cabe mencionar que el flujo migratorio a los Estados Unidos ha disminuido desde 2002

en parte por el endurecimiento de la seguridad en la frontera y en parte por el elevado costo del viaje, y ya que anteriormente la mayoría de los hombres se iban después de terminar la secundaria, aún persisten las expectativas de migración de los jóvenes pero ahora es común que los hombres jóvenes se inserten en el jornalero agrícola y consecuentemente hay un mínimo relevo generacional respecto al envejecimiento de los ejidatarios.

También podemos encontrar a pequeña escala otras dinámicas productivas y formas de organización. Las formas autogestivas a nivel familiar o en el conjunto de la localidad para el manejo de los bienes públicos se muestran como una actividad importante para la subsistencia y como una alternativa que requiere esfuerzos cotidianos, ya que ello en gran medida significa mantener espacios fuera de las dinámicas mercantiles. Las familias pueden producir hortalizas, tener algunos árboles frutales en los solares -como higueras, moras, duraznos, manzanos, granadas y naranjas-; también pueden producir nopales y tunas, mantener ganado y algunos animales de traspatio o utilizar múltiples ecotecnias que les permitan cosechar agua o maximizar el uso de la leña. El reconocimiento de los esfuerzos cotidianos como parte de las estrategias de subsistencia puede permitirnos vislumbrar la apertura de algunos márgenes en la creación de proyectos alternativos a *ras de suelo*.

Por último, hace falta considerar aquellos procesos y proyectos productivos promovidos por Organizaciones No Gubernamentales, que a su vez son capaces de trabajar con financiamiento internacional a partir de preocupaciones acerca de la ecología o el empleo, por ejemplo, así como los eventuales "emprendimientos" que prosperan en el ámbito rural y cuyos interlocutores se encuentran en ciudades e incluso en otros países, pero que generan nichos de mercado y nuevos espacios gracias a las tecnologías de la información y la comunicación.

Corolario

La intención de estas líneas es reflexionar acerca de cuáles son las actividades económicas presentes en el ámbito rural, cómo se han ido modificando y cómo se entretajan distintas estrategias. El trabajo etnográfico nos permite mostrar con mayor detalle la multiplicidad de estrategias de subsistencia, las experiencias organizativas, la construcción de los propios asentamientos o de espacios productivos locales relacionados con ámbitos más amplios. En los espacios rurales se combinan una diversidad de actividades y de relaciones sociales que vinculan estrechamente a estas localidades con los centros urbanos, la actividad industrial y los fenómenos globales (Cfr. López, 2016).

Es un hecho que las relaciones mercantiles –producción para el mercado o trabajo asalariado– no garantizan la subsistencia de

todas las familias, por lo que los proyectos autogestivos tienen un espacio importante. Las familias han desarrollado diferentes estrategias que precisamente combinan actividades autogestivas, producción agropecuaria de autoconsumo, proyectos locales, trabajo asalariado sobre todo en la agroindustria y finalmente la compra-venta de tierras, la migración y los programas gubernamentales de corte asistencialista. Además, es notable el aumento reciente de la oferta de trabajo asalariado en el municipio, por lo cual las dinámicas de la población se encuentran en constantes tensiones y reacomodos.

Al abordar regiones y casos específicos, podemos mostrar la importancia de los procesos históricos, además, a partir del análisis de los ejidos es posible mostrar las formas en que las personas se organizan y se vinculan con el resto de la sociedad dentro de las dinámicas de la globalización neoliberal, cómo se concretan las políticas públicas, la imbricación de las estrategias de subsistencia y las problemáticas que sin distinción afectan al campo mexicano de nuestros días, así como las características de la vida cotidiana, la organización que permite salir adelante o las propias alternativas al desarrollo, por lo cual resultan relevantes este tipo de estudios.

Resulta complejo entonces abordar las formas de subsistencia, sobre todo porque se encuentran imbricadas en una multiplicidad de lógicas -o formas

de integración, de acuerdo con Polanyi-, por lo cual me planteo que este tipo de reflexiones nos puede dar luz sobre las relaciones entre lo local y las dinámicas económicas globales, cómo se dan esos encuentros y fricciones y en ese sentido cómo se da una constante negociación en el trabajo asalariado en las agroindustrias de exportación, la generación de empresas locales con fuertes vínculos mercantiles al

exterior y los trabajos más cooperativos y/o autogestivos.

Por tanto, el objetivo es mostrar cómo las estrategias económicas se entretajan para lograr la subsistencia y que corresponden a distintas lógicas y dinámicas, así como abordar el análisis con herramientas teóricas más adecuadas, en constante diálogo entre la antropología y la economía.

Bibliografía

1. Carton de Grammont, Hubert, y Hector Tejera Gaona (coord.) (1996). "Los actores y la política estatal: acciones y resultados" en *La sociedad rural mexicana frente al nuevo milenio, Vol IV*. Instituto Nacional de Antropología e Historia/ Universidad Autónoma Metropolitana/ Universidad Nacional Autónoma de México/ Plaza y Valdés, México.
2. Comas D'Argemir, Dolores (1998). *Antropología económica*, Ariel, Barcelona.
3. Escárzaga, Fabiola y Raquel Gutiérrez (coords.) (2005). *Movimiento indígena en América Latina: resistencia y proyecto alternativo*. Gobierno del Distrito Federal/ Casa Juan Pablos/ Benemérita Universidad Autónoma de Puebla/ Universidad Nacional Autónoma de México/ Universidad Autónoma de la Ciudad de México, México.
4. Godelier, Maurice (1978). "La antropología económica", en *Economía, fetichismo y religión en las sociedades primitivas*, Siglo XXI, México.
5. Gordillo, Gustavo, Alain de Janvry y Elisabeth Sadoulet (1999). *La segunda reforma agraria de México: respuestas de familias y comunidades, 1990-1994*. Colegio de México/ Fondo de Cultura Económica/ Fideicomiso Historia de las Américas, México.
6. Harvey, David (2007). *Breve historia del neoliberalismo*. Akal, Madrid.
7. INEGI/ Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática (2010). *Censo de Población y Vivienda 2010: Guanajuato, México. Principales resultados por localidad (ITER)*. Guanajuato. Documento disponible vía electrónica en [<http://goo.gl/q46XL>]. Consultado el 17 de febrero de 2014.
8. INEGI/ Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática (2009). *Prontuario de información geográfica municipal de los Estados Unidos Mexicanos, Dolores Hidalgo Cuna de la Independencia Nacional, Guanajuato, Clave geoestadística 11014*, México.

9. López Nazario, Melva (2016). *Estrategias de subsistencia y vida comunitaria en el ejido La Colorada Emiliano Zapata, Dolores Hidalgo, Gto. (2005-2016)*, Tesis de Maestría en Antropología Social, Escuela Nacional de Antropología e Historia, México.

10. Mauss, Marcel (1971). Ensayo sobre el Don. Forma y razón del intercambio en las sociedades arcaicas. *Sociología y antropología*. Tecnos, Madrid.

11. Montenegro Riveros, Mauricio (2013). "Entre las crisis globales y los contextos locales. Elementos para una introducción a la antropología económica", en *Antípoda. Revista de Antropología y Arqueología*, núm. 17, Julio-Diciembre, Universidad de los Andes, Bogotá, Colombia, pp. 109-131.

12. Polanyi, Karl (2014). "La economía como actividad institucionalizada", en *Los límites del mercado. Reflexiones sobre economía, antropología y democracia*, Capitán Swing, Madrid, pp. 187-214.

13. Polanyi, Karl (2014a [1947]). "Nuestra absoleta mentalidad de mercado", en *Los límites del mercado. Reflexiones sobre economía, antropología y democracia*, Capitán Swing, Madrid, pp. 325-341.

14. RAN /Registro Agrario Nacional (2016). *Datos de los ejidos dotados y de la certificación del PROCEDE y/o del FANAR*. Documento disponible vía electrónica en [<http://goo.gl/iww921>]. Consultado el 27 de mayo de 2016.

15. Sepúlveda Garza, Manola (2014). "Tradiciones y transiciones en las organizaciones productivas del México mestizo. Dolores Hidalgo, Guanajuato" en *Diálogo Andino. Revista de Historia, Geografía y Cultura Andina*, No. 43, Universidad de Tarapacá. Departamento de Ciencias Históricas y Geográficas, Arica, Chile, pp. 77-89.

16. Tsing, Anna L. (2005). *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

17. Zárate Vidal, Margarita del Carmen (1998). *En busca de la comunidad. Identidades recreadas y organización campesina en Michoacán*. El Colegio de Michoacán/ Universidad Autónoma Metropolitana, México.

УДК 94(470)«1950/1960»

Смакова Т.К., Мирошниченко М.И.

**«Творческая деятельность
в области литературы и искусства
должна быть проникнута духом борьбы
за коммунизм...»:
политическая ангажированность искусства**

В статье рассматривается реакция руководителей ЦК КПСС на появление неофициального искусства в среде художественной интеллигенции в условиях демократизации общественных отношений в СССР в период «оттепели» 1953-1961 гг. после решений XX съезда КПСС. Выявлены условия возникновения неконформистских направлений, связанные с открытым признанием культа личности И. В. Сталина, с победой демократических тенденций в общественной жизни страны, с развитием советско-американских и советско-французских отношений. Показано восприятие выставок, на которых демонстрировались произведения живописи и скульптуры в стиле абстракционизма, экспрессионизма, символизма, соц-арта и т.д., в среде художественной интеллигенции и обычных советских зрителей. Названы имена выдающихся представителей неофициального искусства исследуемого периода.

Ключевые слова: авторитаризм, посттоталитаризм, «оттепель» 1953-1961 гг., неофициальное искусство, художественная интеллигенция

Смакова Татьяна Камилевна, студентка Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), Институт социально-гуманитарных наук, специальность «История». Научные интересы: история мировой и отечественной культуры, культурная дипломатия. E-mail: tan-ya_smak97@mail.ru

Мирошниченко Мария Ильинична, кандидат исторических наук, доцент, кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск). Научные интересы: история женщин Урала, историческая феминология, гендерная история, история повседневности, мировой и отечественной культуры. E-mail: mmi74@yandex.ru

UDK 94(470)«1950/1960»

Smakova T.K., Miroshnichenko M.I.

«Creative activity in literature and art should be imbued with the spirit struggle for communism ...»: political commitment of art

The article deals with the reaction of the leaders of the CPSU Central Committee to the emergence of unofficial art in the medium of artistic intelligentsia in the conditions of democratization of social relations in the USSR during the "thaw" in the 1953-1961 biennium after making the XX Congress of the CPSU. The conditions of occurrence of non-conformist trends related to public recognition of the cult of personality of Stalin, with the victory of democratic tendencies in the country's public life, with the development of Soviet-American and Soviet-French relations. Displaying perception of exhibitions, which showcased paintings and sculptures in the style of abstract art, expressionism, symbolism, Sots Art, etc., among the artistic intelligentsia and ordinary Soviet viewers. Names of prominent representatives of the unofficial art of the period studied.

Keywords: authoritarianism posttotalitarizm, "thaw" in the 1953–1961 biennium, informal art, artistic intelligentsi

Smakova Tatiana Kamilevna, 2nd year student of the South Ural State University (Chelyabinsk), Department Institute of Social and Human Sciences, a specialty «History». Research interests: History of World and Russian Culture, Cultural diplomacy. E-mail: tanya_smak97@mail.ru

Miroshnichenko Maria Ilinichna, Candidate of Science (History), Associate Professor of Russian and foreign history of South Ural State University. Research interests: history of women of the Urals, the historical feminology, gender history, the history of everyday life, history of Russian culture. E mail: mmi74@yandex.ru

CDU 94(470)«1950/1960»

Smakova T.K., Miroshnichenko M.I.

“La actividad creativa en las áreas de literatura y arte debe ser inspirada por el espíritu de lucha por el comunismo...”: la ideologización política del arte

En el artículo se analiza la reacción de los dirigentes del Comité Central del PCUS a la aparición del arte informal entre la intelligentsia artística en las condiciones de democratización de las relaciones sociales en la URSS que sucedieron en el periodo del “deshielo” de 1953-1961 después del XX Congreso del PCUS. Se muestran las condiciones del surgimiento de las corrientes rebeldes vinculadas a condenar el culto a I. V. Stalin, la victoria de las tendencias democráticas en la vida social del país, el desarrollo de las relaciones soviético-americanas y soviético-franceses. Se describe la percepción de las exposiciones en que se mostraban las obras de pintura y escultura en el estilo del abstraccionismo, expresionismo, simbolismo, etc por la intelligentsia artística y por los espectadores soviéticos comunes y corrientes. Se aducen los nombres de los representantes más destacados del arte informal del periodo investigado.

Palabras clave: autoritarismo, pos-totalitarismo, “deshielo” de 1953-1961, arte informal, intelligentsia artística

Smakova Tatiana Kamilevna es estudiante de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur, del Instituto de las ciencias socio-humanitarias, especialidad “Historia”. Los intereses científicos: historia de la cultura mundial y nacional, diplomacia cultural. E-mail: tanya_smak97mail.ru

Miroshnichenko María Ilinichna, doctora en ciencias históricas, docente de la cátedra de la historia nacional y extranjera de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur. E-mail: mmi74yandex.ru

Изучение проблемы свободы творчества в советском изобразительном искусстве в середине 1950-х – начале 1960-х годов актуально как в связи с тем, что с начала 1950-х годов в СССР формируется неконформистское направление, так и в связи со значимостью XX съезда КПСС.

XX съезд КПСС является рубежом в истории СССР послевоенного периода. Во многом его решения стали поворотным пунктом в жизни советского общества. Открытое признание культа личности И. В. Сталина и последующие реабилитации, прекращение кампании борьбы против космополитизма и идолопоклонства перед Западом, политические судебные процессы с обвиняемыми людьми как «врагов народа» было воспринято в среде творческой интеллигенции как свидетельство наступавшей свободы. Свободы, которая естественно распространялась и на свободу творчества.

В этих условиях наряду с «официальным» течением, связанным с именами художников С. Герасимова, В. Серова, А. Пластова, Ф. Решетникова, скульптора Е. Вучетича, появляется «неофициальное». Оно было представлено творчеством небольшой группы малоизвестных старых мастеров и молодых художников, чьи произведения не вписывались в официальный контекст.

В историко-партийном дискурсе стремление к самореализации в рамках отличных от «социалистического реализма» стилей воспринималось как «идеологическая путаница» в среде деятелей культуры.

«Раздавались голоса против партийности и идейности в науке, литературе и искусстве, против связи их с назревшими задачами коммунистического строительства, делались попытки подвергнуть сомнению основной метод советской литературы и искусства – метод социалистического реализма», – такой была официальная трактовка исследуемых событий [4, с. 549].

Феномен влияния «оттепели» в сфере искусства рассмотрен в работах П. Вайля и А. Гениса [1]. «Неофициальное искусство» Ленинграда изучала Т.Е. Шехтер [7].

Факторами развития «неофициального искусства» в 1950-е гг. стали тлевшие ещё искры творческих экспериментов, прекращенных постановлением ЦК ВКП(б) 1932 г. Традиции художественного творчества 1920-х годов не были забыты. Они сохранялись и развивались в мастерских старых художников-авангардистов: в творчестве мирискусника Владимира Михайловича Конашевича (1888-1963 гг.); театрального художника, скульптора, графика, экспрессиониста Александра Григорьевича Тышлера (1898-1980 гг.); последовательницы Павла Филонова, приверженицы основанного на кубизме аналитического искусства живописца и графика Татьяны Николаевны Глебовой (1900–1985 гг.).

Появились и новые имена. Так, исключенными (за формализм) учащимися Средней художественной школе при Ленинградской Академии художеств А. Арефьевым, В. Шагиным, Г. Устюговым была создана творческая

группа из ребят 14-16 лет – ОНЖ («Орден нищенствующих живописцев»). Позднее они стали называть себя «Орденом непродожающихся живописцев». Поклонником кубизма и постимпрессионизма был живописец, скульптор и график Валерий Георгиевич Траугот (1936–2009 гг.).

Весомое влияние на развитие новых течений в искусстве оказало знакомство с западными тенденциями в культуре. Это знакомство происходило в результате развития международных связей в рамках широкой программы культурного обмена между СССР и США. Оно осуществлялось по советско-американскому договору о культурном сотрудничестве, подписанном в 1958 г.

В 1959 г., в Нью-Йорке, с 29 июня проводилась Выставка достижений науки, техники и культуры СССР, открытая первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Фролом Козловым и 34-м Президентом США Дуайтом Эйзенхауэром.

Также в 1959 г., с 25 июля в Москве в парке Сокольники проходила Американская национальная выставка. Её открывали Н. С. Хрущев и вице-президент США Ричард Никсон. По некоторым данным выставку, длившуюся 6 недель, посетило около 3 млн. человек. Среди других экспонатов демонстрировались картины художника-авангардиста Дж. Поллака.

Французская национальная выставка, на которой также демонстрировались произведения французских художников, состоялась в Москве в 1960 г.

Эти события встревожили творческую молодежь. В искусстве

стали появляться новые имена, означавшие новые направления. Это Элий Белютин (1925-2012 гг.), создатель в 1950-х гг. студии, известной позже как «Новая реальность»; Эрик Булатов – основатель соц-арта; Борис Иосифович Жутковский (1932 г.р.), абстракционист Юрий Злотников (1930 г.р.), В. Немухин, Д. Плавинский, А. Сафохин, Т. Тер-Гевондян, Б. Турецкий и другие. Выставки были чаще всего однодневными и проводились в клубах или домах культуры.

Состоялись выставки молодого московского художника Бориса Георгиевича Биргера (1923-2001 гг.), работавшего в стиле символизма и экспрессионизма скульптора Эрнста Иосифовича Неизвестного (1925 г.р.) в Центральном доме литераторов в 1959 г., знаменитая «Таганская» выставка работ советских абстракционистов – в ноябре 1962 г. в зале на Большой Коммунистической улице [5], выставка абстракционистов в кафе «Молодежном» 10 октября 1961 г. и другие. В ней участвовали студии Э. М. Белютина, а также художники Ю. Соостер, В. Б. Янкилевский, а также Э. И. Неизвестный

На выставке, которая проводилась в честь 30-летнего юбилея Московского отделения Союза художников в Манеже 1 декабря 1962 г., были представлены работы Э. Неизвестного, В. Б. Янкилевского, Ю. Соостера, Б. И. Жутковского («Автопортрет»), Ю. Соболева, П. Ф. Никонова («Геологи»), Т. Тер-Гевондян и других.

У посетивших выставку партийных руководителей – Н. С. Хрущева, М. А. Суслова, А. Н. Шеле-

пина и С. П. Павлова – непривычные работы, выполненные в стиле абстракционизма, экспрессионизма и т.п., вызывали негативные эмоции: «Слушайте, вы педерасты или нормальные люди?! Это – педерасты в живописи!» [Цит. по: 3, с. 525] «Всякое г... понарисовали; ослиное искусство» [Цит. по: 3, с. 526]. «Это паразитический труд, потому что он ничего не дает обществу» [Цит. по: 3, с. 528].

Художников обвинили в паразитизме: «Вы обкрадываете общество... Нам надо так общественность организовать, чтобы она осуждала, если он [художник] живет в среде, так она должна видеть, что вы не работаете, вы пользы никакой не вкладываете, а живете – за счет чего?..». «Какое вы имеете право жить в этой квартире, если вы ничего не делаете для общества?» – говорилось в адрес Б. Жутовского [Цит. по: 3, с. 528].

Н. С. Хрущев прямо заявил: «Господа, мы объявляем вам войну, и мы, конечно, никогда вам там, где вы соприкасаетесь с молодёжью, работы не дадим и оформление художественных книг мы вам не дадим. Если хотите, рисуйте для себя, а лучше всего уезжайте; ваших братьев-мазил за границей много, и там уж не испортишь испорченного, если уж вольется капля в бочку дёгтя, то от этого не изменится ни качество его, ни достоинства. Я рекомендовал бы исключить их из Союза художников» [Цит. по: 3, с. 528].

Новые направления были восприняты как бессодержательные, формально воспроизводившие действительность и квалифицированы как «формализм».

Авангардистские тенденции

не были поняты и приняты в массе советских людей. Причина отторжения заключалась не столько в длительном, проводившемся десятилетиями идеологическом воздействии, сколько в своеобразии отображаемого художественного образа, понять который человеку с обыденным художественным восприятием достаточно сложно. Вспомним отношение жителей Урала к скульптуре Степана Эрзи, приехавшего в Екатеринбург открыть Красную Академию скульптуры, к его «Памятнику освобожденному человеку», поставленному в 1920 г. на одной из площадей Екатеринбурга. Освобожденный труженик олицетворялся в нем обнаженной мужской фигурой. Статую прозвали в народе «Ванька Голый». Памятник был снесен «по требованиям трудящихся» в 1925 г.

Взгляды творческих работников были оценены как ошибочные. Против формализма была развернута пропагандистская кампания в печати. В ее основе лежал тезис о том, что партия вела и впредь будет вести борьбу против неправдивого изображения советской действительности, против попыток лакировать её или, наоборот, охаивать и порочить то, что завоевано советским народом. Ставился знак тождества между буржуазной идеологией и буржуазным влиянием, под которым понималось, в том числе пристрастие творческой интеллигенции «к эстетству и формализму в искусстве, к современной буржуазной упадочной художественной культуре» [2].

В советской пропаганде неоднократно подчеркивалось, что

советская живопись в своих произведениях совершенствует традиции реализма. Не случайно, все попытки уйти от этого стиля неизменно сопровождались интенсивной нигилистической критикой станковизма. Советские деятели всегда отмечали, что искусство принадлежит народу, что оно должно быть понятно и воспитывать людей в духе коммунизма. «И эта прогрессивная, гуманистическая устремленность нашей живописи особо рельефно обозначается на фоне деградации западного модернизма, запутавшегося в бесконечных вывертах модных течений – поп-арта, сюрреализма, абстракционизма... Несмотря на подобные псевдонноваторские эксперименты, искусство Запада испытывает застой и упадок» [6, с. 16].

С конца 1962 г. ограничение свободы творчества ужесточи-

лось. Московский художник-символист Б. Г. Биргер («Портрет литературоведа А. Морозова») за резкую критику официального искусства дважды (в 1962 г. и в 1968 г.) исключался из Союза художников. Он был также исключен из рядов КПСС. Несколько лет не выставлялись работы Э. И. Неизвестного, чьи произведения на выставке в Манеже Н. С. Хрущёв назвал «дегенеративными». После ухода Н. С. Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК КПСС Э. И. Неизвестный стал получать госзаказы, но премиями его работы не награждались.

Развитие неофициального искусства стало одним из ярких признаков десталинизации общественной жизни, фактором формирования искусства андеграунда. Однако негативная реакция партийной общественности знаменовала собой, в числе

Библиографический список

1. Вайль, П. 60-е. Мир советского человека. Изд. 3-е [Текст] : монография / П. Вайль, А. Генис. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 432 с.
2. Записка министра культуры СССР Н. А. Михайлова о влиянии буржуазной идеологии на художественную интеллигенцию Москвы и Ленинграда в ЦК КПСС [не позднее 21 января 1957 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55509> (дата обращения: 06.04.2016).
3. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущёва: В 2 т. Т. 2 / Авт.-сост. А. Н. Артизов, Л. А. Величанская, И. В. Казарина и др. / Ред. Н. Г. Томилина. – М.: Международный фонд «Демократия», 2009. – 880 с.
4. Пономарев, Б. Н. История Коммунистической партии Советского Союза [Текст] / Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев. – М.: Политиздат, 1982. – 784 с.
5. Таганская выставка [Электронный ресурс] // Фонд Русского абстрактного искусства: <http://ruabstract.com/events/4> (дата обращения: 01.05.2016).
6. Угаров, Б. О картине [Текст] / Б. Угаров // Огонёк. – 1985. – №4. – С. 16-17.
7. Шехтер, Т. Е. Неофициальное искусство Петербурга (Ленинграда) как явление культуры второй половины XX века: текст лекций [Текст] / Т. Е. Шехтер. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 137 с.

УДК 94(470)"1965/1987" + 930(470)"1965/1987"

Шаронов И. А., Балакин В.С.

Застой и перестройка: опыт изучения советских экономических реформ 1965 и 1987 года в российской историографии

В статье проанализирована литература, посвященная экономическим реформам 1965 и 1987 гг. Автор показал, что одной из основных идей в литературе является определение и интерпретация роли государства в экономике. В первую очередь это воззрения приверженцев «сильного государства». Значительная часть авторов актуализирует положение о свободном рынке. Среди последних выделено две подгруппы. Первая оценивает рынок, его элементы как средство решения проблем плановой экономики, а вторые считают его причиной краха СССР. Такой характер экономической мысли привел к расколу историографического поля и к отсутствию синтезированной концепции.

Ключевые слова: СССР, плановая экономика, хозяйственная реформа 1965 года, историография, экономическая реформа 1987 года, перестройка, эпоха застоя

Шаронов Иван Андреевич, г. Челябинск, ул. Сони Кривой 36-33, ЮУрГУ, Южно-уральский государственный университет, магистр истории, Контактный телефон 89000856178, e-mail sharonovivan@mail.ru

Балакин Виктор Сергеевич, доктор исторических наук, профессор ЮУрГУ

UDK 94(470)"1965/1987" + 930(470)"1965/1987"

Sharonov I. A., Balakin V.S.

Zastoy and perestroika: experience of study economical soviet economical reform 1965 and 1987 in russian historiography

In page study literate about problem economic reform 1965 and 1987 years. Author is appreciating their contribution in the study of the topic and demonstrated the connection approach to interpretation of the past with position on the role of government in the economy. This is primarily the view of supporters of free markets and the "strong state". Among the latter, I can distinguish two subgroups. The first assesses the market, its elements as a means of solving the problems of planned economy, while the latter consider it the cause of the collapse of USSR. This pattern of historiography led to one-sidedness in the study of the economic reform.

Keywords: USSR, planned economy, economic reform of 1965, historiography, economic reform 1987, Perestroika, era of stagnation

Sharonov Ivan Andreevich, Chelyabinsk, st. Soni-Krivoy 36-33, SUSU, South-Ural State University, master of History, Chelyabinsk, contact-phone 89000856178, e-mail sharonovivan@mail.ru

Balakin V.S., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, 2679101@mail.ru

CDU 94(470)"1965/1987" + 930(470)"1965/1987"

Sharonov I.A., Balakin V.C.

Empantanamiento y Perestroika: estudio de las reformas económicas soviéticas de 1965 a 1987 en la historiografía rusa

En este artículo se analiza la literatura dedicada a las reformas económicas en los años 1965 - 1987. Los autores muestran que la idea principal en esta literatura historiográfica es la definición e interpretación del papel del Estado en la economía. En esta historiografía, el primer lugar lo ocupan la visión de los adeptos del "Estado fuerte". Los otros autores subrayan el papel del mercado libre, y entre ellos existen dos subgrupos. El primero destaca el mercado y sus elementos como medios para la resolución de los problemas de una economía planificada, y el segundo considera al mercado como la causa de la quiebra de la URSS. Estas dos corrientes del pensamiento económico condujeron a la escisión del campo historiográfico, lo cual explica la ausencia de una concepción sintética.

Palabras clave: URSS, economía planificada, reforma económica del año 1965, historiografía, reforma económica del año 1987, perestroika, época del empantanamiento

Sharonov Iván Andreevich, c.
Cheliabinsk, Sonia Krivaya 36-33
Universidad Estatal de los Montes Urales
del Sur es Magistrante en Historia.
Teléfono celular: 89000856178, e-mail:
sharonovivan@mail.ru

Balakin Victor Sergueevich es Doctor
en Ciencias Históricas, Profesor de la
Universidad Estatal de los Montes
Urales del Sur

Научным сообществом предпринимаются многочисленные попытки изучения советского периода истории России. Используются различные подходы и методы исследования, однако до сих пор в науке отсутствует консенсус по многим вопросам. В особенности это характерно при оценке феномена советской модели экономики, ее потенциала, возможности успеха различных вариантов реформирования в рамках экономических реформ 1965 и 1987 гг. Пытаясь ответить на эти вопросы, исследователи создали значительный объем литературы, который требует своего анализа. Изучение историографии позволит оценить степень изученности экономических реформ 1965 и 1987 гг., наметить новые темы исследований и рассмотреть потенциал использования компаративистского подхода к изучению этих попыток изменения советской экономики.

Первые работы, посвященные экономическим реформам, вышли из-под пера экономистов, среди которых можно выделить три направления. Первое принадлежит сторонникам радикальных реформ и рыночной экономики, второе – сторонникам конвергенции плана и рынка. К последней группе следует причислить ученых негативно оценивающих попытки усиления рыночных начал в советской модели плановой экономики.

Экономисты-рыночники придерживались мнения о

неэффективности советской модели экономики, которая не поддается реформированию и поэтому нуждается в замене рыночной экономикой. В своих работах они акцентировали внимание на несовместимости рынка и централизованного планирования, институциональной среде реформ и ошибках правительства. По их мнению, высокая цена реформ была вызвана нежеланием проводить болезненные, но необходимые радикальные меры по трансформации экономической системы.

Одной из первых работ об экономических реформах стала коллективная монография [7]. Один из авторов книги – Ю.Ф. Воробьев описал две экономических реформы 1965 и 1987 года. Он полагал, что в рамках первой произошел пересмотр многих базовых экономических понятий, такие как рынок, товарно-денежные отношения, однако из-за того, что реформа не затронула основ системы, ее осуществление кардинально отличалось от замысла [7, с. 230]. По его мнению, в ходе реформы 1987 года существовала возможность поэтапного перехода к демократии современного типа при условии «разгосударствления» предприятий и превращения их в субъект рынка [7, с. 241-242], однако ее не удалось реализовать из-за сопротивления властей, что и привело к краху системы в 1991 году

Трактовка советских экономических реформ, как попытка адаптации к требованиям научно-технической революции и постиндустриального общества представлена в работах В.А. Мау. По его мнению, основные мероприятия экономической реформы 1987 года опирались на программу «совершенствования хозяйственного механизма», истоки которой относились к реформе 1965 года и дискуссиям вокруг нее [6, с. 11]. Главная идея данного направления состояла в улучшении производственных результатов за счет расширения самостоятельности предприятий и увязке вознаграждения с результатами работы. К ее существенным недостаткам относилось отсутствие равновесных цен и собственника, заинтересованного в инвестировании [6, с. 13]. Реализация реформы привела к тому, что государственные предприятия, освободившись от контроля бюрократии, не имели над собой реального контроля со стороны собственника и рынка, что провоцировало популизм (рост потребления в ущерб инвестициям) и криминальную деятельность [16, с. 69]. Последующая экономическая политика определялась демократизацией вызвавшей ослабление государства и начавшимся политическим противостоянием между союзным и республиканским центром [6, С. 24]. Попытка выхода из кризиса представляется сторонниками этого направления, как последовательная смена трех путей – умеренного представленного правитель-

ством Рыжкова и Абалкина, «административно-стабилизационного» олицетворяемого В. С. Павловым и ГКЧП и «рыночно либерального» связанного с Гайдаром и Явлинским. Неудача административной стабилизации и отсутствие политических ресурсов у правительства Н. Рыжкова оставляла в качестве единственного не одобренного пути рыночную либеральную модель [16, с. 79].

Рассматривая экономические дискуссии 50-60-х гг. он отметил, что главным открытием советских экономистов стала идея отрыва оценки работы предприятия от плана и внедрения качественных показателей оценки его деятельности [17, с. 62]. Но эти идеи были плохо совместимы с плановой экономикой.

Попытку дать анализ феномену советской экономической мысли, советской модели экономики и экономическим реформам предпринял В.М. Кудров. По его мнению, нерыночный характер экономики СССР лишал ее внутренних двигателей развития и предопределял ее последующий крах. Реформы А. Н. Косыгина в 1965 и 1979 году при этом характеризуются как рыночные, а заложенные в них идеи получили развитие в горбачевской перестройке. Существенным недостатком этих реформ Кудров считал их ограниченность. Их пределом выступала идея рыночного социализма [5, с. 74], а не отказ от советской модели экономики, что, по мнению автора, обусловило последующие труд-

ности. Критические замечания автор высказывал в адрес советской экономической науки, где он выделял политэкономическое и прикладное направление. Если первое называлось бесполезным и даже вредным, то последнее решило множество важных проблем в науке, создало задел для работ в условиях рынка, подготовило почву для реформы 1965 года [5, с. 136]. В тоже время, это направление советской экономической науки не создало научной основы для изменения советской системы и сохранило многие социалистические заблуждения. При этом автор не объясняет причину появления таких ученых как Н. Я. Петраков, Г. А. Явлинский, С. С. Шаталин, П. О. Авен, Е. Т. Гайдар, И. Я. Бирман и других, которые по своим воззрениям к концу перестройки являлись приверженцами рыночной экономики.

Дополнил идеи В.А. Мау и других ученых об экономических реформах Е. Г. Ясин. Отмечая высокое значение реформы 1965 года, он полагал, что ее поступательное развитие на пути к рынку давало шанс относительно безболезненного перехода к рынку без шоковой терапии [19, с. 71]. Помешало осуществлению этого варианта политическое руководство, испугавшееся угрозы политической либерализации. В 1987 году возможности безболезненного перехода уже были упущены и поэтому, наилучшим вариантом являлось скорейшее проведение радикальной экономической реформы. Долгое откла-

дывание правительством ее реализации, компромиссный и противоречивый характер мер советского правительства, популизм подвели экономику к пропасти, что предопределило высокую цену стабилизации в 90-е годы. В этой группе экономистов подробно рассмотрена идейная основа хозяйственных реформ, институциональная среда в которой они протекали, процесс их подготовки и осуществления, сопротивление и несовместимость советской системы с рыночными элементами, проанализированы ошибки в экономической политике правительства. Однако вместе с тем акцентируя внимания на институтах и недостатках государства, они часто мало внимания уделяли негативному ущербу, который наносили хозяйству СССР новые квази-рыночные институты. Проводимая через многие труды идея о неизбежности распада СССР, как необходимом и почти безальтернативном условии прогресса является спорной. Вина за высокую цену реформ кладется на советское правительство, не желавшее проводить непопулярные, но необходимые меры для спасения экономики, тем самым полностью оправдывая команду, осуществлявшую в 1990-е годы радикальные рыночные реформы.

Представители следующей группы экономистов выступали приверженцами пути постепенного реформирования советской системы, итогом которых, стало бы органичное сочетание плана и рынка в разных пропор-

циях в зависимости от убеждения каждого конкретного ученого. Им принадлежит подробное описание процессов подготовки реформ, их концепции, проведения и дальнейшего развития. В.Т. Рязанов рассматривал экономические реформы 1965 г и второй половины 80-х в контексте общего цикла реформ [11, с. 48; 51] в России. Реформа 1965 года выделялась в связке с другими мероприятиями правительства 50-х, их смысл заключался в возрождении рыночных тенденции в СССР. Свертывание реформы 1965 года объяснялось политическими факторами – гонка вооружений, подавлением пражской весны 1968 г [11, С. 51]. Содержание Перестройки состояло в попытке преодоления кризиса социализма, который стал в результате разрушения СССР системным. Разрушение советской системы обусловлено борьбой за власть и ошибками в проведении экономической политики [11, с. 489].

Р.А. Белоусов подробно рассмотрел историю подготовки и проведения реформ 1965 и 1987 года, а также их итоги в многотомной работе по экономической истории России. Реформа А.Н. Косыгина описывается как сочетание идей практиков (работников государственного управления) и экономистов, где ключевая роль принадлежала первым. При этом прекращение реформы он связывает не с наступлением «застоя» (она продолжалась в виде создания производственных объединений), а по време-

ни с концом 1970-х, в том числе и со смертью А.Н. Косыгина.

Повествуя о реформе 1987 года, автор отметил ключевую роль представителей экономической науки [2, с. 139]. Ослабление государственного контроля над предприятиями в результате реформ привело к тому, что они стали действовать в ущерб обществу. Кризис в СССР объясняется им совокупностью просчетов в проведении реформ и усугублялся начавшимся с 1990 года разложением государства [2, с. 164]. Р.А. Белоусов подробно описывает историю правительственных программ по переходу к рынку и особенно программу «500 дней». Он критикует ее за ориентацию на интересы «богатых членов общества, высокие темпы преобразований» и веру в регулируемую силу рынка, который в условиях дефицитной экономики только усугублял дисбалансы [2, с. 152].

Дополнил сведения об экономических реформах 1965 и 1987 гг. в СССР в своих очерках В.М. Иванченко, являвшийся одним из непосредственных участников проведения реформы 1965 года. Суть экономических реформ 1965 и 1987 года он определял, как возвращение в систему плановой экономики реального товарного рынка [1, с. 58]. Автор подробно описывал в рамках советских интерпретаций основные мероприятия реформы 1965 года. Период «проведения этой реформы» он также как Р.А.Белоусов доводил до конца 70-х гг., когда основным ее содержанием

«стало создание производственных объединений» [1, с. 54-56], которые дали ей «второе дыхание». Однако, справедливо будет отметить, что какая-то особая роль производственных объединений в повышении качественных показателей развития экономики обоснована авторами не была. Неудача замысла по интегрированию рынка в плановую экономику объяснялась В.М. Иванченко политическими причинами [1, с. 62]. Экономисты этого направления описали процесс подготовки реформ и их реализацию, а причины неудачи связывали в основном с личным и политическим фактором. Подобная однобокость в объяснении причин неудачи реформ, игнорирование проблем связанных с «зависимостью от исторического пути», а также сопротивления со стороны «хозяйственно-бюрократической системы» делает их позицию уязвимой. Видимо формирование образа этих умеренных реформ, как конструктивной альтернативы проведенным на практике в конце 80-х и начале 90-х мер по созданию рыночной экономике, отражало как их негативное отношение к сложившейся на практике современной экономической модели, так и неприятие факта распада СССР.

Экономисты, оценивавшие негативно влияние рыночных элементов на советскую экономику, считали, что они вели к ослаблению государственного контроля и позволяли экономическим субъектам действовать в ущерб общим интересам. Они

акцентировали внимание на неэкономических факторах хозяйственной деятельности, отмечали специфическую роль политической власти в регулировании экономики СССР. Так, Ю.В. Яременко видел причину кризиса СССР в ослабление центральной власти КПСС как главного консолидирующего элемента советского общества [18, с. 28; 29; 36]. Это стало причиной усиления эгоизма министерств и ведомств, чрезмерной милитаризации и как следствие, структурного неравновесия [18, с. 39-41]. Попытка перехода к рынку в этих условиях усугубила проблемы, поскольку предприятия с ликвидацией «планового пресса» сохранили старые поведенческие паттерны и утратили стимулы к росту [18, с. 47-48], продолжая по-старому укрывать ресурсы. Для перехода к рынку, полагает автор, требовалось как минимум достижение структурной сбалансированности.

Оригинальная интерпретация советской экономической истории содержится в трудах Г.И. Ханина. Он крайне негативно оценивает результаты реформы 1965 года, считая, что все показатели, свидетельствующие в ее пользу, являлись статической иллюзией или благоприятным стечением обстоятельств [13, с. 363]. Более того, она, по его мнению, привела к снижению эффективности и ослабила плановую систему [14, с. 316]. Для экономической науки она стала сигналом к «заимствованию методов капиталистического хозяйствования»

вместо поиска специфических методов присущих социалистической экономике [14, с. 314]. Однако, можно отметить, что, например, школа Н.А. Цаголова активно разрабатывала именно политическую экономию социализма. Причины неудачи реформы при этом он связывал с низким интеллектуальным уровнем советских руководителей и нежеланием бюрократов проводить какие-либо серьезные изменения [14, с. 314-315]. При этом сравнивая реформу 1987 года и хозяйственную реформу 1965 года, Ханин оценивал последнюю лучше, поскольку радикальные меры периода перестройки вызвали хаос, не создав ни плана, ни рынка [15, с. 48]. Реформа 1987 г. увеличила негативное влияние на хозяйство страны, расширив возможности по реализации узко групповых интересов в ущерб обществу [15, с. 48-49], на фоне усугублявшегося кризиса морали и деградации руководящих кадров. Рассматривая советскую экономическую науку, он отмечал ее способность адекватно оценить состояние экономики СССР, которая нивелировалась ограниченностью предлагаемых рекомендации [15, с. 320] и игнорированием неэкономических факторов [15, с. 321]. Таких, например, как менталитет, что стало результатом пренебрежения общественными науками и гонений на стремящихся к объективности ученых.

Труды представителей этого направления затронули тему сравнения реформы 1987 и 1965 года, сочетания плана и

рынка, а также роль политической власти в обеспечении эффективной работы советской экономики. Стремясь показать несвоевременность и разрушительность рыночных реформ, они продемонстрировали негативное воздействие различных элементов рынка на функционирование социалистической экономики.

В тоже время необходимо отметить, что подобная позиция, вызванная сочувствием к сильному государству и социализму, сочетавшаяся с подтверждением скептических ожиданий от перехода к рыночной экономике привела к недооценке некоторых негативных проблем советской экономики. При рассмотрении хозяйственной реформы 1965 года недооценивалась степень сопротивления бюрократического аппарата реализуемым преобразованиям, что нивелировало их потенциальный негативный эффект и в целом игнорировался факт исчерпания экстенсивных факторов роста при одновременном снижении управляемости экономики вызванного усложнением ее структуры.

Активно изучением проблем экономических реформ занимались и историки. Они исследовали проблемы отношения внутри хозяйственных субъектов, публичную дискуссию вокруг реформ, влияние политики на проведение экономической реформы, а также пытались осмыслить эти реформы в рамках общеисторического контекста. Среди них следует выделить две большие группы.

К первой относятся сторонники модернизации. Историки данного направления пытаются объяснить реформы как попытку приспособиться к новым требованиям постиндустриального общества или вдохнуть новую жизнь в систему, исчерпавшую мобилизационный потенциал. Рассматривая реформы в общеполитическом контексте, они отмечали структурные изменения, которым подвергся СССР и какие причины вызвали кризис советского общества. Существовали различия в оценках и реформ, так А.В. Шубин отмечал, что хозяйственная реформа превосхищала идею конвергенции, пытаясь привить социалистической экономике формальные элементы рынка, что еще больше усугубило кризис [12, с.104]. Иного мнения придерживался А.Г. Вишневский, который полагал, что хозяйственная реформа 1965 года при своем осуществлении стала бы существенным шагом [4, с. 72] к нормальной современной экономике. Ее неудачу он связывал с сопротивлением системы. СССР являлся страной, не завершившей модернизацию, поскольку в советской экономике отсутствовали механизмы саморазвития. Исчерпав источники роста, она превратилась в барьер тормозящий развитие и потому нуждалась в демонтаже и замене ее нормальными рыночными механизмами. В этом ключе автор рассматривал содержательные части обеих реформ. Экономическая реформа 1987 года являлась результатом гласности,

открывшей несостоятельность системы «бюрократического рынка». Возникшие в ходе преобразования проблемы объясняются А.Г.Вишневским особенностями переходного периода, связанного с крутым переходом к новой экономической модели. В контексте политической истории рассмотрены экономические реформы в монографиях Пихойи [9], [10].

Другая группа историков понимает прошедшие реформы как процесс постепенного и целенаправленного [2] возрождения капитализма, верхушкой КПСС при содействии иностранных государств, начиная с 1965 года и завершая его Перестройкой. Реформа А.Н. Косыгина в 1965 году привела к «неформальной приватизации», породила негативные явления в народном хозяйстве [2], [8], свела на нет плановый характер экономики, а также открыла дорогу «ренегатам» Б. Н. Ельцину и М. С. Горбачеву [2], которые стремились разрушить систему. В данных воззрениях выражено представление ортодоксальных коммунистов и близких к ним «государственников». Видя только положительное в советской системе, они склонны полагать, что причинами краха СССР стало по сути внешние по отношению к ней причины (внедрение элементов капиталистической экономики, иностранное вмешательство, вредительство со стороны элиты), а внутренние они игнорируют.

Исследования экономистов и историков привели к накопле-

нию большого материала по теме экономических реформ. В историографии подробно описан процесс подготовки и осуществления реформ, содержания предлагаемых мероприятий, однако оценка и интерпретация их неоднозначны, что связано с политическими и общественными проблемами, которые еще не завершились и присутствуют в современном общественном дискурсе. Приверженцы рыночной экономики акцентируют внимание на провалах государства, а их оппоненты на негативном воздействии рыночных элементов на плановое хозяйство. Свое влия-

ние оказывают и относительная хронологическая близость рассматриваемых явлений, для многих исследователей реформы являлись частью личного опыта, что обуславливает особую субъективность. По этой причине в полной мере не описана история развития экономической мысли в годы экономических реформы 1965 и 1987 года, развитие хозяйственной реформы 1965 года, ее влияние на реформу 1987 года, многие вопросы реформы, такие как степень проработанности проектов реформ, их результаты и причины неудачи остаются дискуссионными. Многие темы

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Экономическая история СССР: Очерки. [Текст]: Активная монография/ М.: ИНФРА-М, 2007– 496 с.
2. Антонов М. Капитализму в России не бывать! [Электронный ресурс]: Монография//http://www.chri-soc.narod.ru/kapitalizmu_v_rossii_ne_bivat.html (дата обращения: 30.10.2016)
3. Белоусов Р.А. Экономическая история России. XX век. Книга пятая. Драматический кризис в конце столетия [Текст]: Монография/ Р.А. Белоусов – М.: ИздАТ, 2006 – 464 с.
4. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР [Текст]: Монография/ А.Г. Вишневский – 2-ое издание – М.: Издательский дом государственного университета – Высшей школы экономики, 2010 – 430 с.
5. Кудров В.М. Крах советской модели экономики [Текст]: Монография/ Рецензенты Н.П. Шмелев, М.А. Портной – М.: Московский общественный научный фонд, 2000 – 235 с.
6. Мау В.А. Перестройка: теоретические и политические проблемы экономических реформ [Текст]: Статья/ Вопросы экономики 1995 №2. – С. 6– 29.
7. Очерки экономических реформ [Текст]: Коллективная монография/ Ю.Ф. Воробьев, Н.Д. Ленюхина, А.А. Скробов и др. – М.: Наука, 1993 – 272 с.
8. Пихорович В.Д. Невостребованная альтернатива рыночной реформы [Электронный ресурс]: Статья/ (дата обращения: 30.10.2016)
9. Пихойя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945-1991. [Текст]: Монография/ Ред. А.В. Бибина, А.Д. Журавлева – Новосибирск.: Сибирский хронограф – изд. 2-ое, исправленное и дополненное – 684 с.

10. Пихойя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985-2005 [Текст]: Монография/ Р. Пихойя – М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007 – 554 с.

11. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.[Текст]: Монография/ СПб.:Наука, 1998 - 796 с.

12. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917-1985 гг. [Текст]: Монография/ М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000 – 768 с.

13. Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избранные труды в двух томах – Т. 1 [Текст]: Сборник статей/ Г.И. Ханин – Новосибирск: Издательство СибАГС, 2015 – 384 с.

14. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год [Текст]: Монография/ Г.И. Ханин – Новосибирск: Издательство СибАГС, 2008 – 516 с.

15. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988-1991 годах [Текст]: Монография/ Г.И. Ханин – Новосибирск: Издательство СибАГС, 2010 – 408 с.

16. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991-1997 [Текст]: Коллективная монография/ Глав. Ред. Е.Т. Гайдар, Н. Главацкая В.А. Мау, Л. Лопатников и др. – М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998 – 1113 с.

17. Экономика России. Оксфордский сборник. Книга 1 [Текст]: Коллективная монография/М. Алексеев, Ш. Вебер – М.: Издательство Института Гайдара, 2015 – 776 с.

18. Яременко Ю. В. Экономические беседы. Диалоги с С. Белановским [Текст]: Интервью/ Г. А. Яременко – М.: Центр исследования и статистики науки, 1998 – 343 с.

19. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. [Текст]: Монография/ Е.Г. Ясин – М.: ГУ ВШЭ, 2002 – 437 с.

УДК 94(470)“1960/1980”

Янцевич Е.С., Балакин В.С.

Конформизм в СССР как социально-политическая практика и средство создания психологического комфорта

В статье рассматриваются психологически комфортные модели поведения советского общества эпохи позднего социализма, стратегии выживания в тоталитарной системе, взаимоотношения государства и общества. Поднимается вопрос о формах политической вовлеченности советского человека. Анализируется высказывание А. Д. Сахарова на предмет количественного преобладания людей с психологически комфортными моделями поведения.

Ключевые слова: психологический комфорт, десталинизация, оттепель, застой, стратегии выживания, модели поведения, конформизм, политический активизм, диссидентство, авторитетный дискурс, принцип вменяемости

Евгений Сергеевич Янцевич, студент Исторического факультета ЮУрГУ

Балакин Виктор Сергеевич, доктор исторических наук, профессор ЮУрГУ

UDC 94(470)“1960/1980”

Yantsevich E.S., Balakin V.S.

Conformism of the USSR as a socio-political practice and a means of creating psychological comfort

The article is devoted to the problem of conformism in USSR. The work gives a description of psychological comfort appropriate to a period of late socialism. It raises the question of the Soviet form of political involvement, of interaction between regime and society. Analyzed the statement of Andrei Sakharov about people with the behavior of psychological comfort.

Keywords: psychological comfort, late socialism, destalinization, оттеpel, zastoy, survival strategies, types of behavior, conformism, political activism, dissidence, authoritarian discourse, outsideness

Yantsevich Evgeniy, South Ural
State University

Balakin V.S., South Ural State Univer-
sity, Chelyabinsk, Russian Federa-
tion, 2679101@mail.ru

CDU 94(470)“1960/1980”

Yantzevich E.S., Balakin V.C.

El conformismo en la URSS como práctica sociopolítica y como medio de creación del confort psicológico

En el artículo se analiza los modelos psicológicamente confortables de la conducta de la sociedad soviética durante la época del socialismo tardío; las estrategias de sobrevivencia en el sistema totalitario y las relaciones entre el Estado y la sociedad. Se plantea el problema de la diversidad de formas de involucramiento político del hombre soviético. Se analiza la tesis de A. D. Sajarov sobre la prevalencia de los hombres, portadores de los modelos de conducta psicológicamente comfortable.

Palabras clave: confort psicológico, destalinización, deshielo, empañamiento, estrategia de sobrevivencia, modelos de la conducta, conformismo, activismo político, disidentismo, discurso autoritario

Yantzevich Evgenii Sergeevich es
Estudiante de la Facultad de la
Historia de la Universidad Estatal de
los Montes Urales del Sur

Balakin Victor Sergueevich es
Doctor en Ciencias Históricas,
Profesor de la Universidad Estatal
de los Montes Urales del Sur

В новейшей литературе уже поставлена проблема «многоликости» социального конформизма. В сборнике «Иного не дано», вышедшем в 1988 году, были собраны статьи ряда ведущих представителей советской интеллигенции по наиболее острым вопросам коренной перестройки всех сфер жизни советского общества. Среди прочих были размышления А. Д. Сахарова. Рассуждая о периоде застоя, в котором долгое время находился Советский Союз, физик-теоретик, академик АН СССР пишет следующее: «И все же после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более "цивилизованной", с лицом, если и не совсем человеческим, но, во всяком случае, не тигриным. Более того, в каком-то смысле эта эпоха была психологически комфортной для некоторой части населения. И в то же время она действительно была эпохой застоя, страна все более и более заходила в тупик!» [1, с. 123] Из содержания статьи следует, что эпоха, выделяемая А. Д. Сахаровым, датируется не позднее XX съезда КПСС (1956) с одной стороны и началом перестройки (вторая половина 1980-х) с другой. Таким образом, эпоха, о которой пишет учёный, растянулась на три десятилетия, что, по сути, соответствует периоду позднего социализма.

Для того чтобы проанализировать какая «часть населения»

ощущала окружающую среду в позднем социализме как комфортную, обратимся к трактовке термина «психологический комфорт». В. М. Блейхер и И. В. Крук в толковом словаре психиатрических терминов дают следующее определение:

«Комфорт – комплекс максимально благоприятных для субъекта условий внешней и внутренней среды, включающий и факторы психологические. В состоянии комфорта отмечается отсутствие напряжения психических и физиологических функций организма. В значительной мере чувство комфорта зависит от состояния гомеостаза. О субъективных ощущениях, присущих состоянию комфорта говорят, как о чувстве комфорта» [2].

Обращая внимание на изменение «лица тигриного» на «человеческое», А. Д. Сахаров, вероятно, имеет в виду именно «отсутствие напряжения», по крайней мере, его ослабление в сравнении с периодом сталинской системы власти. Действительно, после смерти вождя основные претенденты на наследство не выстраивают преемственную линию с отцом народов, тем самым, казалось бы, легитимируя собственную власть, а наоборот пытаются эту линию разорвать.

Избавление от авторитета диктатора необходимо для проведения мало-мальски эффективных экономических реформ, которым противоречил методологический курс, выстроенный И. В. Сталиным, о чём пишет Р.

Г. Пихоя [6, с. 224]. Начатая десталинизация, кроме того, становится средством борьбы за власть [6, с. 297 - 298]. Нельзя отрицать и личностный фактор. Однако таким образом, снижается давление на общество, начинается массовая реабилитация осуждённых и восстановление в правах их семей. Всё это не могло не сказаться на психологическом климате, как минимум этой части населения.

Кульминацией политики десталинизации стал XX съезд КПСС, на котором была предпринята попытка деконструкции культа личности. В период хрущёвского правления разрыв со сталинским наследием коснулся многих сфер деятельности, но ярче всего он проявился в культуре. Так называемая оттепель связана в первую очередь с ней. Появляются новые литературные журналы (Нева, Юность), в которых ослабляется государственная цензура. Растёт количество кинокартин, инициированных в первую очередь самими авторами. Происходит смена художественных ориентиров в искусстве, сталинский соцреализм остаётся лишь на полке истории.

Говоря о социальных группах периода позднего социализма, не ощущающих напряжения со стороны государства (или ощущающих его в меньшей степени), стоит обратить внимание на некоторых представителей интеллигенции. В книге «[60-е. Мир советского человека](#)» П. Вайль и А. Генис пишут о том, что учёные были самой свободной частью советского общества, особен-

но в аспекте интеллектуальной деятельности, и имели больше реальных политических прав, чем остальное население [3, с. 104]. Особенно комфортная среда царил в лоне деятельности физиков-теоретиков. По воспоминаниям Б. Альтшультера (научный сотрудник ЛИАФ 1979-1989), которые приводит в своей монографии «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» А. Юрчак, процедура выбора исследования была гораздо более свободной, чем в США, где учёный-физик работает с начала постсоветского времени [8, с. 281]. Дело в том, что, пользуясь доводом об успехах физической науки, зачастую основанных на неожиданных открытиях, учёной интеллигенции удалось убедить руководство позволить проводить исследования в соответствии лишь с собственным видением и желанием [8, с. 278].

Возвращаясь к десталинизации необходимо отметить её проявление в архитектуре, так называемой, “деконструкции большого стиля”, о чём пишет Н. Б. Лебина [5, с. 23 - 68]. Выразилось это в массовой застройке недорогих жилых типовых строений (хрущёвок). Советский человек получил частное пространство, мало-мальски комфортную среду, что должно было отразиться и на психологическом состоянии.

Улучшение бытовых условий происходило и в эпоху Л. И. Брежнева. Однако эпоха оттепели со сменой партийного лидера практически закончи-

лась, а с подавлением попыток преобразования в Праге в 1968 г. фактически сменилась привычными заморозками. Как пишет В. Г. Бушуев, – в результате общество почувствовало, что “режим не способен на проведение обещанных им самим преобразований, правящая элита ни при каких обстоятельствах не допустит никаких серьёзных перемен” [4, с. 134]. В действительности, это ощущение усилилось с притоком прибыли от экспорта нефти и газа в 70-х гг. Что стало следствием окончательного исчезновения импульса и потребности к структурным изменениям, а также формирования крупного бюрократического аппарата.

По мнению А. В. Шубина, – “основное правило игры в системе советской экономики - получить дефицитный ресурс” [7, с. 54]. Положение в карьерной иерархии гарантировало доступ к дефицитному ресурсу. Таким образом, формировалась система, благоприятно влияющая на развитие карьеризма и одновременного “врастания в место”, не позволяющего каких-либо изменений, способных отделить субъекта от предполагаемых благ. В этих условиях происходило сращивание криминального капитала с бюрократическим аппаратом, процветала коррупция [7, с. 54 - 56]. В системе, где лояльность обеспечивала доступ к властному и дефицитному ресурсам, комфортно чувствовали себя конформисты.

В ситуации, когда общество отделено от реального рычага

воздействия на политический курс, но при этом политические процедуры и формы продолжают существовать, формируется своеобразная поведенческая модель. Разумеется, субъект выстраивает стратегию выживания в рамках этой модели. Право выбора сменяется на “право единодушно одобрять” [4, с. 138]. Неспособность реально влиять на действительность в совокупности с утратой доверия к властным структурам, по словам В. Г. Бушуева, повлекли за собой “уход от ответственности в себя” [4, с. 139]. “Вырабатывалось полное отвращение ко всякой инициативе” [4, с. 137]. Всё более распространённым становится негативное отношение к любому виду социальной или политической активности. “Не высывайся!” и “Тебе что, больше всех надо?” – типичные для эпохи слова, которые, как нельзя лучше, характеризуют избранную обществом стратегию выживания.

Интересно, что про своеобразный уход от действительности пишет и А. Юрчак. Правда, в книге «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» автор нарочито избегает таких противопоставлений как государство и общество, подавление режимом и ответное сопротивление, официальная культура и неофициальная, а также ещё ряда уже утвердившихся в историографии понятий. Причиной тому является их бинарность, своеобразная идеальная полярность, которые, на самом деле,

не отражали реальную жизнь. Как уже было сказано выше, общество позднего социализма одинаково не поддерживало, а точнее было безразлично к активизму позитивному и негативному, не интересовалось и часто даже не знало о диссидентстве, но также и "не относилось и к авторитетному дискурсу партии как к описанию реальности" [8, с. 219]. Представители политически активных социальных групп выпадали из пространства, так называемой, "нормальной жизни". Не потому, что субъект сторонился контактов с ними по причине предполагаемых санкций (например, в случае с диссидентами), а вследствие простого отсутствия интереса к проблемам, поднимаемым ими. Более того, по словам А. Юрчака формируются целые социальные среды, где разговор на политические темы даже высмеивается [8, с. 282]. В частности, "ленинградская музыкальная тусовка" и ещё ряд неформальных социальных обществ, естественно, представителями которых было в основном молодое поколение. Осознанно и неосознанно избирались "иные ориентиры, вместо политических и социальных, позволяющих вести интересную, насыщенную, творческую жизнь" [8, с. 265]. Справедливо заметить, что вряд ли такая модель поведения являлась типичной, тем не менее, своеобразный уход от социально-политической действительности был проявлением психологического комфорта. Однако схожие черты были и у большин-

ства. Так называемый принцип существования "вне", - как пишет А. Юрчак, - "стал общим принципом позднесоветской системы, составной частью её структуры" [8, с. 262]. Под этим принципом исследователь подразумевает вовлеченность в какую-либо деятельность советской системы, при этом игнорирование её большинства констатирующих смыслов авторитетных высказываний. Своеобразное построение жизни без вникания в подробности риторики государства. Автор также настаивает, что подобную модель нельзя называть аполитичной, так как в рамках такого поведения не воспринимался идеологический курс, декларируемый властью, что в свою очередь ведёт к внутреннему кризису структуры власти [8, с. 265, 289].

Одной из основ авторитарного государства является политическая вертикаль, посредством которой осуществляется контроль. Казалось бы, контроль со стороны идеологических институтов СССР должен был воздействовать на подавление личности. Однако в этой сфере также формировалась психологически комфортная среда, посредством ухода от буквального смысла к её формальному исполнению. Часто не воспроизводился буквальный смысл функций государственных общественных организаций. Так как важную роль играли межличностные отношения. Субъект проходил требуемые от него процедуры, своеобразные ритуалы, хоть и находил их бессмыс-

ленными (например, различные собрания). За это система в случае чего могла идти ему навстречу и даже избавлять от положенных за какие-либо проступки санкций. Дело в том, что самое важное в такой среде быть “своим” (такой термин вводит А. Юрчак), то есть соответствовать представлениям данной социальной группы о “нормальных людях”. “Свои” могли быть везде, в независимости от социального класса и статуса. В этом смысле, неправильно противопоставлять общество государству, потому что функции государства исполняли в большинстве те же “нормальные люди”. Однако, в случае выхода за пределы среды “нормальных”, сознательно неприятия негласных правил субъект переставал быть “своим”. Тогда со стороны этих организаций некогда формальные действия наполнялись буквальным смыслом, и часто субъект должен был пройти процедуру по всем нормам [8, с. 227]. Ряд примеров таких отношений внутри различных организаций приведены в монографии А. Юрчака.

Подводя итог, можно сделать вывод, что психологический комфорт возникал из привычной формулы: лояльным всё – нелояльным ничего. Однако в таком случае стоит признать, что общество принимало правила, выдвигаемые государством. Но, на наш взгляд, такая позиция не совсем корректна. Действительно, существовали комфортные среды, институционализируемые государством, но также

были подобные среды и вне государственных институтов. К тому же, эти самые правила не были плодами государственной риторики, а скорее были в некотором роде компромиссом, или даже общим трудом. В том плане, что социум часто адаптировал их под собственную жизнь, а не наоборот. Происходила повсеместная формализация, смещение от буквального смысла, что было инициировано не только государством, но и обществом. На наш взгляд, психологический комфорт в советском обществе эпохи позднего социализма определялся не столько лояльностью и принятием правил режима, сколько моделями поведения, которые не выходили за границы среды “нормальной жизни”, где существовало и государство, и общество одновременно. Таким образом, говоря о населении, нельзя выделить какие-то конкретные социальные классы, нужно лишь отметить, что, выходя за границы представления о “нормальных людях” человек мог испытывать психологический дискомфорт, то самое напряжение и со стороны государства, и со стороны общества. Возвращаясь к высказыванию А. Д. Сахарова, стоит признать, что эта самая “некоторая часть населения”, ощущавшая психологический комфорт, находясь в системе советского государства позднего социализма, на самом деле, была большинством.

Библиографический список

1. Афанасьев, Ю. Н. Иного не дано. Перестройка: гласность, демократия, социализм. / Под общ ред. Ю.Н. Афанасьева – М.: Прогресс, 1988. – 671 с.
2. Блейхер, В. М. Толковый словарь психиатрических терминов, 1995 г. / В.М. Блейхер, И.В. Крук. [Электронный ресурс] – <http://vocabulary.ru/dictionary/28/word/komfort> (дата обращения 3.05.2016)
3. Вайль, П. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. / П. Вайль, А. Генис. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 398 с.
4. Крумма, Р. СССР. Застой. Материалы конференции 5-6 ноября 2008 г. / под общ. ред. Р. Крумма, Л. Булавки. – М.: Культурная революция, 2009. – 472 с.
5. Лебина, Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деконструкция большого стиля: Ленинград, 1950 – 1960-е годы. / Н.Б. Лебина. – СПб.: Крига; Победа, 2015. – 484 с.
6. Пихоя, Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Издание второе, исправленное и дополненное. / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф; 2000. – 684 с.
7. Шубин, А. В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975-1985 гг. / А.В. Шубин – М.: Вече, 2008. – 368 с.
8. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. / А. Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

УДК 94(470)«1953/1956»

Горопашный В.В., Балакин В.С.

Реабилитация в СССР осужденных по 58-й статье: механизм, противоречия, итоги

В статье рассматриваются процесс реабилитации политических осужденных. Затрагивается тема причин и условий его проведения, а так же зависимость интенсивности рассмотрения реабилитационных дел от внутривнутриполитической обстановки. Предпринята попытка определить некоторые итоги противоречивого процесса реабилитации. В качестве основного источника привлекаются различные документы Президиума ЦК КПСС.

Ключевые слова: СССР, реабилитация, оттепель, 58-я статья, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев

Горопашный Виталий Владимирович,
магистрант Южно-Уральский государственного университета

Балакин Виктор Сергеевич, доктор исторических наук, профессор ЮУрГУ

UDC 94(470)«1953/1956»

Goropashny V.V., Balakin V.S.

Rehabilitation convicted in Article 58: a mechanism, contradictions, results

This article discusses the process of rehabilitation of political prisoners. It touched upon the causes and conditions for its implementation, as well as the intensity of the review of cases of rehabilitation of the domestic political situation . As the main source involved in various documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU.

Keywords: USSR, rehabilitation, thaw the 58 th article, Stalin, Khrushchev

Goropashnyy Vitaly Vladimirovich,
master of South Ural State University

Balakin V.S., South Ural State University,
Chelyabinsk, Russian Federation,
2679101@mail.ru

CDU 94(470)«1953/1956»

Goropashnii V.V., Balakin V.S.

La rehabilitación jurídica de los condenados según el artículo 58 en la URSS: mecanismos, contradicciones y resultados

En el artículo se analiza el proceso de rehabilitación de los reclusos políticos. Se describen los motivos y condiciones de su comportamiento y también la relación entre la velocidad del examen de los expedientes y la situación de la política interna. Los autores intentan hacer algunas conclusiones que se desprenden de un proceso controvertido de rehabilitación jurídica. Como fuente principal del texto se utilizan los documentos del Presidio de Comité Central del PCUS

Palabras clave: URSS, rehabilitación, deshielo, artículo 58, I.V. Stalin, N.S. Jruschev

Goropashnii Vitalii Vladimirovich es
Magistrante de la Universidad
Estatad de los Montes Urales del Sur

Balakin Victor Sergueevich es
Doctor en Ciencias Históricas,
Profesor de la Universidad Estatal
de los Montes Urales del Sur

Период правления Сталина до сих пор остается одним из самых обсуждаемых в российской историографии. Существование множества точек зрения во всем диапазоне от ярого почитания до абсолютного неприятия делают историографическую дискуссию весьма насыщенной.

Одной из наиболее обсуждаемых тем внутренней политики «вождя народов» являются репрессии по отношению к различным слоям советского общества, апогеем которых принято считать период так называемого «Большого террора» 1937-1938 гг. Впрочем, мощные витки репрессий отмечаются историками и в другие периоды. Исследователи еще не пришли к сколько-нибудь системным выводам о механизме и социальной основе массовых политических репрессий. Однако, их гигантский масштаб сегодня не вызывает сомнений у большинства как российских, так и зарубежных исследователей. Так, по усредненным данным, тому или иному наказанию за контрреволюционную деятельность, чрезмерно строгим наказаниям подверглось несколько десятков миллионов человек. Не мене актуальным является и изучение процесса реабилитации. Авторы рассматривают процесс реабилитации, начавшийся практически сразу после смерти Иосифа Виссарионовича, а именно процесс реабилитации, акцентируя внимание на осужденных по 58 статье Уголовного Кодекса РСФСР, и аналогичным статьям союзных республик.

Первые шаги к реабилитации некоторых групп советских граждан были сделаны еще в марте 1953 года, когда была объявлена амнистия для заключенных, срок наказания которых не превышал пяти лет [2, с. 4]. Ряд указов Президиума ЦК КПСС создавал определенные возможности для досрочного освобождения таких групп лиц как инвалидов, престарелых, беременных женщин. Однако все эти меры еще не носили ярко выраженного политического характера. Ещё одним постановлением стало принятие решения о создании партийных комиссий для работы в лагерях: «для рассмотрения дел лиц, отбывающих наказание за преступления политического характера и должностные преступления, и решения на месте вопроса об их освобождении» [5, с. 6].

Процесс массовой реабилитации был запущен на XX съезде КПСС, после прочтения доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». В нем докладчик, приводя множество данных о преступлениях второй половины 30х – 50х годов, раскрывает опасный, антикоммунистический характер культа личности «который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности» [6]. Здесь же заявляется о фальсифицированных судебных процессах, добытых пытками признаниях и других злодеяниях представителей органов НКВД.

В целом же, ряд исследователей сходится во мнении, что этот доклад, а так же позиция о том, что другие члены Политбюро не имели представления о существовании репрессий, как системы, были призваны переложить вину за гонения на одного Сталина. Продолжить реабилитацию жертв репрессий, но при этом оставить в стороне вопрос о степени собственной ответственности за названные события.

Вслед за шокирующим докладом Н. С. Хрущева последовал ряд постановлений ЦК КПСС о порядке и содержанию реабилитации.

Первые постановления были направлены на создание нормативной базы для последующей деятельности по реабилитации незаконно осужденных граждан Советского Союза. К этой группе документов можно отнести постановление о посмертной реабилитации членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), о рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические и должностные преступления. Так же утверждается проект «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

Здесь наиболее интересны следующие положения. Во-первых, в указе применена следующая формулировка: «...ограничения в правовом положении спецпоселений – греков, болгар, армян и членов их семей, выселенных из Крыма в 1944 году, в дальнейшем

не вызывается необходимостью...» [5, с. 40].

Во-вторых, им было законодательно запрещено возвращаться в места прежнего проживания, так же восстановление в правах не подразумевало возвращения конфискованного имущества или компенсации его стоимости [5, с. 41].

По большому счету этот процесс нельзя назвать реабилитационным, поскольку не происходило признания незаконности прошлых приговоров. Спецпоселенцы, таким образом, были скорее помилованы, чем реабилитированы.

Определенный интерес вызывает Постановление «Об изучении материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других». По вопросу Бухарина, Рыкова и Зиновьева проходил ряд собраний специальной комиссии, решение которой постоянно переносилось. В итоге было принято решение отказать им в реабилитации, которая состоялась только в 1988 году.

Тухачевского ждала другая судьба. 28 мая 1956 года Н. С. Хрущеву была предоставлена записка А. Б. Аристовой по этому поводу. В ней он рассматривал историю конфликта между Сталиным и Тухачевским в период Польского похода РККА. Где Юго-Западный фронт под командованием Сталина не смотря на приказ Тухачевского не оказал поддержки его войскам, идущим на Варшаву, что и привело РККА к поражению. Со ссылкой на газету «Ди Цайт»: «В статье

говорится, что этого Тухачевский не простил Сталину и в лекциях, прочитанных им в Московской военной академии, он открыто говорил «о крупной стратегической ошибке товарища Сталина», за что Сталин ненавидел Тухачевского и поэтому Тухачевский был расстрелян в 1937 году» [5, с. 105].

В ходе разбора документов по этому делу Аристов приходит к выводу, что данные события в основном могли иметь место, но требуют более тщательного изучения, так же он призывает учесть эти факты «при пересмотре дела о процессе над Тухачевским в Комиссии ЦК КПСС» [5, с. 109]. Впоследствии все участники так называемого «Дела Тухачевского» были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Еще одним Постановлением Президиума ЦК стало «О создании комиссии ЦК КПСС по изучению положения бывших военнопленных». По итогам разбора проблемы было принято Постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Документ, подчеркивая храбрость и самоотверженность советских солдат и командиров, призывает отказаться от практики тотального недоверия ко всем военнопленным. В случае если боец или группа сдавались в плен, исчерпав все возможности к сопротивлению, то уголовной ответственности за этот поступок следовать не должно. Так же было принято решение не прерывать партий-

ный стаж военнопленных. Естественно, в случае наличия данных о добровольной сдаче в плен или преступных действиях совершенных после, ответственность наступает по всей строгости закона.

Ко всему прочему существовали определенные рамки допустимой критики сталинизма, которые не должны были затрагивать режим в целом. Нарушителей этой негласной установки так же могло ожидать преследование.

В качестве примера подобных происшествий можно привести обсуждение материалов XX съезда КПСС коммунистами теплотехнической лаборатории АН СССР. 30 марта 1956 года Политуправлением Министерства среднего машиностроения СССР была написана записка, повествующая о ходе обсуждения материалов XX съезда КПСС. В нем приводятся весьма вольные рассуждения по заявленному поводу младших научных сотрудников Авалова Р. Г., Орлова Ю. Ф. Нестерова В. Е и Щедрина Г. И..

Суть их выступлений можно передать некоторыми цитатами. «...Народ был бессилён, поэтому удалось небольшой группе людей установить свою диктатуру... Самой радикальной мерой изжития вредных явлений в нашей жизни может быть вооружение народа...» [5, с. 53]. Довольно острыми были высказывания касающиеся доклада Н. С. Хрущева. Например, такие: «Наша партия пронизана духом рабства. Большинство членов партии приспособ-

сабливаются, так получилось и на XX съезде партии... Смешно сказать, что доклад т. Хрущева о культе личности не обсуждался на съезде» [5, с. 53].

Здесь мы видим реакцию, которой не ожидали власти, и которая вызвала там серьезное беспокойство. Связано это и с тем, что тезисы названных сотрудников Теплотехнического института получили определенную поддержку среди сослуживцев. Треть участвовавших в обсуждении доклада людей отказались выносить какое-либо суждение по этому поводу.

Реакция властей была выражена Постановлением ЦК КПСС от 5 апреля 1956 года «О враждебных вылазках на собрании партийной организации теплотехнической лаборатории Академии Наук СССР по итогам XX съезда КПСС». Уже название весьма красноречиво задает тон документу, в котором, после общих положений о единодушном одобрении советским народом XX съезда, и наличии единичных случаев непонимания и клеветы на советский строй, содержатся и оргвыводы. ЦК КПСС постановляет исключить из партии ряд сотрудников лаборатории, реорганизовать и переподчинить партийную организацию подразделения, отстранить от должности начальников политотдела Теплотехнической лаборатории и Министерства среднего машиностроения.

Существенную трудность в проведении реабилитации вызывали конфликты между оставшимся населением и возвра-

щающимися из спецпоселений коренными народами. Так, после восстановления национальной автономии чеченского и ингушского народов, многие из вернувшихся чеченцев настойчиво требовали размещения на старых местах своего проживания, что приводило к конфликтам и напряжению обстановки в регионе. Н. П. Дудоров приводит в качестве примера случай в селении Моксоб: «Попытка поселить одного из чеченцев в пустовавшем доме вызвала возмущение аварцев. Возле дома собралось около 100 жителей, которые пытались избить этого чеченца» [5, с. 221].

Таким образом, процесс реабилитации отличался высокой степенью политизированности, привязки к мнению о прошлом, настоящем и будущем Советского Союза. Ряд исследователей обнаруживает прямую связь между процессом реабилитации и борьбой за власть в высших партийных эшелонах. В качестве непосредственного примера приводятся данные о том, что после Пленума ЦК 1957 года, когда последние «виновники репрессий» были отстранены от власти, количество рассматриваемых дел резко снижается. Подобное положение дел сохраняется вплоть до периода «Перестройки».

Все это косвенно подтверждает, что поиск конкретной политической выгоды был весьма важен в процессе реабилитации. Непоследовательность политики реабилитации, «откаты» в ее осуществлении во

многим были связаны с характером господствующего политического режима, а также с его социальной основой. Не случайно социологические исследования 1990-х – нач. 2000 гг. зафиксировали «усталость» респондентов от линии на освещение и критику в СМИ массовых политических репрессий.

Помимо этого остается много вопросов, которые не получили целостной интерпретации. Например, считать ли решения о «прощении», помиловании, примененные, например, по отношению к М. М. Зощенко, актом реабилитации. В каком соотношении находятся акты помилования и реабилитации.

Библиографический список

1. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР [Электронный источник]. / В. Н. Земсков // Политическое просвещение, №1, 2012.
2. Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий :Историко-правовой анализ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук [Текст] / А. Г. Петров. – Нижний Новгород, 2006. – 55 с.
3. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: Постановления 1954–1958 [Текст] / Гл. ред. Фурсенко, А. А. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. — Т. 2. – 1120 с.
4. Путилова, Е.Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Электронный источник] / Е. Г. Путилова. – Екатеринбург, 2011. – 30 с. <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3574/2/urgu0855s.pdf> (дата обращения – 12.06.16.)
5. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Февраль 1956 – начало 80-х годов [Текст] / А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. – М.: МФД, 2003. – Т. 2. – 960 с.
6. Хрущев Н.С. Доклад о культе личности и его последствиях [Электронный источник] // <http://www.hrono.ru/libris/stalin/16-19.html> (дата обращения – 12.06.16.)

УДК 346.32 + 316.334.3:324

Демин П.В., Колчинская В.Ю.

Социологические подходы к пониманию общественных движений

В статье анализируются социологические теоретические подходы к изучению общественных движений. Автор делает вывод о том, что среди всех теорий нет единой концепции понимания специфики социальных движений. В то же время он выделяет достоинства и недостатки каждого подхода и предлагает использовать комплексный подход в изучении современных общественных движений.

Ключевые слова: общественные движения, протест, социальные изменения, теория коллективного поведения, теория мобилизации ресурсов

Демин П.В., студент Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология»

Колчинская В.Ю., доцент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета, кандидат социологических наук

UDC 346.32 + 316.334.3:324

Demin P.V., Kolchinskaya V.U.

Sociological approaches to understanding social movements

This article analyzes the sociological theoretical approaches to the study of social movements. The author concludes that among all the theories, there is no uniform understanding of the concept of particularity of social movements. At the same time it highlights the advantages and disadvantages of each approach, and offers an integrated approach to the study of contemporary social movements.

Keywords: social movements, protest, social changes, the theory of collective behavior, the resource mobilization theory

Demin P.V., a student of the
South Ural State University

Kolchinskaya V.U., docent of
the sociology department,
South Ural State University, soci-
ological studies PhD,

CDU 346.32 + 316.334.3:324

Demin P.V., Kolchinskaya B.Yu.

Enfoques sociológicos para la comprensión de los movimientos sociales

En el artículo se analizan los enfoques teóricos sociológicos para el estudio de los movimientos sociales. Los autores llegan a la conclusión que en ninguna teoría existe una concepción única de la comprensión del carácter específico de los movimientos sociales. Al mismo tiempo, destacan los rasgos positivos y negativos de cada enfoque y ofrecen utilizar una actitud compleja para el estudio de los movimientos sociales contemporáneos.

Palabras clave: movimientos sociales, protestas, cambios sociales, teoría de la conducta colectiva, teoría de la movilización de los recursos

Demin P.V. es Estudiante de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur, de la carrera de "Sociología"

Kolchinskaya B.Yu. es Doctora en Ciencias Sociológicas de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur.

Конфликт в современном обществе становится нормой. Повсеместные нововведения внутри того или иного социума влекут за собой социальные конфликты, привлекающие различных субъектов. Признаками такой («конфликтной активности») являются революции, бунты и протесты, часто возникающие в разных местах планеты.

Принято считать, что человек стремится к самостоятельному преобразованию общества, в том числе посредством присоединения к различным социальным движениям. Бунты, протесты и митинги являются частью этих общественных движений – наиболее мощных сил, вызывающих социальные изменения.

Возникновение интереса к изучению общественных движений, пришедшее на начало двадцатого века, принято связывать с бушевавшими в Европе и Америке социальными протестами и возникающим в третьем мире освободительным движением.

Далее мы будем рассматривать две основные теории общественных движений, отличающиеся по своим подходам к их пониманию. Это теория коллективного поведения и теория мобилизации ресурсов. Важно отметить, что выделить единую парадигму общественных движений трудно, так как все возникшие теории до сих пор не образуют единого целого [1].

Сейчас мы считаем необходимым сделать акцент на следующих часто встречающихся в статье понятиях: социальный протест и общественное движе-

ние. Ниже, раскрывая теорию коллективного поведения, мы часто будем обращаться к первому понятию, подразумевая общественное движение. Говоря о теории мобилизации ресурсов, мы будем обращаться к обоим понятиям, так же подразумевая их синонимичность. Наша исследовательская позиция заключается в том, что общественные движения всегда возникают вокруг конфликта, они выражают протест. В свою очередь, конфликт появляется из-за несогласия какой-либо группы с существующим положением вещей. Общественный протест вовсе не обозначает радикальных форм выражения общественного мнения, ибо общественные движения в своей деятельности используют различные методы борьбы.

Теперь обратимся к теории коллективного поведения, объектом изучения которой стали революционные движения начала двадцатого века.

Сторонники теории коллективного поведения толкуют социальный протест как один из типов коллективного поведения, а само понятие «протест» ставят в один ряд с понятием «толпа». Это связано с враждебным настроем к самому объекту исследования – протестным политическим движением, со стороны теоретиков. В представлениях данной группы теорий, общественные движения – это иррациональная реакция маргинальных личностей на экономико-социальные проблемы. Под маргинальными личностями подразумеваются

представители низших слоев, которые, вследствие неправильно проходящей социализации становятся неподготовленными к возникающим социально-экономическим проблемам, из-за этого их легко втянуть в политический протест.

Вследствие того, что внимание теоретиков было сконцентрировано на революционных движениях в России и Франции, фашистских движениях в Италии и Германии, общественные движения понимались ими как признак неправильно функционирующего общества.

Сторонниками теории коллективного поведения являются Г. Лебон, Г. Олпорт, В. Тэрнер, Дж. Школьник и Н. Смелзер, каждый из них раскрывал разные аспекты коллективного поведения, однако подразумевали под ним они одно: относительно стихийное и неорганизованное поведение людей, реагирующих на неопределенную или угрожающую ситуацию.

На наш взгляд, основным недостатком теории коллективного действия является то, что в качестве объекта исследования теоретики выбрали исключительно революционные движения, к которым сами испытывали не самые теплые чувства. В социальных движениях они видели исключительно протест, в самом радикальном смысле этого слова. Оно и не удивительно, ведь движения, которые они изучали, в действительности имели революционный характер. Но сбрасывать со счетов теорию коллективного действия нельзя. Несмотря на ограниченность

объекта, теоретикам удалось выявить важные психологические факторы человеческого поведения в толпе, установить источники социального недовольства и, в конце концов, принять тот факт, что общественные движения могут быть вполне мирными.

В 1970-х возникает теория мобилизации ресурсов, внимание социологов было сконцентрировано на движениях за права афроамериканцев, а иррациональный компонент общественных движений отрицался [6, 47]. Общественные движения, в рамках этого подхода, присущи всем обществам и отражают установку на социальное изменение. Сами изменения – это нормальный, рациональный, институционализованный политический вызов недовольных социальных групп [3, 5].

В теории мобилизации ресурсов социальная напряженность отводится на второй план, а ее место занимает вопрос увеличения организаций и ресурсов за счет общественного благосостояния. Общественный рост позволяет организациям использовать излишки ресурсов в своих целях и привлекать спонсоров, обладающих необходимыми ресурсами. Вопрос, который необходимо здесь решить, – достижение социальных изменений путем удачной мобилизации доступных ресурсов [11, 24–25].

Ядром теории мобилизации ресурсов является понятие социальной организации [4, 88–94]. Для ее успешного существования необходимы ресур-

сы, которые делают возможными коллективные действия, изменяют ориентацию движения к преобразовательной деятельности. В свою очередь, для успешной реализации общественного движения, его организаторам необходимо активизировать четыре ресурса: культурный, включающий в себя специализированные знания; общественно-организационный, включающий инфраструктуру, социальные сети и организации; человеческие ресурсы; и материальные ресурсы [11, 25].

Теория мобилизации ресурсов ясно дает понять, что со сменой объекта исследования меняется и исследовательское отношение к проблеме социального протеста. Признавая конфликтную основу общественных движений, исследователи, работающие в рамках теории мобилизации ресурсов, акцентируют внимание на различных аспектах функционирования движений. Однако в попытке отойти от психологических факторов, теоретики мобилизации ресурсов чересчур сильно увлеклись экономической, ресурсной терминологией, из-за чего они перестали обращать внимание на субъективные причины участия в протестах. Теория мобилизации ресурсов дает хорошее понимание возможных причин возникновения общественных движений, их примерную направленность и время возникновения, но не объясняет, как взаимодействует общество и общественное движение в дальнейшем, как движения растут и развиваются.

В настоящее время описанные выше теории общественных движений стремятся к объединению и примирению. Представители обоих течений признают недостатки своих теорий и считают необходимым взаимное дополнение теории коллективного поведения и теории мобилизации ресурсов [10, 363–364]. Одним из теоретиков, стремящихся к такой интеграции, является Б. Кландерманс. Он считает, что излишнее внимание сторонников теории мобилизации ресурсов приводит к отрицанию индивидуального, социально-психологического измерения. Необходимо соединить новую социально психологическую теорию с правильным подходом к теории мобилизации ресурсов [10, 364].

Сам Кландерманс видит причины того, что люди ходят на митинги в замеченной ими социальной несправедливости. Кландерманс установил, что как только индивид замечает разницу в возможности удовлетворения своих потребностей в сравнении с другими, он тут же выходит на митинг и это же делают все остальные участники его группы. Здесь важно отметить, что на митинги могут выйти как представители ущемляемой группы, так и представители группы, ущемляющей кого-либо. В первом случае мотивом выхода на митинг будет ущемленность, во втором – поиск справедливости.

Социологи пришли к выводу, что общественные движения обрели совершенно иную сущность. Люди, входящие в обще-

ственные движения, обрели «новую идентичность» и принадлежат к «новой культуре», они утверждают самоценность личности и ценность природы. Общественное движение существует всегда, оно непрерывно. Характерной чертой общественных движений современные авторы называют то, что они активизируются, когда это необходимо и растворяются в образе жизни участников после победы или поражения в борьбе за изменения [6, 49].

Ярким современным теоретиком общественных движений является Ален Турен. В своей теории Ален Турен использует разработанную ранее категорию ресурсов, меняя ее интерпретацию и вводя новые понятия. Так, он предлагает перейти к пониманию историчности общества, понимая под ней состояние постоянного развития общества через конфликты и общественные движения. В то же время историчность предполагает использование доступных культурных и социальных ресурсов для общественного саморазвития и, что важно, она может реализовываться только при наличии социального конфликта.

Сам конфликт, утверждает Турен, существует всегда и во всех обществах. Однако этот конфликт не обязательно является ярко выраженным, открытым конфликтом – он, скорее, носит латентный характер, сопровождая процесс историчности. При этом во всех современных обществах центральный конфликт

идентичен, отличается только в мелочах [5, 152–153].

Говоря о том, что социальные конфликты реализуются через общественные движения, Турен постепенно дает понять, что общественное движение – не просто источник историчности. «Общественное движение – это одновременно культурно ориентированное и социальное конфликтное действие некоего общественного класса, который определяется позицией господства или зависимости в процессе присвоения историчности, то есть тех культурных моделей инвестиции, знания и морали, к которым он сам ориентирован» [9, 89]. Из этого определения следует, что общественные движения являются социальными классами, но классами перешедшими в фазу активной деятельности. Исходя из центральной позиции общественных движений в историчности общества, Турен считает первостепенной задачей социологии изучение конфликтов и движений, ими порождаемых [9, 40].

Необходимо отметить, что ни теория коллективного действия, ни теория мобилизации ресурсов не являются полностью раскрывающими суть общественных движений. И в той и в другой теории существуют упущения и прорывы, что объясняется в том числе и спецификой объекта их исследования. «Реальное действие осуществляется на третьем уровне, промежуточном между индивидуальным и широким макроконтэкстом, в котором закрепилось социальное движение» [10, 365]. Следова-

тельно, нужно стремиться к синтезу двух классических теорий общественных движений, заниматься дополнением одной при

помощи другой. Только такой подход способен принести плоды в изучении современного общества конфликтов.

Библиографический список

1. Алюков, М. О трендах в социальных науках / М. Алюков // Открытая левая. – 2013. – 29 ноября. – <http://openleft.ru/?p=347>
2. Дементьева, И.Н. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке / И.Н. Дементьева // Проблемы развития территории. – 2013. – №4. – С. 83–94.
3. Дементьева, И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке / И.Н. Дементьева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены – 2013. – №4. – С. 3–12.
4. Здравомыслова, Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений / Е.А. Здравомыслова // Социологические исследования. – 1990. – №7. – С. 88–94.
5. Казаков, В. Концепция нового социального конфликта Алена Турена / В.Казаков // Социология: теория, методы, маркетинг. - 2008. – №3. – С. 151–168.
6. Ротмистров, А.Н. Общественные движения: Опыт классификации социологических концепций / А.Н. Ротмистров // Социологические исследования. – 2010. – №8. С. 46–53.
7. Скобелина, Н.А. Общественные движения как объект социологического исследования / Н.А. Скобелина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2010. – №1. – С. 51–57.
8. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер – М.: Феникс, 1998. – 688 с.
9. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е.А. Самарская под ред. М.Н. Грецкого – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
10. Штомпка, П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С. Дмитриева под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
11. Шульц, Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики / Э.Э. Шульц // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №4. – С. 23–30.
12. Яницкий, О. Социальные движения в современном обществе. Вопросы теории / О. Яницкий // Социологические исследования. – 2013. – №3. – С. 50–59.

УДК 316.722 + 316.346.32-053.6

Ярема Н.А., Колчинская В.Ю.

Структура политической социализации подростка

Статья посвящена анализу теоретических подходов к структурированию политической социализации подростков. Сначала рассматривается политическая социализация в целом, ее содержание и компоненты: первичная и вторичная, которую рассматривал политолог Малетин. Далее была рассмотрена теория политической социализации Алмонда и Пауэлла, где они выделяли главенствующую роль первичной социализации для установления политических позиций личности. Затем были подробно рассмотрены агенты и институты политической социализации: семья (авторы уделяют ей главенствующую позицию), школа, сверстники, СМИ, государство, партии, общественные организации, политическая элита и другие. Леонов выделял конкурирующую с семьей роль СМИ, которую объяснял современными российскими условиями и растущей информатизацией. Факторами политической социализации является пол, социальный класс и статус. Но, несмотря на плюрализм мнений, все ученые сходятся в одном, что процесс политической социализации подростков является актуальной проблемой, т.к. освоение ими норм и ценностей политической сферы являются одной из основ стабильности политической системы и показателем эффективности ее развития.

Ключевые слова: политическая социализация, подростки, агенты и институты

Ярема Н.А., студентка Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология»

Колчинская В.Ю., доцент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент, e-mail: kolvu@mail.ru

UDC 316.722 + 316.346.32–053.6

Yarema N.A., Kolchinskaya V.U.

The structure of the political socialization of the teenager

This article analyzes the theoretical approaches to the structuring of the political socialization of adolescents. Initially considered political socialization in general, its content and components: primary and secondary, which are considered Maletin analyst. Further, the theory of political socialization Almond and Powell was considered, where they recovered the primacy of primary socialization for establishing political positions of the individual. Were then discussed in detail the political agents and institutions of socialization: family (the authors give it a dominant position), school, peers, media, government, parties, public organizations, political elite and others. Leonov singled competing with the family role of the media, which explains the modern Russian conditions and the growing computerization. The factors of political socialization is the gender, social class and status. But despite the diversity of opinions, all scientists agree on one thing, that the process of political socialization of adolescents is an actual problem, because the development of norms and values of the political sphere is one of the foundations of stability of the political system and an indicator of the effectiveness of its development.

Keywords: political socialization, youth, agents and institutions

Yarema N.A., a student of the South Ural State University, e-mail: natalya_16y@mail.ru

Kolchinskaya V.U., docent of the sociology department, South Ural State University, sociological studies PhD, e-mail: kolvu@mail.ru

CDU 316.722 + 316.346.32-053.6

Yarema N.A, Kolchinskaya V.Yu.

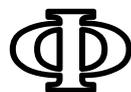
Estructura de la socialización política del adolescente

El artículo está dedicado a los enfoques teóricos de socialización política de los adolescentes. Al principio se analiza la socialización en general, su contenido y sus componentes: primaria y secundaria que estudió el sociólogo Maletín; luego se trata la teoría de socialización de Almond y Powell en donde se destaca el papel de la socialización primaria para la elaboración de la posición política de la persona. Más tarde, se consideran los agentes e instituciones de la socialización política: familia (los autores le dedican una atención principal), escuela, grupo generacional, medios de comunicación masivos, partidos, organizaciones políticas, élite política, etc. Leonov, en condiciones del crecimiento de la información, destacaba, al lado de la familia, el papel especial de MMC. Los factores de socialización política son sexo, clase social y estatus. A pesar del pluralismo de opiniones, los autores llegan a la conclusión que el proceso de socialización política de los adolescentes es un problema actual, ya que la asimilación de las normas y valores constituye la base de estabilidad del sistema político y sirve como índice de la eficacia de su desarrollo.

Palabras clave: socialización política, adolescentes, agentes, instituciones

Yarema N.A. es Estudiante de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur, de la carrera de "Sociología"

Kolchinskaya V.Yu. es Doctora en Ciencias Sociológicas de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur.

Феномен социализации воспроизводит из поколения в поколение общественные ценности, роли, образцы поведения и прививает это новым членам общества. Но наряду с общей социализацией формируется и политическая социализация, где происходит становление политической, гражданской позиции и идентичности человека. Политическая социализация имеет особое место в современном демократическом обществе, где права, свободы и политическая включенность человека являются основой политической системы.

Процесс вовлечения подростков в политическую жизнь проходит в обстановке идеологического и политического разнообразия, что имеет место в плюрализме позиций и мнений. Все это дает возможность подросткам самореализовывать себя в политике, раскрывать собственный потенциал и развиваться в политическом русле. Однако, несмотря на это, процесс политической социализации для современных подростков не является бесконфликтным, он имеет противоречия переходного периода российского общества. Поэтому изучение политической социализации подростков является довольно актуальной проблемой. Ее изучение значимо в ракурсе прогнозирования возможностей и вариантов общественного развития.

Термин «политическая социализация» был введен в 1959 г. американским политологом

Г. Хайменом. Политическая социализация – это многоуровневый процесс усвоения человеком ценностей и норм, ведущих к формированию у него качеств и свойств, позволяющих ему адаптироваться в конкретной политической системе и выполнять политические роли и функции.

Политическая социализация делится на первичную и вторичную, которую описал политолог С.С. Малетин. Особенность первичной социализации заключается в том, что человеку приходится понять и вжиться в политическую систему, еще не понимая их сущности, при этом, усвоение норм в основном происходит на эмоциональном уровне. Первичная социализация проходит в детстве, частично в подростковом возрасте. Вторичная социализация проходит в более взрослом возрасте и она, в основном, дополняет первичный этап социализации новым политическим опытом, ценностями и установками. В подростковом возрасте проходит процесс первичной социализации, но есть и институты, которые уже относятся ко вторичной, т.к. данный период является переходным между детством и взрослостью.

Г. Алмонд, Дж. Пауэлл и др. в своей книге «Сравнительная политология сегодня» писали, что большинство детей приобретают элементарные политические установки еще в относительно раннем возрасте. Некоторые из них могут меняться, а другие могут оставаться на про-

тяжении всей жизни. Формирование своего политического сознания представляет собой комбинацию ряда собственных мнений и установок, которые начинают формироваться уже с детства и это глубинные установки – национальное самосознание, представление о своей классовой принадлежности, религиозность и идеология человека, восприятие фундаментальных прав и обязанностей в обществе. Все они, как правило, наиболее устойчивы. На менее глубинном уровне находятся установки индивидов по отношению к политической жизни и политическим институтам. Наконец, существуют более поверхностные суждения по текущим событиям, проблемам [1, с.105-115].

Политическая социализация также бывает прямой и косвенной. Прямая политическая социализация – это непосредственная передача информации, мнений, взглядов о политике. К примеру, уроки гражданского и политического обучения в школе. Косвенная – формирование политических взглядов происходит непреднамеренно, под влиянием собственного опыта. Особую роль косвенная социализация играет в период детства и подросткового периода. Так, влияние таких агентов и институтов социализации как семья, школа и сверстники чаще сказывается на отношении индивида к политике, к политическим лидерам в будущем.

Социализация продолжается на протяжении всей жизни. Влияния со стороны агентов социа-

лизации в детстве являются исходными ценностями, однако дальнейший жизненный опыт способен изменить его воззрения, к примеру, изменение социального статуса, переезд и т.д.

Институты политической социализации – это система органов и учреждений, которые социально развивают индивидов путем прививания политических установок и ценностей. Институты политической социализации принято подразделять на политические (государство, партии, общественные движения) и неполитические (семья, система образования, сверстники, работа, церковь, СМИ и т.д.). Агентами политической социализации являются не организации, а конкретные люди.

Начинаем с семьи, т.к. влияние семьи наиболее глубоко и устойчиво. Политические предпочтения семьи и ее включенности в политическую жизнь влияют на начальные политические ориентации ребенка. Семья оказывает ощутимое воздействие на формирование установок по отношению к власти и политике у подростков. Если подросток принимает участие в принятии решений, это обеспечит ему ощущение того, что он политически компетентен, наращивает навыки и может активно включаться в политику во взрослой жизни. Противоположная ситуация, если подросток во всем повинуется родителям и не принимает никаких решений в семье, в политике он будет делать так, как говорят.

Но не только семья оказывает воздействие на политическую

социализацию подростка, также в это время большую роль имеет школа. Школа дает знания подростку о политическом мире, о той роли, которую подростки в нем играют, а также дают более конкретную информацию о политических институтах, элитах, принципах, получаемую на изучаемых дисциплинах. Также школа передает необходимые политические ценности и установки общества. Школа способна утвердить эмоциональную привязанность и преданность к политической системе, господствующей в государстве, формирует начальные патриотические чувства. Если же произойдет, к примеру, революция, то школа является средством вытеснения устаревшей системы и начинает прививать ценности и символы новой. Эмпирические данные подтвердили гипотезу о том, что люди с более высоким образовательным уровнем голосуют активнее, чем люди с более низким уровнем образования [5, с. 112].

Также одним из важнейших институтов социализации в подростковом возрасте становятся сверстники (группа равных). Люди придерживаются позиций сверстников, т.к. они уважают и ценят их, хотя бы такими как они. Подросток может принимать активное участие в политике лишь потому, что друзья или знакомые ходят на демонстрации, принимают участие в молодежных организациях. И для достижения уважения у товарищей, подросток изменяет свое по-

ведение и действия в соответствии с образцами, которые приняты в группе.

Уже в подростковом возрасте, иногда даже в детском, человек понимает, что люди могут принадлежать к разному социальному классу и статусу, поэтому живут в разных социальных мирах. Это формирует агентами социализации, ребенок начинает осознавать свою социальную принадлежность. Во многих случаях социальные различия могут иметь политическую значимость: определенный социальный класс имеет свой круг политических проблем, имеет своих представителей в политике, может иметь разную степень политической включенности и активности. Например, образованные люди больше уделяют внимание политике, т.к. они сильнее предрасположены к самостоятельному мышлению и могут успешно действовать на основе новой информации, а именно новаторство в политике занимает далеко не последнее место. Кроме того, уровень информированности у них выше, они принимают большее участие в политических процессах. Эти закономерности прослеживаются в исследованиях политических установок [8, с. 276-279].

Другим важным источником политического обучения и социализации является пол. С момента рождения мужчинам и женщинам приписываются различные модели поведения: мужчины активно участвуют в политической жизни, а женщины решают бытовые и семейные про-

блемы. Но в последнее время среди развитых стран такие различия стираются, и женщины тоже начинают активно участвовать политической жизни: женские движения и группы, представительство женщин в органах власти. При всем этом, данный процесс только начинает приобретать свои обороты, поэтому участие женщин в политике до сих пор ограждено стереотипами. И данный процесс навязывания гендерных различий начинается с детства и подросткового периода, что отражается на самоидентификации человека и на его политической активности, социализации.

С каждым годом все большую роль в политической социализации индивида и в том числе подростка начинает играть СМИ – газеты, радио, телевидение, Интернет. Масс-медиа не только поставляют точную и свежую информацию, но также распространяют важнейшие ценности, принятые в обществе. Контролируемые прямо или косвенно СМИ правительством способны стать мощным инструментом формирования политических убеждений.

Леонов в своей диссертации на тему «Роль СМИ в процессе политической социализации» писал следующее. СМИ как агент политической социализации не могут конкурировать с семьей, особенно в российских условиях. Но при всем этом, в последнее время, с ростом информатизации общества их роль неуклонно растет, особенно это касается подрастающего поколения, которое

много своего времени проводят в Интернете, за телевизором и т.д. [10, с. 19-21]

Важную роль в воздействии на политическое сознание и поведение молодежи в современной России начинают играть политические институты и агенты политической социализации – органы власти (государство), партии и общественные организации, общественные деятели и политическая элита. Роль государства (органов власти) в процессе политической социализации в последние годы значительно усиливается. Государство должно активно заниматься приобщением личности к политике, ведь это довольно яркий и самый властный институт политической социализации, от его влияния успешность социализации может крайне измениться (советские времена). В современной России государство, в основном, реализует свои функции через образовательные стандарты. За последние пять-семь лет значительно возросло влияние российских партий и общественных организаций на политическую социализацию молодежи. Последние годы все ведущие российские партии стали формировать действенную, а не номинальную молодежную политику с целью не только привлечь молодежь в качестве пассивного участника политического процесса, но и создать для нее условия политической самореализации и реального вхождения во власть. На сегодняшний день можно утверждать, что полити-

ческие партии обладают одними из самых эффективных и универсальных механизмов политической социализации [7, с.36]. Политические партии, как известно, выражают интересы людей, представляет их мнение во власти, поэтому взаимодействие масс и политических партий довольно тесно. Хотя и в подростковом возрасте этот агент не является основным, но корни понимания начинаются именно с этого периода. Подростки смотрят по телевидению выступления политических лидеров, читают в Интернете статьи о партиях, слушают мнение близких об их деятельности. Партийные лидеры предоставляют информацию по важнейшим политическим вопросам и проблемам, что делает подростков политически более осведомленными. Политические партии пытаются сформировать проблемные предпочтения, пробудить людей к политической жизни: существуют различные молодежные организации от партий Молодая гвардия Единой России, молодые социалисты России и т.д, которые рассматривал Ю.Г. Коргунюк в своей статье «Молодежные политические организации». Это говорит о прямом влиянии политических партии на политическую социализацию подростков. Немаловажную роль для осуществления политической социализации играют творческая интеллигенция и политическая элита. Именно они распространяют образцы и модели политического поведения, определяют политические настроения, формируют

политические взгляды и ценности [9].

Также существует большое количество других агентов социализации, которые также играют свою роль в становлении политической идентификации подростка: армия, церковь, другие государственные структуры и т.д.

Характеризуя подростковый период с точки зрения политической социализации можно сказать, что молодой человек также вступает в политическую жизнь, как и более взрослые люди. Предполагается, что к совершеннолетию у человека уже складывается собственное мировоззрение, с которым он собирается идти дальше по жизни и будет им руководствоваться. К этому периоду у молодых людей в основном сформированы политические симпатии или антипатии, некоторая часть молодежи начинает принимать непосредственное и активное участие в политических процессах. Являясь структурной составляющей класса и страны, человек, в то же время, в зависимости от определенных обстоятельств самостоятельно «включается» в политическую деятельность, символизирует ту или иную степень воплощения политических отношений общества.

Успешная политическая социализация, процесс вхождения подростков в политическую жизнь, освоение ими норм и практик политической сферы являются одной из основ стабильности политической системы и показателем эффективности ее развития [2, с.39].

Политическая социализация не завершается подростковым, юношеским периодом, ведь это только формальная фиксация появления минимальных гражданских прав и обязанностей подросткового человека. Политическая социализация никогда не прекращается и продолжается всю жизнь. Однако, ее этапы со временем начинают определяться не по причине возрастных изменений, а из-за

освоения нового политического опыта, новых социально-политических ролей, активного и личного участия в политике. Политическое мировоззрение и позиция с годами может изменяться, однако, ее базовые параметры фиксируются в структуре личности. В случаях реформирования или даже краха политической системы, у зрелых граждан происходит возврат к ранним представлениям, кото-

Библиографический список

1. Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, К., Далтон, Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Сокр. пер. с англ. под ред. М.В.Ильина, А.Ю.Мельвиля. – М: Аспект Пресс, 2002. – С. 105–115.
2. Бычков, Д.В. Особенности процесса политической социализации молодежи в современном российском обществе / Д.В. Бычков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №49. – С. 35–40.
3. Гатиева, А.М. Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования / А.М. Гатиева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – №3. – С. 109–114.
4. Головин, Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. / Н.А. Головин – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 288 с.
5. Гудана, Ю. В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика / Ю.В. Гудана // Полис. – 2009. – № 1. – С. 112.
6. Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии / Д.В. Ольшанский. – Екб: Деловая книга, 2001. – 496 с.
7. Сайганова, Е.В. Политическая социализация молодежи: основные агенты и каналы формирования / Е.В. Сайганова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2013. – №4. – С. 34–37.
8. Хропач, М.Н. Роль образования в формировании политической ментальности / М.Н. Хропач // Научный потенциал регионов на службу модернизации: Сб. науч.ст. – Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2011. – № 1 – С. 276–279.
9. Коргунюк, Ю.Г. Молодежные политические организации / Ю.Г. Коргунюк – <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126501:article>.
10. Леонов, К.А. Роль СМИ в процессе политической социализации / К.А. Леонов – https://www.hse.ru/data/087/307/1239/Avtoreferat_LeonovK.pdf.

УДК 316.74

Рожкова О.Е., Русских Л.В.

Изменение роли отца в процессе трансформации семьи

В статье проводится анализ изменения роли отца в процессе трансформации семьи начиная с Античного периода и заканчивая современностью. Автор статьи приводит к выводу, что в различные периоды трансформации семьи роль отца постоянно изменялась, в настоящий же момент требования к социальной роли отца не находятся в фокусе исследовательских интересов и не проработаны концептуально и теоретически.

Ключевые слова: семья, отцовство, социальная роль, кризис семьи, трансформация семьи

Рожкова О.Е., студентка Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология», e-mail: lelchik94@gmail.com

Русских Л.В., доцент кафедры социологии, Южно-Уральского государственного университета, кандидат культурологии, доцент, e-mail: ludmilaruss@mail.ru

UDC 316.74

Rozhkova O.E., Russkikh L.V.

The changes of the father`s role in the process of transformation of the family

The article analyzes the changes of the father`s role in the process of transformation of the family since the Antique period until modern era. The author of the article comes to the conclusion that in different periods of transformation of the family the father's role was constantly being changed, whereas currently the requirements for the father`s social role are not in the focus of research interests and have not been developed in conceptual and theoretical way

Keywords: fatherhood, social role, family crisis, behavior pattern

Rozhkova O.E., a student of the South Ural State University.

Russkikh L.V., docent of the sociology department, South Ural State University, cultural studies PhD, e-mail: ludmilaruss@mail.ru

CDU 316.74

Rozkova O.E., Russkij L.V.

Cambio del papel del padre en el proceso de transformación de la familia

En este artículo se realiza el análisis del cambio del papel del padre en el proceso de transformación de la familia desde la antigüedad hasta la época contemporánea. Los autores llegan a la conclusión que en diferentes periodos de transformación de la familia el rol del padre permanentemente cambiaba. Desgraciadamente, en nuestro tiempo la exigencias hacia el papel social del padre no se encuentran en el centro de atención de los investigadores y conceptualmente está poco trabajado.

Palabras clave: familia, paternidad, rol social, crisis de la familia, transformación de la familia

Rozkova O.E. es Estudiante de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur de la carrera de "Sociología". E-mail: lelchik94@gmail.com

Russkij L.V. Es Doctor en Culturología, Docente de la cátedra de Sociología de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur. E-mail: ludmilaruss@mail.ru

Семья – это та среда, внутри которой зарождается такое социальное явление – как отцовство. Но большинство социологов не исследовали истоки зарождения семьи и причины её возникновения, Э. Дюркгейм весьма поверхностно затронул вопрос возникновения семьи как составной части социальной структуры. Однако, со второй половины XIX века, теоретические проблемы семьи, так или иначе, затрагивались в работах таких учёных как Л. Моргана и Ф. Энгельса, позже разработкой этой проблемы начали заниматься и социологи.

Л. Морган отмечает, что семья как социальный институт постоянно развивалась, проходила целый ряд сменяющих друг друга стадий. Таким образом, семья, по мнению Л. Моргана, представляет собой активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как развивается общество [10, с.7]. Он различал пять исторически последовательных форм семьи, каждой из которых соответствовал свой тип брака.

Первая стадия – это кровнородственная семья, в которой основной формой брака был брак внутри рода, например, братьями и сёстрами. Вторая стадия – пуналуальная семья, в которой доминировал групповой брак между мужчинами и женщинами, принадлежащими к разным родам, так называемый материнский род. Третью стадию представляет парная семья, основанная на браке

отдельных пар без индивидуального проживания. Следующая, четвёртая стадия – патриархальная семья, характеризующая брак одного мужчины с несколькими женщинами, сохранение приоритета отцовской власти и доминирование старших в семье. И завершающая, пятая стадия – моногамная семья, предполагающая брак отдельной пары один раз и на всю оставшуюся жизнь.

Опираясь на труды Л. Моргана, Ф. Энгельс разрабатывает свою теорию развития семьи, в которой выделяет три её вида: кровнородственная семья, групповой брак, парный брак, которые изменяются от низшего уровня к высшему, в течение трёх основных эпох: дикости, варварства и цивилизации [10, с.25].

Парный брак привел к появлению в семье нового структурного элемента – отца. В парной семье не только мать ребенка, но и его отец стали достоверными. Развитие парной семьи происходило в направлении прочной моногамии. Моногамная семья возникает из парной и, как пишет Энгельс, ее формирование является ключевым моментом в наступлении новой эпохи цивилизации.

Ролевые теории личности – это подход к исследованию личности, в котором она характеризуется посредством усвоенных и принятых ею или вынужденно выполняемых социальных функций и образцов поведения – ролей, идущих от ее социального статуса в данном обществе или социальной группе. Основные положения теории

социальных ролей были сформулированы американским социальным психологом Дж. Мидом и антропологом Р. Линтоном.

Так, Дж. Мид особое внимание уделял механизмам «научения роли», освоения ролей в ходе межличностного общения (интеракции), подчеркивая стимулирующее воздействие «ролевых ожиданий» со стороны значимых для индивида лиц, с которыми он вступает в общение. То есть, мужчина-отец в рамках данной теории является транслятором мужской идентичности. Мальчика-сына он собственным примером учит, как правильно быть отцом. А для девочки-дочери он образец того, каким должен быть её собственный муж, отец её будущих детей.[7, с. 234]

В своих работах он обращал особое внимание на социально-культурную природу ролевых предписаний и их прямую связь с социальной позицией личности, а также на назначение социальных и групповых санкций. Основной акцент делает на образе отца, на тех стереотипах и ожиданиях, которые вырабатывает каждое общество. Он также говорит о том, что не существует универсальной исторической социальной роли отца, так как каждое общество приписывает этой роли разные критерии. Немаловажное место здесь занимает религия и тот образ отца, который описан в священных писаниях.

Как считает исследователь, выполнение социальной роли непосредственно связано с ин-

тересами больших социальных групп, которые вытекают из общности условий их жизнедеятельности, и со случайно возникающей совместной деятельностью (в процессе общения, игры и т.п.). Так, в последнем случае социальная роль имеет субъективную окраску, проявляющуюся в виде ролевого поведения, уровне активности его исполнения, что в свою очередь, зависит и от индивидуально-личностных особенностей субъекта и от того, насколько глубоко воспринимается им данная социальная роль.

И. Кон утверждает, что успешное функционирование в роли отца невозможно без её полного усвоения, которая в свою очередь «встраивает» отцовство в самосознание личности, её «Я-концепцию» и образы. Аспект отношения связан с оценкой своего ребенка, самооценкой себя как мужчины, себя как отца и своего выполнения социальных ролей, что создает определенный образ «Я». Так формируются «Я реальное» и «Я социальное», через сравнение собственного поведения с требованиями общества. «Я идеальное» формируется также под влиянием общества, воспитания и представлений о поведении в тех или иных ситуациях. Соотношение всех этих компонентов, их взаимодействие определяет осознание субъектом себя как отца и может меняться в процессе жизни [5, с. 80].

Социальная роль – это личностная функция, соответствующая принятым нормам поведе-

ния людей в зависимости от их статуса, или позиции в обществе, в системе межличностных отношений. Изменение ролевых отношений в семье является главным показателем современной трансформации брачно-семейных отношений.

Исследователи семейной психологии определяют социальную роль отцовства с позиции ее включения в семью как систему, в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми другими и нормальное функционирование которой немыслимо без любого из ее элементов. Все члены семьи взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Поэтому, напрашивается вывод, что отцовство как социальная роль влияет на взаимоотношения супружеской пары, на воспитание детей, стабильность семьи и самочувствие всех её членов, при этом отношения отца и ребенка не изолированная сфера контактов, и имеет важность для функционирования всей системы. [1, с. 236]

Ученые приводят следующую классификацию социальных ролей отца в семье:

1) отец-кормилец – это исторически сложившаяся и закрепившаяся социальная роль мужчины как кормильца семьи. И, не смотря, на то, что в современной семье многое изменилось, во многих семьях, особенно в период беременности жены и во время ухода за маленьким ребенком, отец является единственным добытчиком в семье. Общество с детства готовит мальчиков к выполнению этой роли, дающей семье не-

обходимое чувство безопасности и уверенности. Существует мнение что, часть проблем подростковой преступности связаны именно с увеличением числа детей, растущих без отца;

2) отец-защитник – также исторически закрепившаяся роль мужчины. И хотя сегодня отцу не требуется защищать ребенка от военной опасности, он все равно выполняет функцию социальной защиты, предоставляя своим детям возможности получения образования, выбора профессии, опосредованно через собственный опыт, социальный статус и экономический класс;

3) отец-воспитатель – история знает множество примеров, в которых воспитание и образование нового поколения являлось занятием мужчины-отца. Отец не только задает стандарты поведения детям и является их наставником, но и вносит вклад в профессиональный выбор ребенка и его социализацию, расширяя его кругозор, занимаясь, особенно с мальчиком, какими-либо совместными делами [2, с. 122].

Б.И. Кочубей считает, что отцовская роль зависит: от количества детей, которые есть у отца и за которых он несет ответственность, степень его власти над ними, количество времени проводимое в непосредственной близости с ребенком, ответственность за непосредственное обучение детей навыкам и ценностям, степень его непосредственного вовлечения в уход за детьми, участия отца в ритуальных событиях, связанных с детьми и количе-

ство времени, необходимое мужчине для жизнеобеспечения семьи [6, с. 72].

Проблема выбора и принятия мужчиной того или иного ролевого образца так или иначе связана с формированием его отношения к этому образцу, к своей семейной роли и к выполнению ролей другими членами семьи. Формирование отцовства для мужчины, принятие роли отца – это проблема личностного развития, принятия своих чувств и их контроля за ними. Осознание себя отцом приводит к пониманию необходимости жить «правильно», то есть выполнять конкретные социальные нормы, предписываемые взрослому человеку.

Как и сто лет назад, современные семьи испытывают те же проблемы, что и на рубеже XX–XXI столетий. В 1916 г. П. Сорокин, отмечая кризис института семьи, отмечал, что «в современной семье, действительно, происходит какой-то перелом, грозящий смести её основные черты» [9, с. 50].

Э. Дюркгейм начал осмысливать исторические и антропологические истоки проблемы семьи с примера римской семьи – как социального института эпохи Античности. Патриархальная (отцовская) семья была доминирующим видом семьи в античное время. В ней мужчина – это глава домохозяйства – имел абсолютную власть над жившими в его владениях родственниками. Он распоряжался как своей собственностью (дом, земельный надел), так и жившими в нем людьми, их судьбами:

мог, например, прогнать кого-то из родственников или лишить наследства своего ребенка.

Следующим типом семьи, в классификации Э. Дюркгейма, была германская средневековая семья. В отличие от античной, в средневековой семье произошли крупные изменения, на которые сильно повлияла христианская культура. В данный период широта возможностей «отцовского» контроля стала ограничиваться и регламентироваться моральными наставлениями и авторитетом христианской церкви, постановившей, что у отца семейства есть не только власть, но и обязанности над домочадцами.

Согласно Э. Дюркгейму, благодаря культуре средневековья возникает новая семья – супружеская. Влияние церкви привело к тому, что непрерываемый авторитет отца теперь опосредовался влиянием священнослужителей и иного Отца – Отца Небесного. Теперь, когда власть отца семьи ослабла, ограничились и его возможности контролировать своих родственников. Таким образом, в средневековой германской семье появились основы для большей свободы, автономии ее членов. Теперь Отец уже не мог единолично решать судьбу своих детей.

Также в исследовании Э. Дюркгейма выдвинут важный тезис о том, что по окончании эпохи Средневековья семья окончательно освободилась от влияния церкви, а власть отцов, к началу Нового времени стала ослабевать, с одной стороны,

христианскими таинствами, с другой стороны, светскими законами.

Одна из главных проблем, на которую Э. Дюркгейм обращал внимание в социофилософском осмыслении роли отцовства в семье, – это кризис современного ему института отцовства. Кризис, по мнению автора, возник во времена перехода от отцовской семьи к супружеской. Трансформацию этого социального института Э. Дюркгейм объяснял бурным развитием индустриального общества, появление которого породило социальное расслоение и неблагополучие [3, с. 60].

Возникновение супружеских семей повлекло за собой появление у мужчин множества психологических проблем. В своих трудах Э. Дюркгейм рассматривал влияние изменений семьи на психологическое здоровье отцов в контексте изучения суицидального поведения: объектом его исследований стала взаимосвязь между разводами и самоубийствами у мужчин лишённых семьи. Статистика, к которой обращался исследователь, демонстрировала высокую частоту суицидов в группе мужчин, недавно разведённых или по другой причине утративших семью. Примечательно, что у мужчин с благополучной семейной жизнью количество суицидов было в разы меньше [4, с. 399].

Таким образом, увеличение уровня независимости у членов семьи от отца, стало серьёзной причиной кризиса в развитии семьи. В супружеской се-

мье, которая пришла на смену патриархальной, мужчинам не хватало стимуляции – ни экономической, ни эмоциональной, чтобы продолжать работать и жить. Единственным выходом из сложившегося кризиса стало создание новой морали, которая присутствовала в профессиональных корпорациях. Пребывание в профессиональных группах позволило бы мужчине получить то, чего он не ощущал в семье, с того момента как начался закат патриархальной семьи.

Модель поведения, которую предлагал социолог для выхода из сложившегося кризиса семьи, предполагала изменение позиции отца в семье и обществе ценой потери мужчиной возможности часто находиться дома с женой, детьми и другими родственниками. Мужчины должны были покинуть семьи и найти себя в различных профессиональных объединениях. Более отдалённые последствия отсутствия отца в доме Э. Дюркгеймом не рассматривались.

Таким образом, мы увидели, что в процессе трансформации семьи, роль отца постоянно изменялась. В Античности и Средневековье мужчина-отец был кормильцем и защитником. Когда патриархальная семья сменилась супружеской, изменилась и социальная роль отца, теперь отец рассматривается как воспитатель и наставник. На данном этапе развития общества требования к социальной роли отца пока не находятся в фокусе исследовательских интересов совре-

Библиографический список

1. Бердинских, В.А. Эволюция семьи. Россия / В.А. Бердинских. – М.: Наука, 2001. – С. 236–249.
2. Борисенко, Ю.В. Психология отцовства / Ю.В. Борисенко. – М.: ИГ-СОЦИН, 2007. С. 122–191.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – С. 52–77.
4. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М.: Мысль, 1994. – С. 326–399.
5. Кон, И.С. меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И.С. Кон – СПб.: Питер, 2007. – С. 57–82.
6. Кочубей, Б.И. Ответственная должность / Б.И. Кочубей // Семья и школа. – 2010. – №6. – С 72–79.
7. Мид, Дж. Аз и я / Дж. Мид // Американская социология. Тексты / под. ред. Добренькова. – М.: Издательство Московского Университета, 1994. – С. 234–241.
8. Смирнов, Д.А. Современный российский мужчина в семье и о семье: Стиль «молодого отца» в массовом сознании и поведении россиян / Д.А. Смирнов // Конструирование маскулинности на Западе и в России: Межвузовский сборник научно-методических материалов. – 2006. – №2. – С. 58–79.
9. Сорокин, П. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян / П. Сорокин. – Архангельск: Наследие, 2011. – С. 37–51.
10. Энгельс, Ф. происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1986. – С. 5 – 39.

УДК 316.74:61

Боженева А.С., Трошкин Е.И.

Структура и теоретические основы понятия «здоровый образ жизни»

В статье сравниваются сходные понятия, с целью определения рамок и их разграничения. Также рассматривает структура здорового образа жизни, которая не ограничивается лишь питанием и физическими нагрузками. Автор анализирует, какие исследователи и с какой перспективы рассматривали явление «здоровый образ жизни».

Ключевые слова: образ жизни, стиль жизни, способ жизни, здоровье, здоровый образ жизни

Боженева А.С., студентка 4
курса ЮУрГУ, e – mail:
nasya_kissik@mail.ru

Трошкин Е.И., доцент кафед-
ры социологии ЮУрГУ, e-
mail: trinkin2005@yandex.ru

UDC 316.74:61

Bozheneva A.S., Troshkin E.I.

The structure and theoretical foundations of the concept of "healthy lifestyle"

The article compares the similar concepts, with the aim of identifying frames and their differentiation. Also considering the structure of a healthy lifestyle, which is not limited to nutrition and physical activity. The author analyzes what the researchers and what the prospects considered the phenomenon of "healthy lifestyle"

Keywords: lifestyle, health, healthy lifestyle

Bozheneva Anastasia Sergeevna, a
student of the South-Ural State Uni-
versity

Troshkin Evgeniy Ivanovich, docent
of the South-Ural State University

CDU 316.74:61

Bozeneva A.C., Troshkin E.I.

Estructura y base teórica del concepto “modo de vida sano”

En este artículo se analiza los conceptos similares al “modo de vida sano” para definir y demarcar sus límites. También se investiga la estructura de dicho concepto que no se limita a la alimentación ni a los ejercicios físicos. Los autores analizan qué investigadores y con qué fines ponen en consideración el fenómeno “modo de vida sano”.

Palabras clave: modo de vida, estilo de vida, salud, modo de vida sano

Bozeneva A.C. es Estudiante de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur. E-mail: nasya_kissik@mail.ru

Troshkin E.I. es Docente de la Cátedra de Sociología de UEMUS, e-mail: trinkin2005@yandex.ru

На сегодняшний день, ведение здорового образа жизни стало повсеместно популярным: пропаганда и обсуждение ЗОЖ в телевизионных материалах, статьи в газетах, журналах и интернет – порталах. Данное понятие используется повсеместно, но, к сожалению, некоторые до сих пор не различают, чем образ жизни отличается и от стиля и способа жизни.

Поэтому прежде чем рассматривать структуру и основные теоретические подходы к изучению здорового образа жизни, а также само понятие здорового образа жизни, необходимо определить понятие «образ жизни», а также дать определение таким сходным понятиям («стиль жизни») и («способ жизни»), чтобы впоследствии различать или считать тождественными.

Соотношение понятий образ, способ и стиль жизни практически не освещено в научной литературе, и они никогда и нигде не рассматривались в качестве системной триады, переходящих друг в друга категорий, отражающих диалектику объективного и субъективного, общего, особенного и единичного, позволяющих моделировать образ жизни как изменяющуюся и вместе с тем функционирующую систему.

По мнению А.А. Возьмителя и Г.И. Осадчей [6, с. 58], «образ жизни – устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и

ценностями, отражающими эти отношения». Его возникновение происходит в результате осуществления и дальнейшей объективизации различных способов и/или стилей жизни; происхождения модальной личности, представляющей определенное мировоззрение, понимание и отношение к миру, характерное для «доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства». Характерными чертами общества в целом являются наиболее общие положения образа жизни. Именно они позволяют дифференцировать цивилизации, отличая, тем самым, их друг от друга. Поэтому, в данном контексте можно говорить о капиталистическом и социалистическом, традиционном и индустриальном, христианском и мусульманском, английском и американском образах жизни.

Способ жизни отражает и выражает тип жизнедеятельности, складывающейся под влиянием объективных условий и внутренних побудительных сил. Он демонстрирует возможности и формы, заложенные в образе жизни и его объективных условиях, реализуются в жизнедеятельности людей. Способ жизни является главенствующим элементом, через которое происходит преобразование социальных возможностей в реальную действительность. Отсюда он сопоставляется с реальной социальной ситуацией, а затем определяется характер взаимодействия с ней. В этом же значении является не только спосо-

бом поддержания и воспроизводства, но и способом изменения социальных взаимодействий. Он позволяет быть не только способом включения в социальную структуру, но и важным фактором ее динамик. Это происходит из – за того, что взаимодействие с социальной реальностью предполагает «субъектность, целенаправленную активность»: выбор места жительства, работы и т.д. исходя из личных осмысленных интересов и существующих альтернатив. Однако способы жизни характеризуют не просто специфические черты жизнедеятельности людей, но и различные, непохожие друг на друга и часто альтернативные повседневное поведение: типичные пути социального самоопределения, проявляющиеся в повседневной активности людей. Поэтому в данном контексте мы можем говорить о городском и сельском, о крестьянском, о предпринимательском и других способах жизни.

Если способ жизни представляет собой результат взаимодействия человека с социальной ситуацией, то стиль – с конкретной жизненной ситуацией. В разработку стиля жизни в качестве субкатегории образа жизни существенный вклад внесли такие украинские социологи как Л.В. Сохань и В.А. Тихонович [12, с. 125 – 133]. Благодаря их исследованиям, укрепилось следующее определение термина «стиль жизни». Стиль жизни – это социально-психологическая категория, выражающая определенный тип

поведения людей: индивидуально усваиваемый или избираемый, устойчиво воспроизводящий отличительные черты общества, его уклада, склонности, привычки и т.д.; типичные для определенной категории лиц, выявляющие своеобразие их духовного мира через "внешние формы бытия". Последнее утверждение явно обедняет содержание этой важной социокультурной категории, раскрывающей процессы социально-психологической социализации и самодифференциации в сознании и поведении людей.

Говоря более конкретно, стиль жизни характеризует сторону повседневности, ценностных ориентации и среды обитания, в качестве жилья и вещей, которая с одной стороны способствует отождествлению человека с группой, а с другой стороны позволяет выделить эту группу среди других.

Итак, образ, способ и стиль жизни различаются как по объему (широте) отражающих ими явлений и процессов, так и по характеру (общественные, социальные, социально-психологические); по своим социальным функциям (социализация, социальное и личностное самоопределение) и субъекту (модальный тип личности, личности определенных социальных и социально-психологических типов) [5, с. 50 – 56].

Разграничив рамки понятий «образ жизни», «стиль жизни» и «способ жизни», обратимся к понятию «здоровый образ жизни».

По определению Э.Н. Вайнера, «Здоровый образ жизни есть способ жизнедеятельности, со-

ответствующий генетически обусловленным типологическим особенностям данного человека, конкретным условиям жизни и направленный на формирование, сохранение и укрепление здоровья и на полноценное выполнение человеком его социально – биологических функций»[3, с. 201].

Также, Вайнер отмечает ряд ключевых положений, лежащих в основе здорового образа жизни:

1. Активным носителем здорового образа жизни является конкретный человек как субъект и объект своей жизнедеятельности и социального статуса.

2. В реализации здорового образа жизни человек выступает в единстве своих биологического и социального начал.

3. В основе формирования здорового образа жизни лежит личностно-мотивационная установка человека на воплощение своих социальных, физических, интеллектуальных и психических возможностей и способностей.

4. Здоровый образ жизни является наиболее эффективным средством и методом обеспечения здоровья, первичной профилактики болезней и удовлетворения жизненно важной потребности в здоровье.

Структура здорового образа жизни должна представлять собой принципиальное единство всех сторон материально-бытового, природного, социокультурного и духовного бытия человека, реализуемого через структурный, энергетический и информационный каналы. Указанные каналы обеспечения здоровой жизнедеятельности

человека отличаются двумя важными особенностями:

1. Любое средство действует на организм человека в целом, а не на одну какую-либо отдельную систему.

2. Любое средство обеспечения жизнедеятельности реализуется практически через все три канала.

Таким образом, уклад жизни человека должен учитывать сложность организации организма человека и многообразие его взаимоотношений с окружающей его средой.

Предпосылки образа жизни характеризуются:

психологическими свойствами личности человека;

социальным образованием реальности как продукта общественного развития и как субъекта труда, общения и познания, детерминированного конкретно-историческими условиями жизни общества;

духовностью как «одним из самых главных заблуждений человечества – это отрыв от материального» [11, с. 259].

Исходя из вышесказанного, структура здорового образа жизни состоит из следующих факторов:

сбалансированное питание;
регулярная физическая нагрузка;

режим труда и отдыха;

организация сна;

отсутствие вредных привычек;

медицинская профилактика;

культура межличностного общения;

психофизическая регуляция организма;

сексуальная культура.

Только в совокупности данные факторы позволяют говорить о ведении здорового образа жизни конкретного человека.

Об образе жизни как научной категории заговорили лишь тогда, когда выяснилась ограниченность, недостаточность анализа отдельных видов жизнедеятельности людей, когда возникла необходимость предвидеть изменения социальных отношений, что нашло отражение в ряде публикаций [1, с. 18].

Используя богатый познавательный потенциал «образа жизни», философы, экономисты, социологи, историки пытались преодолеть господствовавшие в советской науке стереотипы объяснения механизмов социального воспроизводства. Возможно, это обстоятельство повлияло на то, что изучению образа жизни в той или иной мере отдали дань многие ведущие советские обществоведы 70 – 80-х годов прошлого века.

Опыт его изучения в 70-е годы накапливался как в социологической литературе, так и в эмпирических исследованиях. Они давали хотя и новые, интересные, но все же фрагментарные сведения о реально складывающемся образе жизни в советском обществе. Идея целостности жизнедеятельности и ее целостного анализа тут просто «растворялась», поскольку изучались отдельные элементы образа жизни. Правда, можно назвать, по крайней мере, три в целом успешные попытки перехода от изучения отдельных сфер (видов) жизнедеятельности к созданию эмпи-

рически верифицируемых типологий (моделей) образа жизни. Это работы И.В. Бестужева-Лады [2, с. 34 – 42], новосибирских социологов Т.И. Заславской и И.В. Рыбкиной [8, с. 300 – 306] и Ж.Т. Тощенко [13, с. 150 – 152].

Подлинный исследовательский интерес к идее здоровья как социальной ценности и в связи с этим к различным практикам здорового образа жизни как социально необходимым и социально одобряемым действиям проявился в XX веке в рамках гуманистической социологии.

В работах Э. Дюркгейма большое значение придается социальному здоровью. Социальное здоровье, согласно мнению этого ученого, заключается в нормальном развитии жизненных сил индивида, коллектива или общества, в их способности адаптироваться к условиям среды и использовать ее для своего развития. Это дает им «шансы на долгую жизнь».

С точки зрения социального реализма Э. Дюркгейма социальная реальность выступает главенствующей по отношению к индивидуальной. Главным признается положение, согласно которому система коллективных представлений обуславливает любые формы индивидуального сознания и поведения [7, с. 218].

Ядро дюркгеймовской концепции – теория морали. Общественные функции морали Э. Дюркгейм связывал с воспитанием, цель которого – формирование социального существа, развитие в ребенке тех качеств и свойств личности, которые нужны обществу. Воспи-

тание всегда отвечает социальным потребностям и выражает коллективные взгляды и чувства и, следовательно, должно формировать социально значимые практики здорового образа жизни.

Подобного подхода придерживался и М. Вебер. Анализируя человеческое поведение с присутствующими ему связями и регулярностью, он назвал общественными такие действия, которые, во-первых, осмысленно ориентированы на ожидание, во-вторых, целерациональны в соответствии с ожиданиями, в-третьих, содержат субъективно целенаправленную смысловую ориентацию индивидов [4, с. 48 – 53]. Будучи членами социальных групп, индивиды являются продуктом социальной организации. Идеи и поступки индивидов рассматриваются как отличительные черты той или иной организации: в них выражаются ценности и особенности образа жизни определенных социальных групп, из устремлений которых возникает динамика общества. М. Вебер особо подчеркивал социальную значимость здорового образа жизни, утверждая, что «действия индивида, влияющие на сохранность здоровья, мы относим к социальным».

При такой исследовательской позиции наибольшее внимание уделяется таким социальным характеристикам личности, как статус, принадлежность к одной из страт общества, вовлеченность в коллективные действия и общественные процессы. Именно эти факторы влияют на выбор человеком

определенной практики здорового образа жизни.

Идею о социальной детерминированности и множественности подобных практик продолжает развивать Т. Парсонс [9, с. 15]. Он отмечает, что устойчивость всякой социальной системы зависит от степени интеграции ряда общих ценностных стандартов с интериоризированной структурой потребностей – установок, составляющих структуру личностей. По Т. Парсонсу, процесс интеграции индивида в социальную систему осуществляется посредством интериоризации общепринятых норм, когда индивид «вбирает» в себя общие ценности в процессе общения со «значимыми другими».

Основатель психотерапевтического направления В. Райх исходил из того, что источником и необходимым условием психического здоровья человека является его тело. Он первым указал на зависимость психики от состояния мускулатуры. Всякое наше переживание – гнев, печаль, радость, страх – находит свое выражение в характерных мышечных движениях, считал он. Отрицательные эмоции могут образовывать так называемый мышечный панцирь, цель которого – сдержать проявление отрицательного переживания и не дать ему распространиться. Снятие в процессе терапевтической работы всех мышечных панцирей восстанавливает у пациента способность к глубоким эмоциональным переживаниям [10, с. 98].

Библиографический список

1. Белова, Л.В. Социалистический образ жизни / Л.В. Белова. – М., 1980. – 183 с.
2. Бестужев-Лада, И. В. Опыт типологии социальных показателей образа жизни / И.В. Бестужев-Лада // Социологические исследования. – 1980. – №2. – С. 34 – 42.
3. Вайнер, Э.Н. Валеология / Э.Н. Вайнер. – М.: Наука, 2001. – 416 с.
4. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер. – М.: Наука, 1996. – 491 с.
5. Возьмитель, А.А. Образ жизни: концепция, сущность, динамика. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / А.А. Возьмитель. – Москва, 2000. – 74 с.
6. Возьмитель, А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа / А.А. Возьмитель, Г.И. Осадчая // Социологические исследования. – 2009. – №8. – С. 58 – 65.
7. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания / Э. Дюркгейм. – М., 1980. – 296 с.
8. Методология и методика системного изучения советской деревни / Т. И. Заславская, И. В. Рывкина. – Новосибирск, 1980. – 344 с.
9. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 15 с.
10. Петрушин, В.И., Петрушина, Н.В. Валеология / В.И. Петрушин, Н.В. Петрушина. – М.: Гардарики, 2003. – 257 с.
11. Рерих, Н.К. О вечном / Н.К. Рерих. – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.
12. Сохань, Л.В., Тихонович, В.А. Образ жизни: теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования / Л.В. Сохань, В.А. Тихонович. – Киев.: Наукова думка, 1980. – С. 125 – 299.
13. Тощенко, Ж.Т. Социальное планирование в СССР / Ж.Т. Тощенко. – М.: Прометей, 1981. – 203 с.

УДК 304.2 + 304.44 + 316.7

Рашевских В.О., Лаврова А.Г.

Графический язык эмоджи как элемент дискурсивных практик в социальных сетях Интернет

В статье рассматриваются новые дискурсивные практики, возникшие в рамках электронной коммуникации и получившие распространение в социальных сетях. Графический язык эмоджи–пиктограмм, используемых в Интернете, рассматривается как новый социокультурный феномен. Анализируется влияние эмоджи на культуру как в Интернете, так и за его пределами.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные практики, электронная коммуникация, Интернет, социальные сети

Рашевских Вероника Олеговна, студентка факультета журналистики Южно-Уральского государственного университета. Сфера научных интересов: гендерная социология, социология Интернета, современная философия, современные СМИ. e-mail: cherepok1616@mail.ru

Лаврова Анна Георгиевна, кандидат культурологии, доцент кафедры социологии Южно-Уральского университета (г. Челябинск, Россия). Сфера научных интересов: социология Интернета, социология молодежи, молодежные субкультуры. e-mail: lavrova.anna.fl@gmail.com

UDC 304.2 + 304.44 + 316.7

Rashevskih V.O., Lavrova A.G.

Graphic language of the emoji as part of the discursive practices in the social media

The new discursive practices occurred in terms of electronic communication and spreaded in social media are observed in this article. The graphic language of the emoji pictogram which are used on the internet is considering as a new sociocultural phenomenon. The influence of эмоджи over the culture as on the Internet and beyond either.

Keywords: discourse, discursive practices, online communication, the Internet, social networking

Rashevskih V.O., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, cherepok1616@mail.ru

Lavrova A.G., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, lavrova.anna.fl@gmail.com

CDU 304.2 + 304.44 + 316.7

Reshevskij V.O., Lavrova A.G.

El lenguaje gráfico Emodgy como elemento de las prácticas discursivas en las redes sociales del Internet

En este artículo se analizan las nuevas prácticas discursivas surgidas como resultado de la comunicación electrónica y extendida en las redes sociales. El lenguaje gráfico Emodgy-pictogram utilizado en el Internet se considera como un nuevo fenómeno sociocultural. Se explora el impacto de Emodgy a la cultura tanto en el Internet como más allá de sus límites.

Palabras clave: discurso, prácticas discursivas, comunicación electrónica, Internet, redes sociales

Reshevskij Veronica Olegovna es Estudiante de la Facultad del Periodismo de la Universidad Estatal de los montes Urales del Sur. E-mail: cherepoc1616@mail.ru

Lavrova Anna Gueorguievna es Doctora en Culturología, Docente de la cátedra de sociología de la Universidad Estatal de los montes Urales del Sur. E-mail: lavrova.anna.fl@gmail.com

Наше время характеризуется небывалым расширением коммуникативного пространства. И в этом заслуга научно-технической революции, приведшей к появлению электронных средств связи и глобальной сети Интернет. На первый план на сегодняшний день выдвигается становящаяся всеобъемлющей электронная коммуникация, предоставляющая пользователям неограниченные возможности для общения и меняющая формы и суть этого общения. Следовательно, меняются (и появляются новые) дискурсивные практики, понимаемые как «совокупность анонимных исторических правил, устанавливающих условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономического или географического пространства» [7].

По утверждению многих исследователей дискурса, способы понимания и репрезентации окружающего мира имеют преимущественно языковую, а, следовательно, и коммуникативную форму. Они исторически и культурно обусловлены и меняются со временем. Дискурсивная практика есть форма социального поведения, которое участвует в формировании социальности [2, С. 15.].

Дискурс, определяемый как «использование языка в повседневных текстах и общении, является динамической формой социальной практики, которая строит социальный мир, личности и идентичности» [4, С. 20]. И как личность формирует-

ся путем усвоения социальных диалогов, так и власть действует посредством позиционирования человека относительно различных дискурсивных категорий.

Кроме того, дискурсивные практики как часть социальной деятельности конституируют и упорядочивают речевые жанры, представляющие собой различные формы и виды социального поведения, производства социальной жизни, такие как: повседневная беседа, коммуникации в различных организациях, официальная переписка, личные письма, обзоры произведений различных жанров и т.д. По мнению лингвиста Н. Фэрклоу, автора концепции критического дискурс-анализа, одним из аспектов такого упорядочивания является доминирование: (значимые способы создания значений являются доминирующими или «мейнстримовыми» в определенном порядке дискурса) [8].

Дискурсивная практика опосредует социальную практику через текст: «Дискурс-анализ коммуникативного события включает три измерения: 1) текст (его лингвистические особенности); 2) дискурсивную практику (процессы производства и потребления текста); 3) социальную практику, к которой принадлежит данное коммуникативное событие» [1, с. 27]. Следовательно, изучая тексты и их диахронические изменения, мы можем говорить о изменениях в социальности и о том, как далеко заходят эти изменения в языке, в самой структуре коммуникации, благодаря появлению

электронной коммуникации и ее возможностям.

Таким образом, анализ дискурсивных практик в различных сферах позволяет отметить тенденции развития общества, поскольку именно в языке возможно отметить первые изменения социальности. Причиной этого является то, что дискурсивные языковые практики конструируют систему знаков и значений, социальных отношений и идентичностей. В процессе социальных взаимодействий члены общества «доказывают» друг другу правильность своего видения мира, в том числе и через «борьбу дискурсов».

Сильнее всего на сегодняшний день язык меняется в сфере Интернета. В качестве примера рассмотрим новые дискурсивные практики, возникшие и получившие распространение в социальных сетях. В Интернете пользователи получили новые коммуникативные возможности: использование иллюстраций, видео, эмоджи, анимированных вставок и аудио-файлов, чего не мог предоставить никакой другой вид коммуникации. Далее в ходе формирования языка сети Интернет, арго электронной коммуникации возникли специфические термины, сокращения, аббревиатуры, которые могут быть дешифрованы только носителем определенного культурного кода. Тексты электронной коммуникации являются креолизованными, «фактура которых состоит из двух негетерогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной

(принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, с. 180]. В креолизованном тексте происходит взаимодействие различных семиотических кодов, которые в свою очередь интерпретируются и перерабатываются реципиентом в единое целое. Креолизация текста позволяет не только придавать эмоциональную окраску тексту, но и увеличивает информационную наполненность сообщений.

В интернет-коммуникации пользователи активно используют наборы невербальных обозначений: «стикеры», эмоджи (также наз. эмодзи, смайлы, смайлики), мемы и т.д. Рассмотрим подробнее феномен распространения эмоджи – невербальной знаковой системы, включающей в себя небольшие пиктограммы, выражающие эмоции, понятия, явления, вещи, или наделенные семантикой какого-либо действия. Также, на наш взгляд, социокультурный феномен эмоджи включает в себя (помимо самих пиктограмм) механизмы их использования и всю семантическую нагрузку, несомую этим комплексом. Изначально эмоджи представляли собой комбинацию из знаков препинания и чисел. Причина их появления в том, что с появления возможности передачи текстовых сообщений в сети Интернет, значительную часть этих сообщений составила передача устной речи. И, в связи со спецификой этих сообщений и динамизмом их трансляции, встала проблема передачи эмоциональ-

ного состояния, к примеру, от деления шуточных высказываний от серьезных. Первый эмоджи представлял собой набор символов :-). Его автором является Скотт Элиот Фалман, опубликовавший пост на электронной доске объявлений в Университете Карнеги-Мелон 19 сентября 1982г. [5]. Позднее появился icq-клиент, разработчики которого (Яир Голдфингер, Арик Варди, Сефи Вигизер и Амнон Амир) предложили разнообразные эмоджи, в том числе и анимированные.

Эмоджи, которые приобрели популярность благодаря компании Apple, представляют собой особый графический язык. Изначально он появился в Японии. Компанией Apple были отрисованы соответствующие символы и добавлены их устройства Apple (раньше раскладка эмоджи присутствовала только в японской клавиатуре на iOS, а сейчас вынесена в отдельную клавиатуру). Язык эмоджи сохраняет появившуюся очень рано региональную специфику. Например, некоторые символы являются специфическими для японской культуры: кланяющийся бизнесмен, белый цветок, который означает «отлично выполненное домашнее задание» или группа символов для обозначения традиционной еды: рамэн, данго, онигири и суши.

Интернет-пользователи всех стран активно употребляют эмоджи в частной переписке, в личных сообщениях, комментариях, постах. Появляются Интернет-проекты, посвященные графическому языку эмоджи.

Например, в 2009 г. была опубликована адаптация романа Г. Мелвилла «Моби Дик», полностью переведенного на язык эмоджи и получившего название «Emoji Dick» [9].

Исходя из проведенного нами контент-анализа постов и комментариев в социальной сети «ВКонтакте», на некоторых Интернет-форумах и в социальной сети Инстаграм, были выделены следующие основные функции эмоджи:

- дублирующая функция – дублируется, удваивается или усиливается значение написанного слова (используется в основном в рекламных текстах);

- заменяющая функция – пиктограмма эмоджи заменяет слово, понятие образ, который автор сообщения не хочет писать по разным причинам (используется с одинаковой частотой как в частной переписке, так и в публичных высказываниях);

- смыслообразующая функция – с помощью одного или последовательности нескольких пиктограмм эмоджи выстраивается «фраза», смысл которой может быть дешифрован «причастными» к данной культуре, графическому языку эмоджи (одинаково часто используется в частной переписке и в комментариях; реже – в постах, особенно рекламного характера);

- функция изменения смысла вербального высказывания – с помощью пиктограммы эмоджи, поставленной рядом с фразой, значение последней может быть изменено от придания особой эмоциональной окраски (улыбающиеся, смеющиеся,

саркастичные эмоджи) до инверсии первоначального смысла фразы.

Также, на основании анализа комплекса эмоджи, предлагаемых компанией Apple, можно прийти к выводу о том, что эмоджи впитывают и отражают культуру современного общества. Например, в 2015 г., в связи с установкой новой версии iOS 8.3, пользователи получили дополнительные эмоджи и теперь можно выбирать цвет кожи антропоморфных эмоджи (антирасистская политика) [10]. Также в раскладке появились эмоджи, изображающие однополые семьи (политика толерантности и легализация однополых браков) [3].

Таким образом, графический язык эмоджи, («эмоджи-яз») является распространенной дискурсивной практикой, уже начинающей выходить за пределы сетевого пространства. Эмоджи используются в изобразительном и прикладном искусстве, становятся героями мультипликационных фильмов и музыкальных видеоклипов, появляются на стенах и асфальте как элементы граффити, этого графического фольклора и т.п. На сегодняшний день графический язык эмоджи можно рассматривать как сложившийся социокультурный феномен, имеющий наибольшее распространение в социальных сетях, но выходящий и за пределы сетевого пространства.

Библиографический список

1. Иссерс, О.С. Дискурсивные практики нашего времени/О.С. Иссерс. – М.: ЛЕНАНД, 2015г. – 272 с.
2. Йоргенсен, М.В., Филлипс, Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод./ М. В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс / Пер. с англ. – Харьков, 2004. – 254 с.
3. Однополые смайлики в обновленной версии мобильной операционной системы от Эппл [Электронный ресурс]. – URL: <http://il24.ru/world/curious/748-odnopolye-smayliki-v-obnovlennoy-versii-mobilnoy-operacionnoy-sistemy-ot-eppl.html>.
4. Русакова, О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций./О.Ф. Русакова // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология») – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006, – 177 с.
5. Смайллик [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энцикл. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2016. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%B8%D0%BA>.
6. Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
7. Фуко, Мишель [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энцикл. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2016. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%83%D0%BA%D0%BE,%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BB%D1%8C>.

8. Фэрклоу, Н. Диалектика дискурса. пер. Е. Кожемякина. /пер. с англ./ Н. Фэрклоу. [Электронный ресурс]. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml>.

9. Emoji Dick;) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.emojidick.com/>.

10. Apple добавила политкорректные смайлы в iOS beta 2 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.planetiphone.ru/news/088/apple-dobavila-politkorrektnye-smajly-v-ios-8-3-beta-2.html>.

УДК 32.019.52

Гусева Н.В., Докучаева С.В.

Деструктивные формы политической активности студенческой молодежи

Студенческая молодежь является носителем мощнейшего социального, культурного, политического потенциала в государстве. Именно от политических настроений молодежи, в том числе и студенческой во многом зависит направление развития общества. Студенческая молодежь как особая социальная группа обладает рядом психологических и социально-политических характеристик, так как повышенная эмоциональность, порывистость и максимализм в решениях, идеализм, склонность к экстремизму за счет стремления изменить мир к лучшему с помощью быстрых мер. Студенческая молодежь состоит в группе риска по склонности к участию в деструктивных формах политической и социальной активности, в том числе экстремистского и террористического характера. Исследование политических настроений студенческой молодежи Челябинской области выявило следующие тенденции. Недовольство властью в студенческой среде выражено достаточно ярко, но при этом к активным действиям в политической сфере молодые люди не готовы и отдают свое предпочтение неучастию в политике. Наличие экстремистских тенденций в своей среде отчетливо осознается студентами. И основными причинами этого называют отсутствие проработанной идеологической политики, а также отсутствие возможностей активно участвовать в жизни страны в рамках правового поля и в разных сферах жизни, таких как спорт, культура, политика, экономика. Кроме того, тяжелая экономическая ситуация осознается студентами и непосредственно влияет на формирование негативного отношения к действующей власти.

Ключевые слова: политическая активность, деструктивная политическая активность, политические настроения, студенческая молодежь, экстремизм

Гусева Нина Вадимовна, студентка Южно-Уральского Государственного Университета, г. Челябинск,

Докучаева Светлана Валерьевна, старший преподаватель Южно-Уральского Государственного Университета

UDC 32.019.52

Guseva N.V., Dokuchaeva S.V.

Destructive forms of student's political activity

Student youth is the bearer of the most powerful social, cultural, political potential in the state. From political attitudes of young people, including students largely depends on the development direction of the society. Students as a special social group has a number of psychological and socio-political characteristics as well as increased emotionality, perfectionism, and impulsive decisions, idealism, a tendency to extremism due to the desire to change the world for the better by using quick measures. Student youth is at risk for the propensity to participate in destructive forms of political and social activity, including extremist and terrorist nature. The study of the political attitudes of student youth of the Chelyabinsk region has revealed the following trends. Dissatisfaction with the authorities among the students expressed quite clearly, but to take action in the political sphere, young people are not ready and prefer not to participate in politics. The presence of extremist tendencies in their environment is clearly understood by the students, and the main reasons for this called the absence of a developed ideological policies, as well as the lack of opportunities to participate actively in the life of the country in the legal field and in different area of life, such as sports, culture, politics, economics. Moreover, the dire economic situation perceived by students and directly affects the formation of negative attitudes towards the current government.

Keywords: political activity, destructive political activity, political mood, student youth, extremism

Guseva Nina Vadimovna, student
of the South Ural State University,

Dokuchaeva Svetlana Valerevna,
lecturer, Department of political
science, South Ural State University

CDU 32.019.52

Guseva N.V., Dokuchaeva S.V.

Las formas destructivas de actividad política en la juventud estudiantil

La juventud estudiantil es un portador poderoso de potencial político, social y cultural del Estado, de los sentimientos políticos de ese sector dependen las tendencias del desarrollo de la sociedad. La juventud estudiantil como un grupo social específico posee una serie de características psicológicas y políticas, tales como: emocionalidad excesiva, espontaneidad, maximalismo en sus decisiones, idealismo, inclinación al extremismo, que se expresa en su aspiración a crear un mundo mejor con medidas rápidas. La juventud estudiantil ocupa un sector de riesgo por la cantidad de acciones extremistas y terroristas. La investigación de los sentimientos políticos de la juventud estudiantil en la región de Chelabinsk reveló las siguientes tendencias: el descontento del poder está expresado bastante claro, pero al mismo tiempo, la juventud no está preparada para participar en la esfera política y prefiere no participar en ninguna actividad pública. La causa principal de esta apatía es la ausencia de una ideología política elaborada y bien pensada, así como la carencia de la posibilidad de participar activamente en la vida pública del país en el campo del derecho y en otras esferas como deporte, cultura y economía. Además, la difícil situación económica de hoy también influye en la formación de actitudes negativas hacia el poder actual.

Palabras clave: actividad política, actividad política destructiva, sentimientos políticos, juventud estudiantil, extremismo

Guseva Nina Vadimovna es
Estudiante de la Universidad Estatal
de los Montes Urales del Sur

Dokuchaeva Svetlana Valerievna
es Maestra de la Universidad
Estatal de los Montes Urales del Sur.

Современный политический процесс характеризуется усложнением задач, которые стоят перед обществом и государством, усугублением социальных противоречий, обострением различных конфликтов и все это происходит на фоне экономического кризиса и растущей изоляции государства на международной арене.

Такая ситуация обостряет социальное напряжение, люди чувствуют себя незащищенными, состояние неопределенности оказывает разрушительное воздействие на психику граждан. При этом в природе человека заложено стремление действовать, менять окружающую реальность, проявлять активность и через нее выражать и реализовывать себя, свои потребности, стремления, достигать определенных целей, решать задачи, которые бы носили и социально-ориентированный характер.

И наиболее уязвимой социальной группой в подобные периоды времени оказывается молодежь, и особенно студенческая молодежь, так как именно молодые люди, получающие высшее образование чувствуют потребность и осознают свои возможности играть активную роль в политической, социальной, экономической и других сферах жизни общества и государства.

Однако, отсутствие полноценных возможностей проявлять активность в политике, культуре, спорте и т.д., приводят к тому, что молодежь начинает отдавать предпочтение деструктивным

формам активности, в том числе и политической, чтобы таким образом дать выход своей энергии и выразить свой протест.

Одной из форм деструктивной активности является экстремизм, и рост подобных настроений в молодежной среде обуславливает актуальность данной темы, так как позволяет понять мотивы такого поведения, механизмы формирования экстремистских взглядов в студенческой среде, а также предложить программу по коррекции деструктивной, в том числе и экстремистской активности студенческой молодежи. Кроме того, студенческая молодежь – это будущее нашего государства. Интерес к изучению этой группы населения, специфики ее политической активности и мотивов участия в политическом процессе продиктован особой ролью студенчества в нашем обществе – оно несет функцию воспроизводства интеллектуальной и профессиональной интеллигенции, а также необходимостью осмысления перспектив развития российского общества.

Постоянные изменения, происходящие в современном российском обществе, стремление политических лидеров и политических партий к расширению числа своих сторонников, возможность проведения демократических выборов – все это провоцирует изучение такого явления, как политическая активность граждан.

Политическая активность – это совокупность потенциальных /реализованных, инициативных, осознанных, самостоятель-

ных акций и интеракций, осуществляемых посредством различных форм и видов политической деятельности, с целью достижения власти, участия во власти, ее распределения, свержения, либо реформирования. Она имеет различную интенсивность проявления, индивидуальный уровень для каждого гражданина в отдельности, будучи сложным структурным образованием, она может выражаться посредством различных форм в зависимости от существующего типа политической системы и внутренних установок личности. Политическая активность органически взаимосвязана с различными сферами общественных отношений и оказывает значительное влияние на многие политические и социальные процессы и явления.

Неотъемлемым условием участия личности в осуществлении государственной власти и своей политической активности являются права и свободы, закрепленные в основном законе страны, Конституции РФ. Они выступают гарантом и ориентиром участия личности в политической жизни.

Посредством различных форм выражения своей гражданской позиции, индивид может отстаивать свои интересы, добиваться принятия или отмены определенных законов, мотивировать правящую элиту действовать в определенном направлении. Активная политическая деятельность также поможет ему эффективно защищать свои законные права и свободы от посягательств на них со стороны

других граждан или государства. Все это улучшает функционирование всей политической системы, помогает корректировать ее действия за счет хорошо отлаженной обратной связи, качественно улучшает взаимоотношения государства и общества.

Политическая активность принимает как конструктивные, так и деструктивные формы. В число последних входит бойкотирование выборов, несанкционированные митинги, собрания, пикеты. В крайних случаях – погромы, попытки смены государственного строя, революции. Еще одной деструктивной формой политической активности является терроризм, который в последнее время принимает угрожающие масштабы и реально угрожает стабильности политических систем в мире.

Исследование молодежи как особой социальной группы, участвующей в политической и общественной жизни общества сегодня весьма актуально. Это подтверждают как низкий интерес исследователей-политологов к данной проблематике, так и образование относительно новых сфер науки – социологии молодежи и ювенологии.

Молодежь как одна из самых социально активных групп, обладает рядом психологических особенностей, которые автоматически вносят ее в группу риска в условиях социально-политической и экономической нестабильности в государстве. К таким особенностям относятся стремление к самоидентификации, склонность к экстремизму, отрицание авторитетов,

поиск новых способов изменить мир к лучшему, радикализм в оценке реальности, идеализм и пробование новых социальных ролей.

Поэтому государство должно активно включать молодежь в решение реальных политических проблем и проводить грамотную молодежную политику.

В настоящее время в нашей стране необходимы комплексные меры по созданию необходимых институтов и инструментов для выражения мнения молодого поколения, чтобы оно могло действительно влиять на политику государства, добиваться принятия нужных именно им законов. Власть должна обратить свое внимание на молодежь, заняться ею, иначе мы получим еще одно потерянное поколение без ценностей и идеалов подлинной гражданственности.

Политические настроения – это определенное эмоциональное состояние граждан, выражающееся в эмоциональных реакциях удовлетворенности или недовольства, происходящими в стране событиями, действиями властей и т.д.

Изучение политических настроений позволяет также отследить потенциальный уровень политической активности и определить ее характер – конструктивный или деструктивный.

Политические настроения и политическая активность молодежи напрямую связаны между собой, и необходимо понимать, что настроения, имеющие место в молодежной среде оказывают непосредственное влияние

на то, какие формы активности выбирают молодые люди для участия в жизни своего государства.

В настоящее время экономическая и социальная ситуация в стране является достаточно напряженной, студенческая молодежь сталкивается с вызовами кризисного периода и не всегда может конструктивно и эффективно на них реагировать.

Накапливающееся недовольство не находит выхода в официальных формах протеста, да и в принципе нет готовности высказывать недовольство действиями власти.

Такая ситуация имеет предпосылки для развития экстремистских настроений и противоправных действий в среде студенческой молодежи. Поэтому что экстремистская деятельность воспринимается чаще всего как протест в целом, а не конкретно против власти, и таким образом происходит выплескивание накопившегося недовольства, сброс социального напряжения.

Поэтому в первую очередь в настоящее время необходимо заниматься профилактикой экстремистской деятельности и направлением активности молодежи в каналы правового поля, повышая их эффективность и доступность.

Для повышения политической активности молодежи существует большое количество методов и практик, к которым относится повышение правовой и политической культуры граждан, воспитание молодого поколения в духе уважения к праву, его ведущей роли в современном

государстве, создание для этой цели специальных программ и повышение уровня легитимности и доверия к власти. Никакая власть не может рассчитывать на долгое и успешное существование, используя только принуждение, необходимо чтобы люди сами хотели участвовать в политическом процессе, а молодежь – это будущее страны, от нее зависит развитие государства.

Политическая элита должна отказаться от давления и манипуляций, что приведет к развитию процесса политического воспитания граждан, который, в свою очередь, будет способствовать выработке у индивида политических ценностей, смыслов и ориентаций демократического правового государства, которые станут внутренними регуляторами его поведения, их наличие подтолкнет его проявлять интерес к политическим событиям в стране и как следствие, заявить о своей собственной политической, гражданской позиции, т.е. проявить себя политически активной, всесторонне развитой личностью.

Одной из важнейших форм участия молодежи в политическом процессе являются различные молодежные общественно-политические движения и организации. В настоящий момент в России действует более 40 подобных образований [6]. Молодежные движения «являются институтами политического участия, которые представляют собой совокупность структурных образований, устойчивых общественных отно-

шений, взаимодействий, составляющих систему политического участия, имеющих своей целью влияние на государственную или общественную политику».

Изучение политических настроений позволяет также отследить потенциальный уровень политической активности и определить ее характер – конструктивный или деструктивный.

Исследование политических настроений студенческой молодежи проводилось в рамках проведения социологического исследования по Челябинской области по выявлению деструктивных, экстремистских настроений в молодежной среде.

В опросе участвовало 1000 человек в возрасте от 18 до 30 лет, учащиеся высших и средних учебных заведений области. Для анализа политических настроений мы сделали выборку вопросов, позволяющих исследовать такие параметры как желание участвовать в политической жизни страны в разных формах, ценности, преобладающие в молодежной среде, стремление и готовность защищать эти ценности (и какие именно), степень удовлетворенности действиями властей в зависимости от уровня дохода и основного источника заработка и ряд других показателей [3].

Целью данного исследования было изучить политические настроения студенческой молодежи, основные ценности молодежи в социальной и политической сферах, удовлетворенность действиями властей.

Первый показатель, который мы анализировали, это отношение к действующей власти. На рисунке 1 можно увидеть, что 30 % опрошенных не одобряют действий властей и относят себя к оппозиции. При этом 28 % в целом одобряют действия властей, а 6 % полностью поддерживают и одобряют власть. Таким образом, получается, если суммировать тех, кто одобряет полностью и одобряет в основном, то будет 34 % опрошенных. И в данном

случае мы видим, что количество довольных и недовольных примерно равны. Однако, те, кто довольны в основном, могут под воздействием обстоятельств и непродуманных действий власти перейти в разряд тех, кто не одобряет проводимый политический курс, и тогда ситуация может измениться весьма серьезно, так потенциально недовольных 28 %, что в сумме с недовольными 28 %, а это абсолютное большинство.

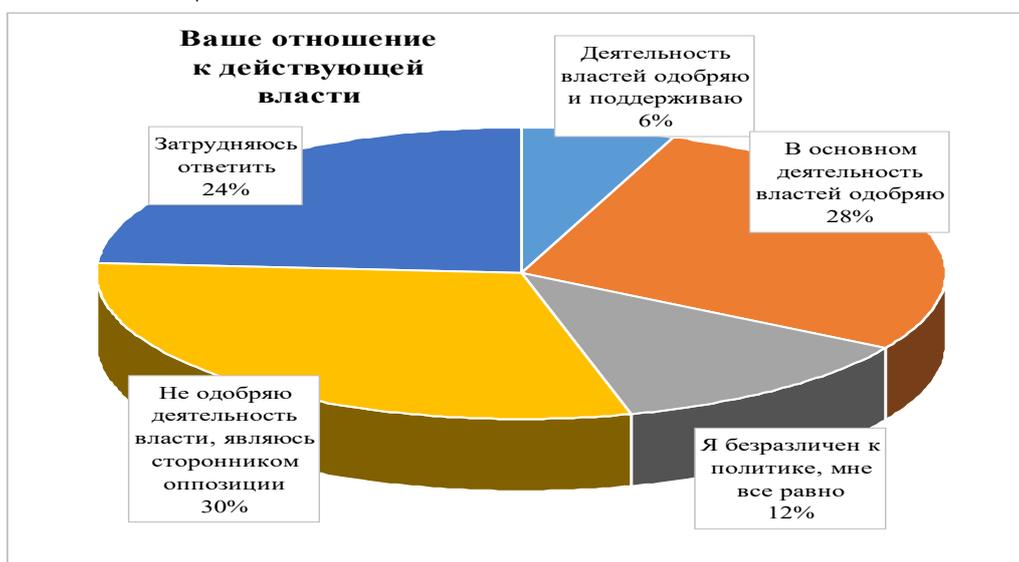

Рис.1 Отношение к действующей власти

Следующий параметр, который мы анализировали, это готовность принять участие в общественно-политических организациях, его результаты изображены на рисунке 2.

По данному показателю, мы видим, что только 5 % опрошенных состоят в организациях тако-

го рода, 44 % допускают для себя возможность участия в общественно-политических организациях, а 51 % не участвует и не планирует участия. Данные результаты, на наш взгляд, свидетельствуют о низком уровне реальной активности молодежи в сфере политики, и совокупный

объем реальных и потенциальных участников общественно-политических организаций

меньше тех, кто вообще не видит себя участником подобных движений.

Рис. 2. Уровень готовности студенческой молодежи к участию в деятельности общественно-политических организаций

Далее в таблице 1 мы можем увидеть проявления реальной активности молодежи в виде посещений митингов, акций протеста и т.д. в соотношении с уровнем одобрения или неодобрения действий властей.

Те, кто полностью одобряют деятельность властей, не участвуют и не планируют участие в подобных мероприятиях. Те, кто в основном одобряют деятельность властей (210 человек) так же планируют участие в акциях против действующей власти. Однако же и те, кто не одобряет

действия властей (157 человек), тоже не рассматривают участие в митингах, шествиях и т.д. как приемлемый для себя вариант – они заявляют, что также не принимают в них участия и не планируют.

На наш взгляд это говорит о том, что даже при наличии недовольства властью, молодежь не рассматривает формальные способы протеста, лежащие в правовом поле как эффективные, и предпочитает не участвовать в них, чем пытаться что-то изменить таким образом (донести до власти свою позицию).

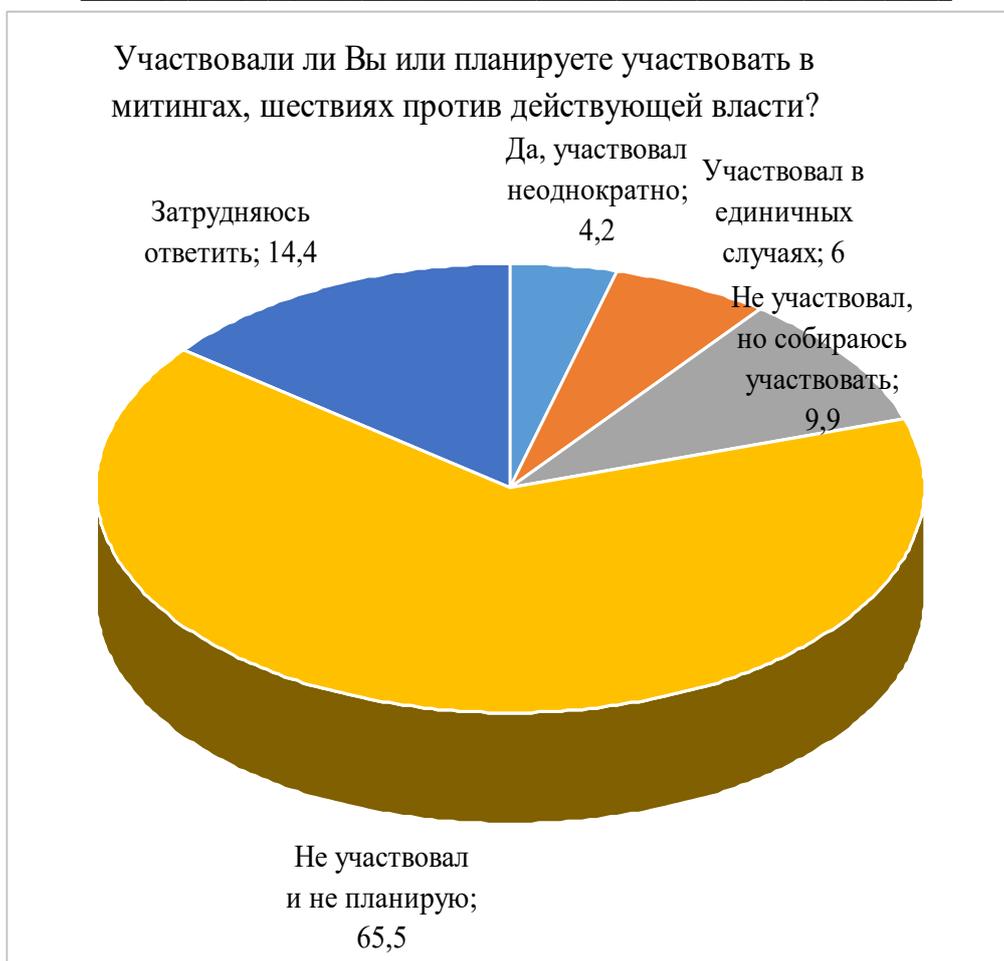

Рис. 3. Готовность студентов участвовать с акциях против действующей власти

Одним из основных показателей политических настроений является и не планируют такого участия. готовность принимать участие в Участвовали неоднократно 4,2 %, а акциях протеста против власти. По планируют 9,9 %, что в сумме дает данному показателю, как мы видим в настоящее время уровень кто не готов к открытым проявлениям политической активности студенческой молодежи низкий, так как сти в данный момент.

Таблица 1. Соотношение уровня одобрения действий властей с проявлениями политической активности в виде участия в митингах и шествиях против действующей власти

Ваше отношение к действующей в стране власти	Участвовали ли Вы или планируете участвовать в митингах, шествиях против действующей власти				
	Да, участвовал неоднократно	Участвовал в единичных случаях	Не участвовал, но собираюсь участвовать	Не участвовал и не планирую	Затрудняюсь ответить
Деятельность властей одобряю и поддерживаю	3	3	5	45	5
В основном деятельность властей одобряю	14	20	21	210	25
Я безразличен к политике, мне все равно	3	6	8	102	10
Не одобряю деятельность власти, являюсь сторонником оппозиции	19	27	60	157	55
Затрудняюсь ответить	5	8	10	172	57

Далее мы решили проанализировать активность студентов в зависимости от специальности, на которой они обучаются. Результаты данного анализа представлены в таблице 2.

По представленным в таблице данным, мы можем увидеть, что наиболее активны в плане участия в митингах и шествиях против действующей власти, студенты гуманитарной и социально-политической специальности – 15 человек участвовали в подобных акциях не однократно. На втором месте по активности представители экономических, финансовых и управленческих специальностей (10 человек), на третьем месте – естественно-

научных и медицинских специальностей. Однако, подавляющее количество студентов всех специальностей обучения не участвовали и не планируют участия в подобных мероприятиях. И здесь также лидируют представители социально-политических и гуманитарных направлений – 238 человек. Это, на наш взгляд можно объяснить тем, что студенты данных специальностей лучше ориентируются в политической ситуации, и в их среде преобладают настроения неучастия, мысли о том, что подобными акциями ничего нельзя изменить и т.д. Однако и наибольшая степень активности также среди этих студентов, что можно объяснить

стремлением изменить существующий порядок и понимание того, что делать это необходимо правовыми методами.

Далее мы проанализировали, какие ценности молодежь готова защищать с оружием в руках.

На рисунке 3 мы видим, что 68,2 % считают такой ценностью близких и друзей. Независимость страны и родину готовы защищать 11,1 %, материальное благополучие 9,1 %. Остальные ценности, такие как демократия, самобытность страны, культурные и духовные ценности представлены в очень незначительном процентном соотношении, что свидетельствует об их второстепенной роли в цен-

ностных ориентациях опрошенных. Подобное распределение ценностей обусловлено возрастом и психологическими особенностями участников опроса – для студенческой молодежи наиболее остро стоят вопросы безопасности близких и страны, последнее может быть обусловлено высоким уровнем патриотической пропаганды в обществе и страх перед возможной угрозой со стороны других стран. Материальное благополучие стоит на третьем месте, так как небольшой процент студентов самостоятельно зарабатывает себе на жизнь и пока не задумывается о материальной составляющей жизни.

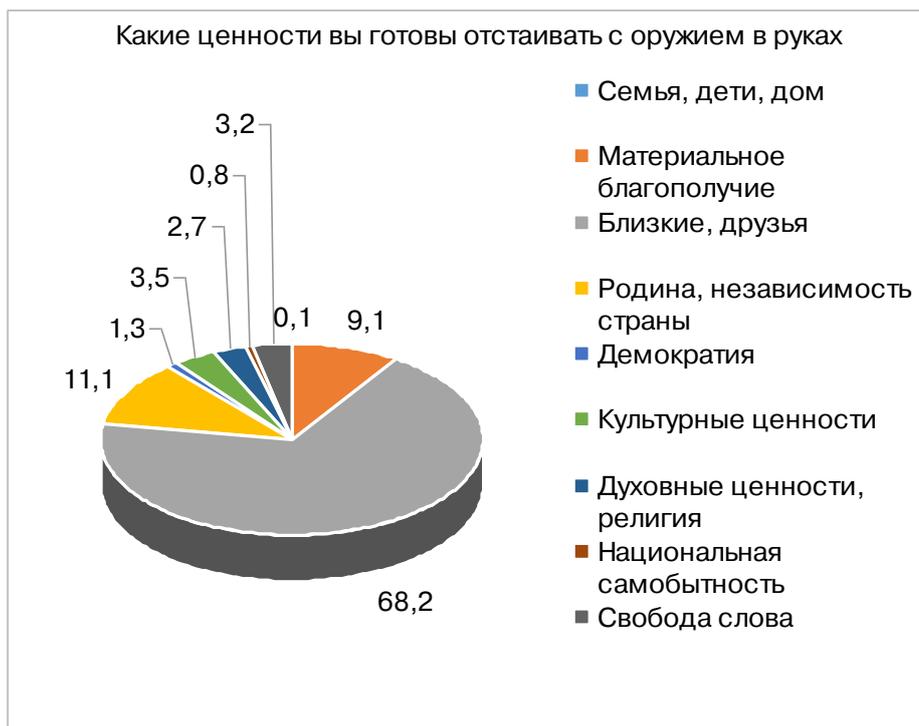

Рис. 4. Ценности, которые представители студенческой молодежи готовы защищать с оружием в руках

Далее мы проанализировали степень удовлетворенности действиями властей у студентов с разным уровнем дохода семьи и с разными источниками доходов.

Из тех, кто вообще не одобряет действия властей и относит себя к оппозиции, в очень тяжелом материальном положении находятся 7 человек, и среди тех, кто одобряет действия властей нет ни одного, кто бы описал своей положение как очень тяжелое. Только 11 человек из тех, кто полностью поддерживает деятельность правительства могут ни в чем себе не отказывать, среди тех, кто в основном одобряет деятельность правительства таких 29, среди тех, кто относит себя к оппозиции таких – 32. То есть по данной категории мы видим, что уровень доходов не влияет на отношение властей и в группе недовольных властями больше всего тех, кто может себе ни в чем не отказывать. Из этого можно сделать вывод, что материальное положение таких студентов и их семей не зависит от действий правительства напрямую.

Среди тех, кому в основном денег хватает, но приходится копить на крупные покупки, в основном деятельностью властей довольны 203 человека, а 190 человек относят себя к оппозиции и действиям власти не одобряют. Как мы видим, разница в количестве не критична и значения близки. Из этого можно сделать вывод, что даже среди тех, чей уровень жизни пока не вызывает напряжения, копится недовольство властями, а при снижении уровня материально-

го дохода, нарастание недовольства может приобрести лавинообразный характер.

В следующей таблице мы можем увидеть, как соотносится уровень одобрения действий властей с основными источниками дохода студентов. Основным источником доходов у студенческой молодежи является помощь родителей, и здесь результаты следующие – 163 человека из тех, кому в основном помогают родители, в целом одобряет действия властей, а 150 не одобряют и относят себя к оппозиции, то есть мы видим соотношение примерно одинаковое. А вот среди тех, у кого основным источником дохода является заработная плата – количество недовольных действиями власти велико – 111 человек, а полностью одобряют власть только 15 человек.

Из этого можно сделать вывод, что те, кто сам зарабатывает себе на жизнь, гораздо критичнее относятся к власти, так как сталкиваются с реальными проблемами в поиске работы, уровне оплаты труда и т.д. В то время, как живущие за счет помощи родителей еще не сталкивались с проблемами заработка и тем, как в реальной жизни обеспечивать себя всем необходимым. Однако даже в этой группе большое количество недовольных действиями правительства, так как деньги, высланные родителями нужно тратить на свое усмотрение, планировать бюджет и все это происходит на фоне роста цен и трудностей с получением иных форм дохода.

Таблица 2. Зависимость уровня одобрения действий властей от основного источника доходов студенческой молодежи

Ваше отношение к действующей в стране власти	Основной источник Ваших личных доходов			
	Помощь родителей	Стипендии, дотации	Заработная плата	Другой вид дохода
Деятельность властей одобряю и поддерживаю	36	7	15	2
В основном деятельность властей одобряю	163	38	73	16
Я безразличен к политике, мне все равно	76	17	27	8
Не одобряю деятельность власти, являюсь сторонником оппозиции	150	32	111	19
Затрудняюсь ответить	141	28	61	15

Следующее, что нас интересовало, это мнение студентов о том, по каким причинам в обществе распространяется молодежный экстремизм и как, по их мнению можно с ним бороться.

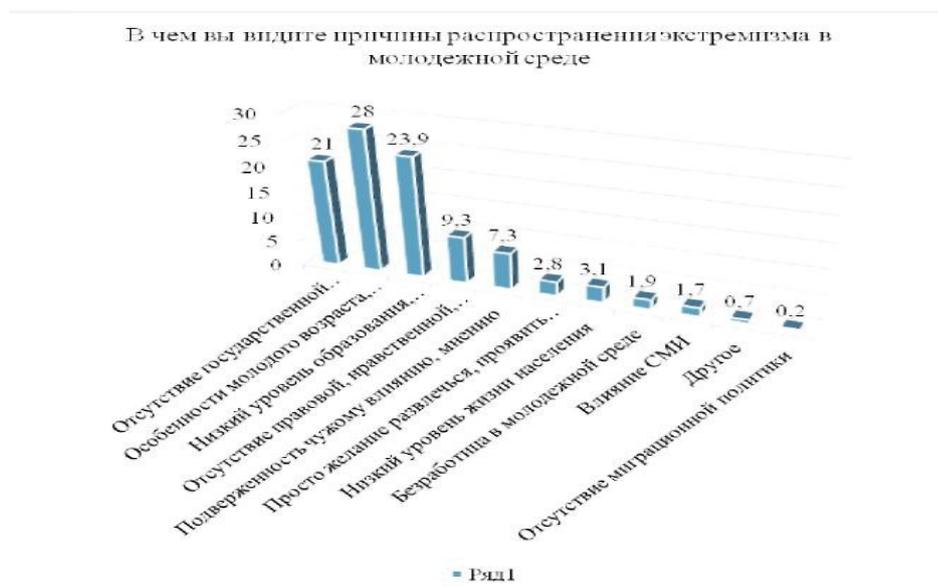

Рис. 5. Причины распространения экстремизма в молодежной среде

На данном рисунке мы видим следующие результаты. Основными причинами распространения экстремизма студенты называют особенности молодого возраста и стремление изменить мир, на втором месте – низкий уровень образования, грамотности, на третьем месте – отсутствие государственной идеологической политики. То есть, естественное желание молодежи сделать мир лучше, внести свой вклад в развитие, сделать что-то ценное и значимое приобретает деструктивные формы, из-за отсутствия

ориентиров со стороны государства в виде ценностей, норм, идеологических установок, а также по причине низкой эффективности реально действующих способов вести такого рода деятельность с помощью легальных, правовых методов. Кроме того, достаточно высокий уровень недовольства действиями властей может привести к потере доверия к власти и восприятию ее как врага, по отношению к которому допустимы любые действия, в том числе и экстремистского характера.

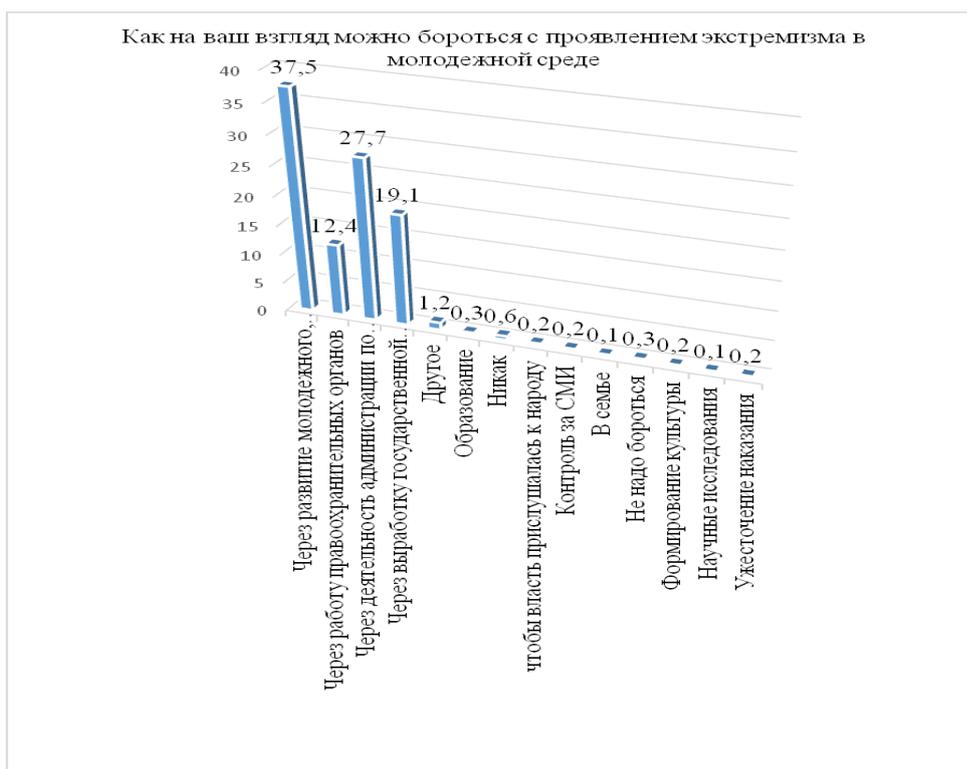

Рис. 6. Способы борьбы с экстремизмом в молодежной среде

Как мы можем увидеть на данном рисунке, молодежь видит пути борьбы с экстремизмом в своей среде в первую очередь через развитие молодежного, культурного и спортивного движений – 37,5 %, далее необходимой мерой называют деятельность администрации по трудоустройству и социальной помощи – 27,7 % и выработку государственной идеологии – 19,1 %. Значимости работы правоохранительных органов отводится четвертое место в рейтинге, и этот способ как эффективный выделили 12,4 % опрошенных. Остальные меры, такие как контроль за СМИ, ужесточение наказаний, формирование культуры и др. в глазах молодежи не обладают нужной эффективностью.

В студенческой молодежной среде растет недовольство действиями властей, однако подавляющее большинство не готово к активному выражению этого недовольства и при этом не рассматривает участие в общественно-политических организациях, а также участие в митингах и шествиях как эффективные способы выражения своего мнения и участи в политике [5].

Проблема экстремизма в своей среде отчетливо осознается молодежью и основные причины распространения данного явления видятся в отсутствии каналов выражения творческой активности и энергии, а также отсутствия поддержки со стороны государства в социальной сфере и неясность в идеологическо-ценностной сфере [4].

Бороться с этим явлением молодежь предлагает с помощью развития движений, в которых потенциал данной социальной группы будет использоваться в полной мере, и более активное участие государства в решении социальных и идеологических проблем молодежи [7].

Деятельность по профилактике деструктивных форм политической активности, в том числе и экстремистских, должна носить системный характер и реализовываться на всех уровнях власти и при тесном и согласованном взаимодействии таких социальных институтов, как семья, школа, высшие и средние учебные заведения.

Необходима продуманная государственная политика в социальной и экономической сферах, чтобы у населения, в том числе и у молодежи было ощущение возможностей реализации своих возможностей и относительной стабильности для достижения различных целей по преобразованию общества (развитие гражданского общества, гражданских инициатив, малого и среднего бизнеса и т.д.).

Кроме того, молодежь нуждается в культурно-нравственных ориентирах, в основе которых лежат гуманистические ценности и уважение к своей и чужой культуре. Выработка таких ориентиров также лежит в сфере ответственности государства через учебные заведения, социальные институты нравственного и культурного воспитания, помощь в создании и развитии

движений и организаций, направленных на стимулирование конструктивной активности молодежи и способствующие ее самореализации [2, 1].

Таким образом, профилактика и коррекция деструктивной и экстремистской политической активности молодежи является

приоритетной задачей государства в данный период, однако реализована может быть только как комплексный стратегический комплекс мер, касающийся всех сфер жизни общества и как следствие регулирующий проявления активности молодых людей.

Библиографический список

1. Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России / Г.В. Баранова // Социологические исследования, №10. – 2012. С.143–152.

2. Беликова Е.А. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1 (31). – С. 57–61.

3. Ильин И.В. Молодежная политика: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. Ильин И.В. М., Профиздат, 2009, С. 129.

4. Подхомутникова М.В. Политическая активность молодежи как важный компонент политического процесса в России // Теория и практика общественного развития. – М., 2012. – № 4. – С. 229–232.

5. Тимофеева, Л.Н. Политическая социализация молодежи: вчера и сегодня / Л.Н. Тимофеева // Молодежь вчера, сегодня, завтра: Научн.-практ. конф.: Тез. докл. / Редкол.: Гаврилов В.В. и др. // М.: Изд-во «Проспект», 2010. – 120 с. – С. 53–70.

6. Хорбаков С.Ц. Молодежные объединения как форма политического участия молодежи // С.Ц. Хорбаков / Вестник Бурятского Гос.университета, 2008, Вып.14. – С. 249.

7. Шлыкова, Е.В. Потенциал протестной активности молодежи в условиях риска: анализ случая [Электронный ресурс] / Е.В. Шлыкова // Вестник Института социологии. – 2015. – № 3 (13). – С. 118–136. – URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vecnik_2015_13/Shlykova.pdf.

УДК 325.1

Росс Е.С., Хвощев В.Е.

Политическое регулирование трансграничной миграции в современном мире

В современном мире миграция населения создаёт массу сложных проблем. Тысячи людей каждый день пересекают границу в поисках лучшей жизни. Причинами переезда может стать экология, несогласие с действиями властей, военный конфликт на территории родной страны. Все это влечет за собой изменения в политической, экономической и социальной сферах жизни. Изучение миграции в рамках миграциологии подразумевает изучение всех этапов миграции — от причин переезда до способов адаптации в новой стране проживания, но из-за отсутствия достоверных данных регулирование миграционной политики на законодательном уровне сегодня очень затруднено. Для разработки всех аспектов миграционной политики нужно проанализировать не только причину эмиграции, но и выбор конкретной страны.

Ключевые слова: миграция, миграциология, беженцы, мигранты, переезд, адаптация, «утечка мозгов», эмиграция, иммиграция, статистика, политическое регулирование, международные конвенции, миграционная политика

Росс Екатерина Сергеевна, магистрантка, Южно-Уральский Государственный Университет, e-mail: katrina.ross@yandex.ru

Хвощев Владимир Ефимович, профессор ЮУрГУ, e-mail: vek@susu.ac.ru

UDC 325.1

Ross E.S., Khvoshchev V.E.

Political regulation of cross-border migration in the modern world

Today population migration is one of key problems of the modern world. Every day thousands people cross border in search of the better life. The ecology, disagreement with actions of the authorities, the military conflict in the territory of the native land can become the reasons of moving. All this involves changes in political, economic and social spheres of life. Studying of migration within the migratsiologiya implies studying of all migratory stages – from the moving reasons to adaptation methods in the new country of accommodation, but today regulation of migration policy at the legislative level is difficult because of the lack of reliable data. For development of all aspects of migration policy is necessary to analyze not only the reason of emigration, but also the choice of the specific country.

Keywords: migration, migratsiologiya, refugees, migrants, moving, adaptation, "brain drain", emigration, immigration, statistics, political regulation, international conventions, migration policy

Ross Ekaterina, master of South
Ural State University, e-mail:
katrina.ross@yandex.ru

Khvoshchev V.E., professor, South
Ural State University, e-mail:
vek@susu.ac.ru

CDU 325.1

Ross E.S., Jvoschev V.E.

Regulación política de la migración transfronteriza en el mundo contemporáneo

En el mundo contemporáneo la migración crea un montón de problemas complejos. Cada día miles de individuos cruzan las fronteras en búsqueda de una vida mejor. Las causas del traslado pueden ser ecología, inconformidad con los regímenes sociales, conflicto militar en el territorio del país de origen, entre otros. Todo eso conlleva a cambios en la vida política, económica y social. El estudio de la migración en los límites de la migraciología implica explorar todas las etapas de la migración: desde las causas del traslado hasta los modos de adaptación al nuevo país de residencia. Pero, por la ausencia de datos fidedignos, la regulación de las políticas migratorias a nivel legislativo hoy día se realiza con gran dificultad. Para abarcar todos los aspectos de la política migratoria es necesario analizar no sólo la causa de la emigración sino también estudiar los motivos de elección del país concreto al que se dirige el migrante.

Palabras clave: migración, migraciología, refugiados, migrantes, traslado, adaptación "fuga de cerebros", inmigración, estadística, regulación política, convenciones internacionales y política migratoria

Ross Ekaterina Sergueevna es
Magistrante de la Universidad
Estatad de los Montes Urales del
Sur. E-mail: katrina.ross@yandex.ru

Jvoschev Vladimir Efimovich es
Profesor de la Universidad Estatal
de los Montes Urales del Sur. E-
mail: vek@susu.ac.ru

В XXI веке переселение людей приняло глобальные масштабы. Перемещение населения заметно упростилось, ускорилось и повлекло за собой заметные экономические и политические последствия как внутри отдельных государств, так и на международном уровне. Проблемы, вызванные миграцией, становятся актуальными для большинства стран мира и требуют обстоятельного политического регулирования.

Сегодня традиционный уклад жизни усложняется новыми миграционными потоками, которые оказывают значительное влияние на политическую и экономическую ситуацию, влияют на социальные условия, показатели демографии не только в своей стране, но и в стране, куда они прибывают. Кроме этого, изменения происходят в численности и этническом составе населения принимающей страны.

Причинами международной миграции сегодня являются политическая нестабильность, военные конфликты, социальные и экологические факторы.

Вопросами миграции занимается такое научное направление как миграциология. Впервые этот термин был введен Денисенко М.Б., Ионцевым В.А. и Хоревым Б.С. в 1989 году в научном пособии «Миграциология». По мнению авторов миграциология является одним из направлений демографической науки, а в целом миграциология изучает общую миграционную подвиж-

ность населения, которая, как правило, обусловлена социально-экономическими и политическими причинами.

Миграционные процессы разнородны по составу участников и отличаются своей направленностью. В них принимают участие различные группы людей, движение которых может быть эмиграционным или иммиграционным. Причины, по которым люди переезжают, всегда разные. Это может быть война или катастрофа, неравенство между развитием и экономическим потенциалом стран. Все это является трансграничным движением населения.

Основным субъектом миграциологии является мигрант. Организация Объединенных Наций выделяет несколько типов мигрантов – международный мигрант, долгосрочный мигрант, краткосрочный мигрант. Международный мигрант – лицо, меняющее свою страну обычного проживания. Долгосрочный мигрант – это лицо, устраивающееся для проживания в другой стране на срок, по меньшей мере, в один год. Краткосрочный мигрант – лицо, приезжающее в страну иную, чем его или ее страна обычного проживания, на срок, минимум в три месяца, но менее одного года. Лица, меняющие свою страну проживания в целях отдыха, отпуска, пребывания у друзей или родственников, проходящих медицинское лечение на срок менее одного года, не считаются мигрантами [1].

Разнородность и разрозненность понятий, которые характеризуют миграцию и ее субъекты затрудняет разработку единой программы для мигрантов, нормативно-правовых актов для регулирования этого вопроса не только на международном уровне, но и на государственном. По данным доклада ООН «Международная миграция и развитие», который был опубликован в августе 2016 года, количество мигрантов увеличилось с 155 миллионов человек в 1990 году до 214 миллионов человек в 2010 году, т.е. на 39%. В 2015 году число международных мигрантов уже достигло 244 миллионов человек. Сегодня свыше 40 миллионов человек находятся в положении вынужденных переселенцев внутри стран, а количество беженцев и людей, которые ищут убежище, превысило 24 миллиона.

Согласно статистике, с 1950 по 1990 год население стран Европы и Северной Америки росло путем естественного прироста, а уровень рождаемости превышал смертность. С 1990 года население развитых стран мира увеличивалось из-за потока мигрантов, прибывающих в страну. Учитывая последние политические события и военные конфликты, возрос поток беженцев и мигрантов в Европу, частыми стали трагедии нелегальных мигрантов в Средиземном море, пытающихся незаконным способом попасть на материковую Европу.

Переезжая на постоянное место жительства в другую страну мигрантам очень сложно адаптироваться к социальной, этнической и культурной сфере жизни новой страны. При выборе новой страны для проживания весомым фактором является территориальная расположенность государства, социальная поддержка со стороны правительства, наличие сообществ мигрантов-земляков.

Попытка охарактеризовать миграцию в современной России предпринята экспертами Комитета гражданских инициатив Ольгой Воробьевой и Александром Гребенюком в докладе «Эмиграция из России в конце XX–начале XXI века». В докладе рассматриваются причины, которые заставили россиян покинуть страну. Причиной переезда становится целый ряд факторов экономического и политического содержания, которые нуждаются в научном анализе. Например, среди основных причин эмиграции из России авторы называют преследование за оппозиционные взгляды и несогласие с политикой действующего руководства, высокий уровень коррупции, недоверие к правоохранительным органам и судебной системе. В социально-экономической сфере причинами отъезда называются низкая оплата труда и трудности с приобретением жилья, плохое медицинское обслуживание. Для промышленных регионов основной причиной оттока населения является плохая экология.

По данным социологического опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения о переезде чаще всего задумываются жители Москвы. Переехать за границу на постоянное место жительства думают 17% жителей столицы, против 13% жителей России в целом. Как правило, переехать хотят молодые люди от 18 до 24 лет (38%) и люди с высшим образованием (23%). Для переезда конкретные действия предпринимают 59% москвичей и всего 45% остальных жителей России. Они начинают заранее изучать иностранный язык, собирать информацию о стране в целом [2].

О. Воробьева и А. Гребенюк отмечают в своем докладе, что сегодня среди эмигрирующих из России очень высок процент людей с высшим образованием, что, несомненно, несет в себе опасный характер для будущего страны. Такая тенденция получила название «утечки мозгов». По данным аналитического агентства Stratfor в 2015 году Россию покинули 350 тысяч человек. Это самый высокий показатель со времен президентства Владимира Путина. Например, в 2000 году страну покинули чуть менее 150 тысяч человек. Аналитики, проводившие исследование отмечают, что сегодняшние эмигранты это высокообразованные люди – врачи, инженеры, ученые, преподаватели и предприниматели. Потеря такой прослойки населения еще очень долго будет тормозить экономику стра-

ны, развитие науки, скажется на демографии.

Зачастую страна, в которую переезжают, очень сильно отличается по менталитету, культуре общения, вероисповеданию. Например, в последние несколько лет в Европу прибывают мигранты, как правило, из мусульманских стран. Это влечет за собой проблемы ассимиляции в новом обществе, рост числа совершенных преступлений на этнической почве. Кроме выше перечисленных проблем мигранты сталкиваются с психологической адаптацией. Вот что пишет об этом П.Д. Павленок в книге «Основы социальной работы»: «при вынужденной миграции серьезно нарушается социальная интеграция человека – из одной природной и социокультурной среды он попадает в другую, разрывая прежние свои связи и традиции и пытаясь установить новые» [4].

С юридической точки зрения нормативно-правовые акты необходимы для определения правового статуса мигранта. Международные и внутригосударственные законодательные акты должны регулировать права мигрантов, отслеживать их соблюдение, защищать их интересы, осуществлять целенаправленную политику в области мигрантов. В России миграционные потоки регулируют международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

Из Федеральных законов можно назвать «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Говоря о международных конвенциях, то на сегодняшний день планируется ратифицировать Конвенцию Международной организации труда №97 «О работах-мигрантах» (1949 год), Конвенцию Международной организации труда №143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (1975 год). Международная конвенция Организации Объединенных Наций «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» (1990 год) Россия не подписала.

Несмотря на наличие таких нормативно-правовых законов разнообразие причин миграции предполагает разработку более детальных и структурированных законов, где будут учтены причины переезда, уровень владения языком, образование, возможности воссоединения с семьей. Сложность при разработке законодатель-

ных актов заключается в том, что большая часть мигрантов, приезжающих в страну, чаще всего пересекает границу нелегально. Из-за этого нельзя сказать точно, сколько мигрантов на данный момент находится на территории страны.

Для государства миграция может привести к следующим изменениям:

- сокращение численности населения, увеличение среднего возраста трудоспособного населения;
- изменение образовательного и социального уровня населения;
- обострение возможных конфликтов на национальной, этнической и религиозной почве;
- финансовые затраты для органов, которые занимаются работой с мигрантами.

Все это оказывает значительное влияние на социально-культурную жизнь, политическую и экономическую ситуацию в стране. Исходя из всех этих проблем, можно с уверенностью сказать, что трансграничное движение населения в современном мире имеет широкий круг вопросов, которые требуют оперативного решения.

Эффективное регулирование миграционных потоков можно достичь путем выяснения причин миграции, ее закономерностей и возможных последствий. Кроме этого, немаловажным является то, что у страны, которую покидает экономически активное и интеллектуально развитое население, в будущем возможны

Библиографический список

1. Сайт аналитического агентства Stratfor [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.stratfor.com/>.
2. Сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115316>.
3. Денисенко, М.Б. Миграциология [Текст]: уч. пособие / М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев. – Москва: Изд-во МГУ, 1989.
4. Павленок П.Д. Основы социальной работы [Текст] / П.Д. Павленок. – Москва: Инфра-М, 1999.
5. Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун «Международная миграция и развитие». A/71/296, 04.08.2016.

УДК 327.8

Сидоренко Д.С., Беседин М.Д.

Влияние «Евромайдана» на политические процессы в России

Статья посвящена реакции субъектов политической власти России, а также некоторых представителей официальной оппозиции на события, произошедшие на Украине в период с ноября 2013 по февраль 2014 года, как одного из ярких примеров применения механизмов «soft power», последующему влиянию результатов так называемого «Евромайдана» на политические процессы в Российской Федерации в целях регулирования межгосударственных отношений и формирования имиджа государства на международной арене. Евромайдан и его последствия уже третий год являются камнем преткновения в отношениях между Украиной и Россией. Всё, что произошло в результате смены режима Виктора Януковича, повлияло на политические процессы в России, кардинально изменило сценарий игры на уровне современных межгосударственных отношений. Данная «революция» придала новый вектор дипломатическим отношениям между Россией и Украиной, двух родственных стран, имеющих общую историю и этнические корни. Евромайдан анализируется, как очередной продукт «машин по переворотам», которая конструировалась десятилетиями и запускается с применением «мягкой силы». В статье затрагиваются основные события Евромайдана для воссоздания более точной картины происходившего, отношения России и Украины в рамках данного события, а также территориальные споры, которые актуальны и по сей день. Более подробно рассматриваются указы президента РФ Владимира Путина, которые как раз и явились основной официальной реакцией на события на Украине, изменившей ход политических процессов в России. Помимо этого, рассматриваются акты законодательных органов власти, которые тем или иным образом повлияли на демократические свободы, заложенные в Конституции Российской Федерации. Используются документы четырёх думских партий – «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР» и «Справедливая Россия», а также представителей оппозиционного блока (на примере меморандумов Бориса Немцова), которые играют свою роль в изменении политических процессов и отдельных частей политической системы. В заключении делаются выводы о том, можно ли называть Евромайдан «цветной революцией», и каков масштаб тех изменений в политических процессах России, которые последовали за событиями на Украине. Приводятся примеры, отражающие тенденцию развития отношений между Россией и Украиной в будущем.

Ключевые слова: цветная революция, Евромайдан, мягкая сила, международные отношения, политические процессы России

Сидоренко Денис Сергеевич, студент Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, denisidorenko@gmail.com.

Беседин Михаил Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск.

UDC 327.8

Sidorenko D.S., Besedin M.D.

Influence of «Euromaidan» on political processes in Russia

The article probes into the reaction of subjects of political power in Russia, as well as some members of the official opposition to the events, which occurred in Ukraine in the period between November 2013 and March 2014, as one of the clearest examples of using «soft power» mechanisms, and into the impact of the «Euromaidan» on political processes in the Russian Federation in order to regulate interstate relations and to form the state's image on the international arena. For the third year running Euromaidan and its consequences have been a stumbling block for the current relations between Ukraine and Russia. What happened after the overthrow of President Victor Yanukovich and the Ukrainian regime change, had an impact on the political processes in Russia. That “revolution” has radically changed the scenario of the game at the level of interstate relations. It set a new vector in diplomatic relations between Russia and Ukraine, the two related countries with a common history and ethnic roots. Euromaidan is analyzed as the latest product of a «machine to stage revolutions», which was designed decades ago. Now it has been launched again with «soft power» being used. The article describes the highlights of Euromaidan to recreate a more accurate picture of the situation, the relations between Russia and Ukraine within the framework of that event, as well as territorial disputes, which are relevant to this day. More detail is given to the presidential decrees issued by President Vladimir Putin. They were just the basic official response to the events in Ukraine that changed the dynamics of political processes in Russia. Besides that, legislative acts, which influenced in some way the democratic freedoms enshrined in the Russian Constitution, are considered. The article cites official documents produced by the four Duma parties – «Yedinaya Rossiya», «KPRF», «LDPR» and «Spravedlivaya Rossiya», as well as by leaders of the opposition bloc (the memoranda by Boris Nemtsov, for instance), which play a role in changing the political processes and parts of political system in general. There are conclusions as to whether Euromaidan can be really called a “colour revolution”, and with regard to the scale of changes in the Russian political processes following the events in Ukraine. The examples are given to reflect the trend in development of relations between Russia and Ukraine in the future.

Keywords: colour revolution, Euromaidan, soft power, international relations, political processes of Russia

Sidorenko Denis Sergeevich, a student at the South Ural State University, Chelyabinsk, denisidorenko@gmail.com

Besedin Mikhail Dmitrievich, Ph.D., associate professor at the South Ural State University, Chelyabinsk, bmd1@yandex.ru

CDU 327.8

Sidorenko D.S., Besedin M.D.

La influencia de “Euromaidan” en los procesos políticos de Rusia

Este artículo está dedicado a la reacción de los sujetos del poder político de Rusia y de algunos representantes de la oposición oficial ante los acontecimientos sucedidos en Ucrania durante noviembre de 2013 hasta febrero de 2014. Estos eventos se pueden considerar como uno de los ejemplos claros de la aplicación de mecanismos de “soft power”. Euromaidan y sus consecuencias, que ya duran más de tres años, es una piedra que obstaculiza cualquier tipo de relación entre Ucrania y Rusia. Todo lo que sucedió como resultado del derrocamiento del régimen de Víktor Yanukovich impactó en los procesos políticos de Rusia y cambió sustancialmente el escenario de juego a nivel de las relaciones interestatales contemporáneas. Esta “revolución” otorgó un nuevo vector a las relaciones diplomáticas entre Rusia y Ucrania, dos países hermanos que tienen una historia y raíces etnias comunes. Euromaidan se analiza como producto de la “máquina del golpe de Estados” que ya se planeaba desde hace varios decenios y se realizaba con la aplicación de la “fuerza blanda”. En el texto se describen los acontecimientos principales del Euromaidan para entender mejor todo lo sucedido y, sobre todo, las relaciones entre Rusia y Ucrania alrededor de dicho acontecimiento, así como las disputas territoriales que persisten hasta hoy en día. Se analizan los decretos del Presidente de Rusia, Vladimir Putin que constituyen la reacción principal oficial ante los acontecimientos en Ucrania que cambiaron la corriente de los procesos políticos en la misma Rusia. Se usan los documentos de cuatro partidos parlamentarios y de los representantes del bloque opositor que juegan su papel en el cambio de los procesos políticos y algunas partes del sistema político. En la conclusión, se plantea que Euromaidan se puede considerar como una “revolución de terciopelo” y que este acontecimiento provocó cambios en los procesos políticos de Rusia que acompañaron los acontecimientos en Ucrania.

Palabras clave: “revolución de terciopelo”, Euromaidan, “fuerza blanda”, relaciones internacionales, procesos políticos en Rusia

Sidorenko Denis Sergueevich es Estudiante de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur. E-mail: denisidorenko@gmail.com.

Besedin Mijail Dmitievich es Doctor en Ciencias Históricas, Docente de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur.

На протяжении многих веков Россия является самой крупной страной в мире, по размеру своей территории. Но, несмотря на своё «величие» и географический размах, у неё, как у известного древнегреческого героя, имеется своя «ахиллесова пята». Речь идёт об Украине и её взаимоотношениях с Россией. Несмотря на относительно недавнее обретение независимости и суверенитета, Украина, ввиду многовековых, общих историко-культурных связей с Россией, а также благодаря уникальному географическому расположению, соединяет Российскую Федерацию и Европу, образуя основной «коридор» во взаимоотношениях России с западным миром. Любые изменения в политической системе Украины практически всегда сказываются не только на её внутренних политических процессах, но и на процессах внешних, в первую очередь, на работе «коридора политических отношений» с Россией.

«Сегодня выражение (ахиллесова пята) означает уязвимое место человека, плана или учреждения, которое не защищено в случае нападения» [2, 25]. Эти слова «теоретического отца» «цветных революций» Джина Шарпа говорят о фактическом предназначении инструмента под названием «мягкая сила». Ведь именно с помощью «мягкой силы» была проведена первая удачная попытка смены власти на Украине в 2004 году («Оранжевая революция»), когда была проверена уязвимость «ахиллесовой пята» России. Во второй раз, в конце 2013 – нача-

ле 2014 года, она уже имела другое «говорящее» название, отражавшее масштабы явления – «Евромайдан». Среди её внешних причин исследователи называют, как и в первом случае в 2004 году, попытки США помешать укреплению позиции России как великой державы, всячески воспрепятствовать любым формам интеграции между Россией и Украиной [1, 107]. Как будет видно далее, из анализа изменений политических процессов в России, проведение Евромайдана приблизили Запад к реализации целей, которые были поставлены годами ранее.

Изучение вопроса, связанного с сущностью Евромайдана, его историческими предпосылками, а также анализ результатов этой «революции», влияния, которое она оказала на политические процессы на Украине и в России, имеет актуальный характер. Злободневность темы подтверждается тем обстоятельством, что это влияние продолжается по сегодняшний день. И исследователи проблематики ежедневно получают всё новые и новые данные в дополнение к тем, что накапливались и собирались в предыдущие годы, что закладывает базу для разработки темы на многие годы вперёд. Важность вопроса определяется также масштабами влияния Евромайдана на всю политическую систему России: изменения в её политике прямым образом повлияли на международные отношения, открыли новую страницу в отношениях России и западных стран.

Разговор о влиянии Евромайдана на политические процес-

сы в России следует начать с краткого обзора основных событий так называемой «революции достоинства». Политический кризис на Украине берёт своё начало 21 ноября 2013 года. Самое название – «Евромайдан» – делает очевидной основную идею, с которой в первый день «стояния» вышли молодые люди и студенты на главную площадь Независимости (Майдан Незалежности) города Киева. Как и в случаях с предыдущими «цветными революциями» на постсоветском пространстве, одним из компонентов «мягкой силы» являлось использование студенчества в качестве основных акторов этих процессов, в соответствии с 62-м пунктом «198 методов ненасильственного переворота» [3]. Ряд общественных организаций заранее подготавливали молодежь к первым выступлениям в поддержку идеи евроинтеграции Украины.

Следуя, как и в 2004 г., «методичке» зарубежных теоретиков, молодые люди уже 22 ноября 2013 г. поставили первые палатки на площади. Напомним, что поводом для этого послужило решение Правительства Украины о приостановке подписания «Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС». В течение последующей недели количество сторонников евроинтеграции увеличивалось, их «ядро» концентрировалось на площади Независимости. Подогреваемая речами лидеров парламентской оппозиции толпа морально и физически готовилась к последующим «кровавым событиям», которые привели их

«идейных» лидеров к победе. Надежды оппозиционеров, что прошедший 28-29 ноября 2013 года в Вильнюсе саммит «Восточного партнерства» принесёт им положительную новость по вопросу подписания «Соглашения об ассоциации ...», оказались напрасными. Сразу же по завершению дипломатических переговоров, в ночь с 29 на 30 ноября отряд спецподразделения МВД «Беркут» силой разогнали митинг на Майдане [4, 10]. Естественно, этим воспользовались организаторы массового протеста. Они постепенно стали переходить от «чистой» soft power, к так называемой «умной силе» (от англ. Smart power), которая изложена в концепции М. Куналакиса и А. Шимони и подразумевает использование мягкой и жёсткой силы [5]. СМИ стали преподносить действия отряда «Беркут» и других правоохранительных органов как «расправу» над студентами, что вызвало массовое недовольство. Этим воспользовались лидеры оппозиции, которые призывали к сплочению, требовали от действовавшего на тот момент правительства Николая Азарова прекратить применение «жёсткой силы».

События «Евромайдана», после разгона студентов, приобретают динамичный и порой хаотичный характер, наполняя хронологию обилием происшествий, к сожалению, часто «кровавых». Детальное рассмотрение хронологии не входит в рамки данного исследования.

Но для понимания последующего влияния Евромайдана на политические процессы в России представляется важным выделить некоторые моменты. После всех событий, произошедших в конце января 2014 года, включая противостояние на улице Грушевского в Киеве, уже 1 февраля, состоялась встреча лидеров оппозиции с государственным секретарем США Джоном Керри, в ходе Мюнхенской конференции. На этой встрече Джон Керри говорит очень важную фразу: «Со всем миром или с одной страной» [6]. На наш взгляд, эти слова определили всю суть последующих событий в отношениях между Украиной и Россией и задали тон тем изменениям в политическом процессе Российской Федерации, о которых будет сказано ниже.

Завершая краткий хронологический экскурс по событиям Евромайдана, стоит отметить ещё несколько примечательных фактов. После заявления государственного секретаря США в ходе Мюнхенской конференции, «революция достоинства» вошла в этап кульминации, сопровождавшийся столкновениями радикалов с сотрудниками правоохранительных органов. 19 февраля 2014 года, появляются «неизвестные» снайперы, которые задают финальный аккорд всем произошедшим далее кровавым событиям. Этот ход в «шахматной партии» – использование стрельбы снайперов по толпе – применялся в октябре 1993 года в России, в Москве, но до сих пор так и не установлены личности стреляв-

ших. Буквально через два дня, после первых выстрелов «неустановленных» снайперов в Киеве, было подписано «Соглашение об урегулировании политического кризиса в Украине». При посредничестве представителей Европейского Союза и России (в лице Владимира Лукина, который отказался ставить подпись под «Соглашением»), представители оппозиции и президент Украины Виктор Янукович подписали столь знаменательное «Соглашение» [7]. Положения «Соглашения», а также последовавшие за его подписанием действия привели к основным результатам Евромайдана.

Свержение прежнего правительства, формирование («правительства народного единства»), возврат к конституции 2004 года, конституционная реформа (целью которой было «уравновесить» полномочия президента, правительства и парламента), а также проведение досрочных президентских выборов – всё это результаты «революции Евромайдана», официальной целью которой была интеграция Украины в Европу, или, по крайней мере, сближение Украины и Европейского Союза в этом вопросе. За фасадом публичных заявлений, однако, просматривалось стремление США и ЕС воспрепятствовать попыткам создания любых форм интеграции Украины и России. События Евромайдана и их результат – новый вектор политической власти Украины – оказали серьёзное воздействие

на политические процессы в России.

Руководство Российской Федерации, судя по законам, подписанным Президентом РФ Владимиром Путиным в начале декабря 2013 года, уже в первые дни Евромайдана на Украине, было осведомлено о возможных исходах начавшегося протеста в Киеве. Так, 2 декабря В.В. Путин подписывает «Закон о ратификации Соглашения об условиях пребывания Координационной службы Совета командующих Пограничными войсками государств – участников СНГ на территории России» [8]. Соглашение было подписано в Москве 19 апреля 2012 года, а ратифицировано лишь 3 декабря 2013 года. Случайность? Не исключено, что это был заблаговременный шаг по подготовке почвы к возвращению Крыма в состав Российской Федерации. Следующим, ещё более интересным актом Президента РФ, стал указ «О помиловании Ходорковского М.Б.» от 20 декабря 2013 года [9]. Михаил Ходорковский, которого либеральная оппозиция считала политическим заключённым, освобождается за день до того, как в Киеве выйдут на улицы студенческие массы. Предположительно, это освобождение преследовало цель упредить потенциальное влияние украинских волнений на политические процессы в России, снять с повестки дня возможную активизацию российских оппозиционеров, по примеру массовых протестов на Майдане.

15 января 2014 г. Президент внёс на ратификацию в Государственную Думу РФ, «Договор государств – участников СНГ о межгосударственном розыске лиц», в соответствии с пунктом «п» статьи 84 Конституции РФ [10]. Он предусматривал сотрудничество участников Содружества Независимых Государств по взаимному исполнению запросов сторон о розыске, обмене информацией, оперативно-розыскных мероприятий и т.д. Таким образом, предпринимались шаги по регулированию в сфере прав и свобод человека и гражданина вне территории России, что, в свою очередь, не могло не повлиять на демократические основы, заложенные в её Конституции, и на политические процессы в Российской Федерации.

После заявлений государственного секретаря США Джона Керри на Мюнхенской конференции последовали изменения в военной сфере России. В частности, подписывается Федеральный Закон от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ, «о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации» [11]. В законе значительно расширялась деятельность военной полиции, делался акцент на её усилении, что косвенным образом затрагивало демократические права человека и гражданина. На следующий день, 4 февраля, Владимир Путин подписал Федеральный Закон, который внёс изменения,

касающиеся деятельности иностранных банков на территории России [12]. Основной целью закона о «иностранных банках» было обозначено регулирование порядка создания и прекращения деятельности представительств иностранных банков и кредитных организаций на территории РФ. Примечательным является тот факт, что закон был принят задолго до первых санкций в отношении России со стороны Запада. Под контроль ставился основной механизм осуществления любой «цветной революции», а именно: «денежный фактор». Тем самым, руководство РФ стремилось обезопасить себя от возможных акций протеста, которые происходили на Украине. После событий 2004 года спонсоры переворота там не изменились. По утверждению американского политолога С.Уайсмана из Института Рона Пола за мир и процветание, «Евромайдан» был срежиссирован Государственным департаментом США через подконтрольные ему НПО (неправительственные организации) и частные фонды, в том числе Фонд Сороса [1, 114]. Следовательно, Владимир Путин, подписывая закон, касающийся деятельности иностранных банков, частично предотвратил возможное финансирование подобных «революций» в России.

Российские власти, проанализировав итоги «Майдана», сделали то, что подготовило почву для изменений в политическом процессе в России, в состоянии политической системы в целом, задали новый тон меж-

дународным отношениям на ближайшие годы, чего Запад явно не ожидал. Не прошло и месяца с завершения «революции» в Киеве, как 17 марта 2014 года Владимир Путин подписал указ № 147 «О признании Республики Крым», как следствие состоявшегося 16 марта общекрымского референдума, учтя волеизъявление народов Крыма, признав Республику Крым, в которой город Севастополь имел особый статус, суверенным и независимым государством [13]. А уже 18 марта 2014 года выходит распоряжение президента России №63-рп, «О подписании Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республику Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [14]. Изменение статуса Крыма стало ответом на действия идейных вдохновителей Евромайдана, которые добились установления прозападного руководства в Киеве и намеривались в дальнейшем использовать Украину для давления на Россию. В этой связи логически последовательным стало предложение, внесенное Президентом РФ в конце марта 2014 года на рассмотрение в Государственную Думу, «о прекращении действия ряда российско-украинских соглашений» [15]. Прекращение сотрудничества России и Украины в предложении Владимира Путина, затрагивало соглашения 1997–1998 годов, о разделе Черноморского флота, соглашения между Правитель-

ством Российской Федерации и Правительством Украины о взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и так далее.

Включение Крыма в состав России стало «спусковым крючком» для начала политики западных стран по изоляции России и свёртыванию прежних политических и экономических отношений с ней, политики, которая была призвана «вставлять палки» в российские колёса. Это событие явилось ключевым для последующего изменения политических процессов в Российской Федерации, перемены отношения нового правительства и президента Украины к России (которое и до того было не совсем дружественным), формирования прозападного политического курса Украины, который постепенно закрывал «ко-ридор» связи России со странами Европы, в первую очередь в торговых отношениях, в решении вопроса об экспорте газа.

О дальнейшем совершенствовании политической системы России, из-за меняющегося под влиянием «Евромайдана» вектора развития, говорил в одном из своих выступлений председатель Совета Палаты депутатов партии «Справедливая Россия», Николай Левичев. Он коснулся слабых мест и негативного опыта кризиса на Украине: «Как показали события на Украине, при отсутствии устойчивых государственных институтов, без культуры политического конфликта, без культуры оппозиционности страна может очень

быстро погрузиться в политический и экономический хаос» [16, 97]. Примечательной в словах Николая Левичева является фраза «без культуры оппозиционности», которая подчёркивает сохранение политической и экономической стабильности только при наличии официальной оппозиции. При этом лидер одной из трёх партий думского меньшинства проводит «невидимую» грань между партией власти и представителями оппозиции в России, говоря о «культуре оппозиционности». Вероятно, он вышел за рамки этой «культуры», открыто призывая к изменениям в политических процессах Российской Федерации.

До недавнего времени, а точнее до 27 февраля 2015 года, одним из лидеров оппозиции, являлся Борис Немцов. Российский политический и государственный деятель, будучи активным противником действующего режима, писал и публиковал так называемые «меморандумы», в которых от лица оппозиционного блока и себя лично излагал основные идеи по изменению политических процессов в нашей стране и частичной «перепрошивке» всей политической системы в России. Являясь сопредседателем «Республиканской партии России – Партии народной свободы», он, спустя год после начала киевских событий, 23 ноября 2014 года, проводит конференцию в Москве «о ситуации в стране и политической повестке для демократической оппозиции» [17]. Примечательно, что днём ранее, 22 ноября в своём

интервью, Борис Немцов и Михаил Касьянов объявляют о создании широкой оппозиционной коалиции «За европейский выбор» [18]. На конференции также присутствовали члены партий «Яблоко», Партии Прогресса, Партии 5 декабря, движения «Демократические выборы». Ряд экспертов выступали с докладами, где констатировалось скатывание России в экономическую и политическую яму и заявлялось, что противостоять этому можно лишь путём объединения всех сил, альтернативных нынешнему политическому курсу [17]. Чёткие цели и задачи, о которых шла речь в докладах выступавших, формулировали тем самым действия оппозиции, в рамках развития оппозиционной культуры, подчёркивали стремление повлиять на политические процессы в России.

Расстановку сил на современной политической сцене оппозиционный блок России охарактеризовал следующим образом, говоря словами Бориса Немцова: «В России сложилась двухпартийная система: есть партия китайского выбора, и есть партия европейского выбора России. Партию китайского выбора возглавляет Путин. В неё входит Зюганов, Жириновский, Миронов» [19]. Представители партий Государственной Думы РФ, несколько иначе определяли свою позицию, особенно в отношении вектора событий на Украине, и тенденций развития политических процессов в России. Геннадий Андреевич Зюганов, председатель

фракции КПРФ, 25 ноября 2013 года, на заседании Секретариата ЦК КПРФ, заявил, что: «для Запада важно не допустить, чтобы Россия и Украина сложили свои экономические потенциалы. «Если всё-таки сломают Украину, они могут навсегда оттащить её от России», - дал неутешительный прогноз Геннадий Андреевич на случай неблагоприятного развития политической ситуации в братской республике.» [20].

Лидер партии ЛДПР Владимир Жириновский 11 декабря 2014 года заявил: «Мы выступали всегда за двухпартийную систему, когда много партий – порядка нет. Лучше две постоянно меняющиеся друг друга команды. У нас пока этого не получилось, пока одна большая партия, остальные маленькие...». По словам Жириновского, люди «устают, когда побеждает постоянно одна команда. Это пробуксовывает, и начинается «болотная», «майдан» в Киеве и так далее», – подчеркнул он. [21]

Официальная позиция партии «Единая Россия» по отношению к «Евромайдану», ввиду её численного превосходства в составе Государственной Думы РФ, отражалась в действии, а точнее в принятии законопроектов, способствующих изменению политических процессов в России. Речь идёт, в том числе, об упомянутых выше указах, распоряжениях и законах, подписанных Президентом Российской Федерации В. Путиным.

Приступая к анализу влияния «Евромайдана» на политиче-

ские процессы в России, исследователь сталкивается с рядом определённых трудностей. Такой серьёзный вопрос и сложная проблема имеют под собой динамично развивающуюся источниковедческую и библиографическую базу, которая постоянно пополняется и обновляется. Объём работы, заключаемый в их изучение, велик. Объективную оценку тем событиям, которые произошли в Киеве с 21 ноября 2013 года по 27 февраля 2014 года, и всем последствиям переворота на Украине ещё предстоит выработать. И она будет дана лишь после изучения всей хронологии событий, поэтапного системного исследования как самого «Евромайдана», его внутренних акторов, так и последующей реакции на «революцию достоинства» внешних политических субъектов и их влияния на украинскую политику.

Изменения в российских политических отношениях и про-

цессах, уже в течение и после «политического кризиса на Украине», – неоспоримый факт. Это видно из упомянутых в статье законов и указов, затрагивающих демократические права и свободы человека и гражданина. Об этом свидетельствуют прекращение союзнических соглашений с Украиной и территориальный спор по поводу присоединения Крыма к России, который, по мнению Украины и её сторонников, не решён по сей день и который привёл за период с 2014 по 2016 год к изоляции России со стороны западных стран в торговой, экономической и политической сферах.

Для более детального и глубокого изучения вопроса следует, в первую очередь, по мнению авторов данной статьи, исследовать внутренние и внешние причины возникновения «Евромайдана», его сущность, установить, является ли это событие «цветной революцией» или это нечто большее. И лишь

Библиографический список

- 1.Цатурян, С. А. *Ненасильственная революция. От теории к практике: монография* / С.А. Цатурян. – М.: РУДН, 2015. – 280 с.
- 2.Шарп, Дж. *От Диктатуры к Демократии*. / Джин Шарп // Институт им. Альберта Эйнштейна. – 1993 г. – 72 с.
- 3.Шарп, Дж. *198 методов ненасильственных действий*. // URL: <http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/The-198-Methods-of-Nonviolent-Action-Russian-.pdf> (дата обращения: 11.03.2016).
- 4.Ворожейкина, Т.Е. *Украина – утраченные иллюзии* / Pro et Contra. – 2014. – № 3-4(63). – С. 6–25.
- 5.Kounalakis M., Simonyi A. *The Hard Truth About Soft Power // Perspectives on Public Diplomacy. Paper 5*. – Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy, 2011.
- 6.«Для поднятия боевого духа. В Киеве ждут гостей из Европы и Америки» / Официальный сайт газеты «Аргументы и Факты», URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1097268> (дата обращения: 13.03.2016).
- 7.«Гарантом выполнения Соглашения об урегулировании кризиса в Украине является народ - Томбинский» / Сайт информационного аген-

ства «Униан», URL: <http://www.unian.net/politics/891313-garantom-vyipolneniya-soglasheniya-ob-uregulirovanii-krizisa-v-ukraine-yavlyayetsya-narod-tombinskiy.html> (дата обращения: 13.03.2016).

8. Подписан закон о ратификации Соглашения об условиях пребывания Координационной службы Совета командующих Пограничными войсками государств – участников СНГ на территории России – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/19759> (дата обращения 21.03.2016).

9. Владимир Путин подписал Указ «О помиловании Ходорковского М.Б.» – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/19863> (дата обращения 21.03.2016).

10. В Госдуму на ратификацию внесён Договор государств – участников СНГ о межгосударственном розыске лиц – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/20066> (дата обращения 21.03.2016).

11. В законодательство внесены изменения, касающиеся деятельности военной полиции – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/20142> (дата обращения 23.03.2016).

12. В законодательство внесены изменения, касающиеся деятельности иностранных банков на территории России – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/20149> (дата обращения 23.03.2016).

13. Владимир Путин подписал Указ «О признании Республики Крым» – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/20596> (дата обращения 24.03.2016).

14. Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.03.2014 г. № 63-рп – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/38197> (дата обращения 24.03.2016).

15. В Госдуму внесено предложение о прекращении действия ряда российско-украинских соглашений – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/20654> (дата обращения 24.03.2016).

16. Левичев Н.В. Без Ретуши или политика как она есть. Статьи, выступления, интервью (2013-2014) / Н.В. Левичев. – М.: «Ключ-С», 2015. – 272 с.

17. В Москве прошла конференция РПР-ПАРНАС о ситуации в стране и политической повестке дня демократической оппозиции / Официальный сайт Бориса Немцова – URL: <http://nemtsov.ru/2014/11/v-moskve-proshla-konferenciya-rpr-parnas-o-situacii-v-strane-i-politicheskoi-povestke-dlya-demokraticheskoi-oppozicii/> (дата обращения: 04.04.2016).

18. «Герцен нам бы не простил» Интервью Бориса Немцова спецкору «Медузы» Илье Азару / Официальный сайт Бориса Немцова – URL: <http://nemtsov.ru/2014/11/gercen-nam-by-ne-prostil-intervyu-borisa-nemcova-speckoru-meduzy-ile-azaru/> (дата обращения: 04.04.2016).

19. Коалиция «За европейский выбор» как альтернатива самоизоляции и агрессии / Официальный сайт Бориса Немцова – URL: <http://nemtsov.ru/2014/11/818/> (дата обращения: 04.04.2016).

20. 25 ноября состоялось заседание Секретариата ЦК КПРФ, от 25 ноября 2013 / Официальный сайт «Коммунистическая Партия Российской Федерации» – URL: <https://kprf.ru/official/2013/11/25/25-noyabrya-sostoialos-zasedanie-sekretariata-tsk-kprf/172.html> (дата обращения: 18.03.2016).

21. Владимир Жириновский: двухпартийная система спасет Россию от «майдана» / Официальный сайт «Либерально-демократическая партия России» – URL: http://ldpr.ru/events/ladimir_zhirinovskiy_russia_will_save_the_twoparty_system_of_maidan_111214/.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ

Требования к сопроводительным документам:

- экспертное заключение для открытой печати
- рекомендация к публикации

Требования к срокам подачи статей:

- до 20 марта в первый номер года
- до 20 октября во второй номер года

Требования к содержанию статей:

- социально-политическая и гуманитарная направленность
- комплексный и межпредметный характер

Требования к форме статей:

редактор MS Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1 пт., красная строка 1 см, поля 2x2x2x2 см

Требования к структуре статей:

УДК, название, список авторов, аннотация, ключевые слова, текст статьи (не более одного авторского листа – 40 тыс. знаков), концевые сноски (единая нумерация на всю статью)

Требования к языку статей:

- статья может быть предоставлена на любом языке
- название, список авторов, аннотация, ключевые слова повторяются на русском и английском языках, а также на языке оригинала статьи

REQUIREMENTS CONCERNING THE PUBLICATION

Requirements concerning the enclosed information:

- expert's decision on public print
- recommendation for publication

Requirements concerning the dead-line for submitting the articles:

- March 20 – for the first issue of the year
- October 20 – for the second issue of the year

Requirements concerning the content of the articles:

- social and political focus
- complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the article's form:

MS Word, font of Times New Roman, size 12, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the article's structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, abstract, keywords, the article's text (no more than one author's sheet – 40 thousand characters), endnotes (single numbering for the full article)

Requirements concerning the article's language:

- The article can be presented in any language
- The title, the authors, the abstract, keywords are represented in Russian and English languages, as well as the language of the original article

LES EXIGENCES RELATIVES A LA PUBLICATION

Les exigences envers l'information d'accompagnement

- * avis d'expert pour la presse
- * recommandation à la publication

****Les exigences concernant les délais de la présentation des articles***

- * jusqu'au 20 mars pour le premier numéro de l'année
- * jusqu'au 20 octobre pour le deuxième numéro de l'année

Les exigences au contenu des articles

- * les sujets socio-politiques et humanitaires
- * le caractère global (complexe) et interdisciplinaire

Les exigences concernant la forme des articles

Ms Word, format A4, police de caractères Times New Roman, intervalle 1, alinéa 1 cm, marges 2x2x2x2 cm

Les exigences concernant la structure des articles

CDU (classification décimale universelle), le titre, la liste des auteurs, l'annotation (150-200 mots), les mots-clés, le texte de l'article (appr. 10 pages), le répertoire bibliographique (5- plus titres)

Les exigences concernant la langue des articles

- * l'article peut être présenté dans n'importe quelle langue
- * le titre, la liste des auteurs, l'annotation (150-200 mots), les mots-clés doivent être faits en russe, en anglais et dans la langue originale de l'article

Il est recommandé de lire les exigences de la base de données SCOPUS en faisant la présentation des articles

REQUISITOS PARA PUBLICACIÓN

Requisitos para información de aceptación:

- * dictámenes para edición abierta
- * recomendación para publicación

**** Calendario para fechas de entrega de artículos:***

- * para el primer número del año hasta 20 de marzo
- * para el segundo número del año hasta 20 de octubre

Requisitos para el contenido de artículos:

- * orientación socio-política y humanitaria
- * carácter complejo y interdisciplinario

Requisitos para la forma del artículo:

redactor Ms Word, formato: A4, letras: Times New Roman, intervalo 1 (пт), sangría 1 sm., márgenes: 2x2x2x2 sm.

Requisitos para estructura del artículo:

título, la lista de autores, anotación (150-200 palabras), palabras-clave. Texto del artículo (aproximadamente 10 páginas), lista bibliográfica (5-15 títulos)

Requisitos para idioma de artículos:

- * El artículo puede ser presentado en cualquier idioma
- * título, lista de autores, anotación (150-200 palabras), palabras-clave se repiten en idioma ruso, inglés y también en idioma original del artículo

Para el formato de los artículos se recomienda aprovechar los requisitos de БД SCOPUS